

РУДОЛФ ШТАЙНЕР

**ИМПУЛЬС ХРИСТА
И РАЗВИТИЕ
„Я” - СОЗНАНИЕ**

GA 116

**7 лекции Берлин
25. 10.; 22. 12. - 1909
и 08. 02.; 08. 05 – 1910 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

1. Лекция первая *Берлин 25 октября 1909 г*
СФЕРА БОДИСАТТВ
2. Лекция вторая *Берлин, 29 декабря 1909 г*
ЗАКОН КАРМЫ в ОТНОШЕНИИ ЧАСТНОСТЕЙ жизни
3. Лекция третья *Берлин, 2 февраля 1910 г*
ВСТУПЛЕНИЕ ХРИСТА в РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
4. Четвертая лекция *Берлин, 8 февраля 1910г*
НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
5. Пятая лекция *Берлин, 1 марта 1910 г*
СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ МИКРОКОСМОМ и МАКРОКОСМОМ
6. Лекция шестая *Берлин, 2 марта 1910 г*
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВЕСТИ
7. Лекция седьмая *Берлин, 8 мая 1910г*
ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОВЕСТИ

**ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ
СФЕРА БОДИСАТТВ
Берлин 25 октября 1909 г.**

Сегодня по случаю общего собрания, мне надлежит говорить об одном важном вопросе, касающемся всего человечества. Позвольте мне еще раз заметить, что и по отношению к более важным вопросам мы не должны довольствоваться односторонним сообщением из высшего мира, как например, дать определения об общем понятии Бодисаттв, о которых сегодня должна быть речь, и затем на их миссию; но мы должны и здесь призывать к тому, чтобы проникать из абстрактного в конкретное, чтобы попытаться подойти даже к такому высокому вопросу, как вопрос о Бодисаттвах, с мыслями и чувствами, усвоенными нами из основательного и любовного рассмотрения жизни; только тогда мы сможем не только внимать сообщению фактов, но до известной степени, и понять их. Поэтому я хотел бы начать наше исследование снизу и поставить себе целью несколько более, чем в схематическом изображении, охарактеризовать понятие Бодисаттвы и его путей в мире. Мы, в сущности, совсем не можем понять, что такое Бодисаттва, если мы несколько не углубимся в ход развития человечества и не вызовем перед

нами то, что мы услышали за текущие годы. Примите во внимание хотя бы тот факт, как человечество движется вперед: после великой атлантической катастрофы человечество пережило период пра-индийской культуры, когда великие Риши были учителями человечества, потом - период пра-персидской культуры, период египто-халдеской культуры, затем греко-латинский период культуры - вплоть до нашего времени, которое являются пятым периодом культуры послееатлантической эпохи. Смысл этих культурных периодов в том, что они означают движение человечества вперед от одной формы жизни к другой. Ведь не только прогрессирует то, что изображается обыкновенно во внешней жизни, но, если принять во внимание более длительные эпохи, изменяются и обновляются также все ощущения и чувства, все понятия и идеи в ходе человеческого развития. Если бы мы не знали, что это так, то какой смысл имело бы ратовать за идею перевоплощения? К чему, в сущности, должны наши души всё снова и снова появляться в земном теле, если они не должны каждый раз не только переживать, но и ощущать и испытывать новое? И способности людей, и интимные стороны душевной жизни - всё обновляется, изменяется. Благодаря этому наша душа не только восходит как бы по лестнице со ступени на ступень, но всякий раз ей дана возможность воспринимать извне новое, путём превращения жизненных условий нашей Земли. Не только своими ошибками, своими кармическими грехами ведётся наша душа от воплощения к воплощению, но тем, что наша Земля изменяется во всех своих жизненных условиях, даётся нашей душе возможность воспринимать новое и извне. Поэтому душа движется вперед от воплощения к воплощению, но также от одного культурного цикла к другому. Но эта душа не могла бы идти вперед, не могла бы развиваться, если бы те существа, которые уже достигли более высокого развития и, следовательно, поднялись над средним уровнем человеческого развития, не заботились бы о том, чтобы в нашу земную культуру притекало постоянно новое, - другими словами: если бы не воздействовали великие учителя, которые, благодаря своему более высокому развитию, могут воспринимать опыт и переживания из высоких миров и переносить их в сферу земной культурной жизни. Во время развития Земли (а мы говорим сегодня только о послееатлантическом развитии), всегда были также существа, которые являются, в известном отношении, учителями остального человечества. Мы можем понять сущность подобных учителей человечества только, если уясним себе, как движется само это человечество.

Вчера и сегодня мы слышали две лекции д-ра Унгера, которых теоретически-познавательным трактовался вопрос о «Я» в его отношении к не-я, о его восприятии себя самого. Думаете ли вы, что то, что вы слышали вчера и сегодня из человеческих уст, плод человеческого мышления, что вы могли бы услышать его в этой форме, скажем, 2500 лет тому назад? Нигде на нашей земле не было возможности говорить в форме частого мышления, например, о Я. Предположим что какая-нибудь индивидуальность, захотевшая воплотиться за 2500 лет до наших дней, решила бы до своего воплощения говорить о «Я» в той особой форме, которую вы слышали. Она бы этого не смогла. Ибо тот заблуждается на счет истинного хода и видоизменения культурного развития, кто может думать, что нечто подобное могло быть сказано в этой форме за 2500 лет. Для того, чтобы это стало возможным, требуется не только индивидуальность, которая решается воплотиться в человеческое тело, но требуется ещё, чтобы наша Земля в своём развитии создала бы человеческое тело с так устроенным мозгом, чтобы истины, существующие в высших мирах, совершенно по-иному образовали бы в этом мозгу то, что мы называем «чистыми мыслями», ибо ту форму, в которой вчера и сегодня д-р Унгер читал о «Я», мы называем формой чистых мыслей. 2500 лет тому назад, безусловно, не существовало человеческого мозга, способного передать подобные истины в таких мыслях. Существа, желающие спуститься на нашу Землю, должны пользоваться человеческими телами, создаваемыми данным кругом развития Земли. Но наша Земля в течение различных культурных периодов создавала постоянно другие тела, совершенно различно организованные; и только в нашем пятом послееатлантическом периоде культуры стало возможным говорить на языке чистого мышления, потому что человеческий род создал приспособленные для этого тела. Даже в греко-латинскую эпоху такой теоретически-познавательный подход не был бы возможен, потому что не существовало орудия, инструмента, что бы вылить эти мысли в общепринятую речь. В этом как раз задача нашего пятого послееатлантического периода времени: мало-помалу так обработать человека по отношению к его физической организации, чтобы создать орудие, через посредство которого могли бы снизойти, в виде всё более чистых мыслей и те истины, которые в другие времена принимали совсем иные формы, чем форма чистого мышления. Возьмём ещё пример.

Когда теперь человек подходит к вопросу о добре и зле, когда он должен или не должен

делать то или иное, он говорит, что род «внутреннего голоса» приказывает ему, независимо от внешнего закона: «Это ты должен делать, этого - не должен». Кто прислушивается к внутреннему голосу, тот получает известный импульс, побуждение поступить так или иначе в данном случае. Мы называем этот внутренний голос «совестью». Кто придерживается взгляда, что отдельные эпохи человеческого развития походили одна на другую, тот мог бы опять-таки полагать, что совесть всегда существовала с тех пор, как есть люди на Земле. Это было бы неверно. Можно исторически доказать, что некогда наступило время, когда впервые люди заговорили о совести. Это время для нас точно очерчено; оно лежит между двумя греческими трагиками - Эсхилом, родившимся в VI веке до Рождества Христова, и Еврипидом, родившимся в V веке до Рождества Христова. До этого вы не найдёте речи о совести. И у Эсхила нет ещё того, что мы обозначаем «внутренним голосом», у него выступает еще то, что является астральным образом для человека: появляются видения, которые преследуют человека, как мстящие существа: Фурии или Эринии. Но вот наступило время, когда астральное восприятие Фурий было заменено внутренним голосом совести. Ещё в греко-латинскую эпоху, когда у большинства ещё сохранилось смутное астральное восприятие, сделавший неправое дело мог видеть, как всякая неправда порождала в своём окружении астральные существа, которые наполняли его страхом и ужасом за содеянное. Они воспитывали человека, толкали его вперёд. И когда люди потеряли последние следы астрального ясновидения, это представление сменилось невидимым голосом совести; то есть то, что было раньше во вне, вошло в душу и стало одной из душевных сил. Человечество изменилось в течение развития потому, что внешнее орудие, в которое воплощается человек, изменилось. 5000 лет тому назад человеческая душа, когда она творила неправду, видела Фурий; тогда она никогда не могла бы услышать голос совести. Подобным образом она научилась соотношению добра и зла. Далее эта душа всё вновь воплощалась - и, наконец, появилась в теле, организованном таким образом, что отныне в этой душе могла зародиться совесть. В будущем цикле человечества опять появятся другие способности и другие формы нисхождения души. Я уже часто подчёркивал: кто действительно понимает Антропософию и не становится на догматическую точку зрения, тот не будет думать, что форма, в которой ныне выражается Антропософия - вечна и останется для всего будущего человечества. Это не так. Через 2500 лет те же истины будут в других формах, смотря по орудию, которое тогда будет. Если вы примите это во внимание, вы уясните себе, что в каждую эпоху надлежит по-иному говорить с людьми и что великие Учителя должны были менять свой образ действий в зависимости от человеческих способностей. Но это означает, что эти великие Учителя человечества сами должны пройти через развитие, от цикла к циклу, от поколения к поколению. Так мы встречаем циклы, которые проходит человечество, - и как бы над ними - восходящее развитие Учителей человечества. И как человек проходит известные ступени, по которым он доходит до поворотных пунктов, так и эти великие Учителя прошли известные ступени развития и достигли поворотных пунктов. Подумайте только о том, что уже было сказано: Мы живем теперь в пятой эпохе нашего послееатлантического периода культурного развития. Эта пятая эпоха, в известном отношении - повторение третьей эпохи египто-халдейской. Подобным же образом - шестая эпоха будет повторением пра-персидской, а седьмая - пра-индийского времени. Так заходят циклы один за другой. Четвертая эпоха не будет иметь повторения; она стоит посредине, так сказать, особняком. Что это означает? Это значит, что люди должны только однажды, в течение одного культурного периода, пережить то, что они пережили в греко-латинскую эпоху; не в том смысле, чтобы они только раз в ней воплотились, но они делают это только в той форме. То, что было пройдено в египто-халдейскую эпоху, это повторяется в наше время; оно проходит следовательно, в двоякой форме. Бывают такие ступени развития, которые означают род кризиса, тогда как другие эпохи ходят друг на друга, в известном отношении, являются повторением, хотя и в другой форме, друг друга. Во время развития человека в послееатлантическом периоде он как бы проходит ряд воплощений в индийскую эпоху - и другой ряд в седьмую культурную эпоху, которые схожи между собой. Так же обстоит дело с шестой и второй эпохами, с третьей и пятой. Между ними в четвертую эпоху лежит ряд воплощений, непохожих на другие, означающих, таким образом, переход. Человек продельвает спуск и подъем.

Так и великие Учителя проходят свое развитие в спуске и в подъеме, и в различные времена они совершенно иные.

Так как люди в первую послееатлантическую эпоху имели совершенно другие способности, чем впоследствии, то и наставлять их нужно было по-иному. Чему мы обязаны, что в наше время и

мудрость логически точно облекается в форму чистого мышления? Тому обстоятельству, что в настоящее время земного развития как раз душа сознательная развивается как общечеловеческое свойство. В греко-латинскую эпоху это была душа рассудочная, в египто-халдейскую - душа ощущающая, в пра-персидской культуре - тело ощущающее и в древнем индуизме - эфирное тело, - только с оговоркой - как фактор культурного развития. Что для нас душа сознательная, то было для индусов - эфирное тело. Поэтому человек совершенно по-иному схватывал и понимал. Если бы вы подошли к индусу с чистым мышлением, он бы ровно ничего не понял. Это были бы для него звуки без смысла. Древнего индуса великие Учителя не могли наставлять в форме чистого мышления путем речи. Великий Учитель, например, говорил в древней Индии весьма мало, ибо на той ступени, на которой тогда находилось эфирное тело, не было восприимчивости к слову, заключающему смысл. Теперешнему человеку очень трудно представить себе, в чем состояло подобное поучение. Говорилось чрезвычайно мало; другая душа узнавала скорее по окраске звука, скорее по тому, *как* произносится слово, *что* именно притекало из духовного мира. Но это не было главное. Слово было так сказать, «наполнением», знаком, что должно быть отношением между учителем и другим человеком. В самые древние времена индийской культуры слово значило немногим больше, чем тот звонок, которым мы подаем как знак того, что что-то начинается. Это была та точка кристаллизации, вокруг которой сплетались неуловимые, тонкие духовные течения, идущие от учителя к ученику. Всего важнее было то, чем являлся учитель в своей внутренней сути. Не то имело значение, что говорил учитель, но каково было качество его души; ибо ученик был в некотором роде под его внушением. Так как у него особенно развито было эфирное тело, то к нему надо было относиться соответствующим образом; поэтому невысказанное, то каков был учитель, понималось гораздо лучше, чем высказанное слово. Ибо люди должны были подготовиться в позднейшие культурные эпохи к пониманию речи. Поэтому и не было необходимости в том, чтобы великие Учителя древней Индии имели особо развитые рассудочную или сознательную душу, так как это было бы совершенно непригодным орудием для тогдашнего времени. Но нечто другое было необходимо этим Учителям: по развитию своего эфирного тела учитель должен был стоять выше других. Если бы он стоял на той же ступени развития, он не мог бы влиять на них, не мог бы им приносить вести из высших миров, не мог бы давать им импульсы к движению вперед. Человеку, в некотором роде, надо было дать то, во что он должен был врать лишь в будущем. Индийский учитель должен был как бы предвозвестить то, что другие могли воспринять лишь в персидскую культурную эпоху. Что обыкновенные люди должны были воспринять в персидскую эпоху через посредство тела ощущающего, то он должен был вложить в эфирное тело. Это значит, что эфирное тело подобного учителя отнюдь не могло действовать, как эфирные тела остальных людей; его деятельность должна была уподобиться деятельности тела ощущающего в персидскую эпоху. Если бы ясновидящий в теперешнем смысле стал бы перед одним из великих индийских учителей, он бы сказал: «что это за эфирное тело?». Ибо такое эфирное тело выглядело бы, как позже астральное тело в персидскую эпоху.

Но подобное эфирное тело не могло действовать столь просто, как позднейшее астральное тело. Никакое прогрессирующее развитие не могло вызвать этого в тогдашнее время. Это возможно было лишь потому, что фактически существо, стоявшее уже на ступень выше других, спустилось и воплотилось в человеческий организм, который для него, в сущности, совсем не подходил, совсем не годился, но оно облекалось в него, чтобы быть понятным другими. По внешности, оно конечно, походило на других, но внутри было совсем иным. Полнейшим заблуждением было бы судить о такой индивидуальности по внешнему виду; ибо в то время, как у обыкновенного человека внешнее соответствует внутреннему, у подобного учителя внешнее противоречит внутреннему. Перед нами древний индийский народ и среди этого индийского народа - индивидуальность, которая для себя не нуждалась в воплощении, но которая спустилась до соответствующей ступени, чтобы наставлять других. Она добровольно спустилась, воплотилась в человеческий образ, но была чем-то совсем иным. Благодаря этому ее не касалась судьба человека, доставшаяся ему в удел именно потому, что он был нормальным человеком. Такой учитель жил в теле, следовавшем внешней судьбе и не принимал участия в этой судьбе; он просто жил в этом теле, как в доме. И когда тело умирало, смерть означала для него нечто совсем иное, чем для прочих людей. Точно также и рождение, и переживания между рождением и смертью были совсем другими событиями для него. Поэтому-то подобная индивидуальность работала с помощью этого человеческого орудия совсем по-иному. Представим себе, например, как подобная индивидуальность пользовалась мозгом. Ибо хотя тогда воспринимали астральным

телом, но пользовались мозгом, хотя и иначе устроенным, чтобы отмечать как бы инструментом воспринятые образы. Тогда было два человеческих типа: один, который использовал мозг как обыкновенный человек, - и тип учителя, который пользовался им совсем по-иному, и, в известном отношении, оставляя его в стороне. Для великого Учителя не было надобности пользоваться всеми деталями мозга. Он, так сказать, знал уже то, что другие могли знать, лишь применяя орудие мозга. Поэтому сущность подобного великого Учителя не представляла истинного воплощения человека на Земле, как оно происходило обычно. Это было нечто, представляющее двойную природу: в этой организации заключалась духовная сущность. Подобные существа бывали и в позднейшую персидскую эпоху, и в египетскую и т.д. Всегда было так, что они своей индивидуальностью как бы выдавались над уровнем этой человеческой организации. Они не сливались с ней. Вследствие этого они имели возможность в те древние времена влиять на других людей. И это имело место до того времени, когда в греко-латинскую эпоху наступил важный перелом в человеческом развитии. В греко-латинскую эпоху душа рассудочная начала мало-помалу развивать внутренние свойства. В предыдущие времена все значительное притекало извне в человека - как вы могли видеть на примере фурий, когда мстящие существа были не в человеке, а вокруг него. А в греко-латинскую эпоху наступает то, что изнутри нечто стремится навстречу великим Учителям. Через это наступают совсем новые отношения. Прежде существа спускались из высших миров и находили такое положение, что они могли говорить себе: «Нам не нужно совершенно войти в человеческую организацию; потому что мы можем действовать так, как должно, принося из высших миров и, вливая в человека то, чего он сам не может достичь». Тогда люди еще ничего не приносили навстречу Учителям. Но если бы великие Учителя следовали дальше такой системе, то могло бы случиться, начиная с четвертого периода, что подобная индивидуальность спустилась бы, явилась в какой-нибудь стране, но нашла бы теперь на Земле нечто, чего там наверху совершенно нет. Пока на Земле видели мстительниц-Эриний, можно было не обращать внимания на то, что было на Земле. Но теперь возникло нечто совсем новое: совесть. Она не была известна наверху, потому ее там и нельзя было наблюдать. Это было нечто новое, что встречало тех, которые были наверху. Другими словами, в четвертом периоде послеплатонической культуры являлась необходимость для этих Учителей фактически спуститься до ступени человечества, чтобы самим испытать, что стремится из души человеческой ввысь, навстречу духовному миру. Теперь, следовательно, наступило время, когда нельзя было не участвовать в человеческих свойствах. А теперь рассмотрим то своеобразное существо, которое мы называем в его земном воплощении Готамой Буддой.

Готама Будда был прежде существом, которое могло жить, воплощаясь постоянно в земные тела соответствующих культурных периодов, но, не пользуясь целиком человеческой организацией. Это существо не нуждалось в том, чтобы пройти через настоящие человеческие воплощения. Но теперь наступает для Бодисаттвы важный поворотный пункт: он должен вполне пережить жребий человека в земном теле, в котором ему надлежит быть совершенно облаченным. Только в земном теле он мог узнать то, чего еще не знал. И так как он был высокой индивидуальностью, то ему достаточно было одного этого воплощения, чтобы действительно уразуметь все, что может развиваться в этом человеческом теле. Другие люди должны мало-помалу раскрывать свои внутренние свойства в течение четвертого, пятого, шестого и седьмого периодов послеплатонического культурного развития. Будда смог пережить в этом одном воплощении все, до чего может развиваться человек. Все что раскроется у людей как совесть и что будет расти и расти, он предвидел как бы в первом зачатке, когда он прошел через свое воплощение как Готама Будда. Потому он сейчас же после этого воплощения мог подняться в Божественно-Духовные Миры и не нуждался позже во втором воплощении. В этом единственном воплощении он явил великую силу, указующую направление, по которому люди будут развиваться в последующие циклы. На это событие указывает нам «сидение под деревом Бодхи». Тогда перед нами открылось - согласно его особой миссии - учение о сострадании и любви, содержащееся в «восьмиричном пути». Это великая истина человечества, которую люди в последующие культурные периоды должны были завоевать себе как свое достояние, вложена как основная сила в сердце Будды, который спустился тогда и сделался из Бодисаттвы Буддой, то есть поднялся на высшую ступень. Ибо, спускаясь, он обогатился познанием. Таково, несколько перифразируя, то великое событие, именуемое в восточной культуре как становление Будды из Бодисаттвы. Когда этому Бодисаттве, который прежде никогда по-настоящему не воплощался,

минуло 29 лет, тогда в сына Судходаны вполне внедрилась индивидуальность Бодисаттвы, которая раньше еще не вполне владела им. И он пережил великое учение о сострадании и любви.

Почему этот Бодисаттва, ставший потом Буддой, воплотился именно в этом народе? Почему не среди греко-латинского народа, например?

Если бы этот Бодисаттва должен был действительно стать Буддой для четвертого послееатлантического культурного периода, он должен был принести нечто от грядущего. Теперь, когда разовьется душа сознательная, человек мало-помалу созреет до познания того, к чему дал мощный импульс Будда. Будда должен был развить уже душу сознательную в то время, когда у людей развилась только душа рассудочная. Он должен был, следовательно, так использовать физическое орудие мозга, чтобы подчинить его себе, подчинить совсем в другом роде, чем дошедший до греко-латинского культурного периода человек. Греко-латинский мозг был бы слишком тверд для него. Он мог бы развить в нем только душу рассудочную, а он должен был развивать душу сознательную. Поэтому ему нужен был более мягкий мозг. Для души, которая должна развиться позже, он употребил орудие, служившее человечеству ранее и сохранившееся у индийского народа. Вот и повторение перед нами: Будда повторяет прошлую человеческую организацию с душевной способностью будущего. До такой степени необходимы вещи, происходящие в развитии человечества. И задача Будды в VI-V вв. до Рождества Христова состояла в том, чтобы окунуть душу сознательную в человеческую организацию. Но как отдельная индивидуальность он не мог взять на себя всей задачи, сделать все, чтобы эта душа сознательная правильно развивалась, начиная с пятого периода. Только часть задачи составляла его особую миссию, а именно: принести человечеству учение о сострадании и любви. Другие задачи лежали на других подобных же учителях человечества, этика любви и сострадания, зазвучала у Будды и вибрирует дальше. Но человечество должно сверх того развить для будущего целый ряд других способностей, например, свойство мыслить в чистых формах, в выкристаллизовавшихся мыслях. Формировать мысли, одну чистую мысль нанизывать на другую - эта способность не относилась к миссии Будды. Он должен был развить, то, что ведет человека к самостоятельному отысканию восьмиричного пути.

Итак, должен был явиться другой Учитель человечества, который имел бы совсем другие свойства и принес бы совсем другие истоки духовной жизни из высших духовных миров в этот мир. Задачей этой другой индивидуальности было принести то, что ныне мало-помалу проявляется в человечестве, как способность логического мышления. Должен был найтись такой учитель, который принес бы все нужное, чтобы высказывать в формах логического мышления; ибо и логическое мышление развилось лишь в течении веков. Дело Будды должно было быть перенесено в душу рассудочную. Эта душа рассудочная, благодаря тому, что она стоит посредине между душой ощущающей и сознательной, порождает некую особенность: все что повторяется - не пересекается. Как индийская эпоха повториться в седьмой, пра-персидская - в шестой; четвертая же эпоха сама по себе, так стоит особняком и душа рассудочная. В душе рассудочной не могли развиваться силы для наших умственных способностей, которые должны были появиться лишь в душе сознательной; но, хотя они выступают позже, они должны быть заложены и возбуждены раньше. Другими словами: импульс к логическому мышлению надлежало дать раньше, чем был дан Буддой импульс совести. Совесть должна была вчлениваться в четвертую эпоху; сознательное, чистое мышление должно было появиться в душе сознательной в пятую эпоху, но должно было быть заложено, как зародыш нынешних всходов, в третью культурную эпоху. Поэтому задачей того другого великого учителя было привить душе ощущающей те силы, которые теперь проявляются в логическом мышлении. Легко представить себе, что расстояние между этим учителем и нормальным человеком еще больше, чем между Буддой и обыкновенным человеком. В душе ощущающей надлежало возбудить нечто, чего тогда, в сущности, не было ни в одном человеке. С понятиями, с теми что надо было еще развить, ничего нельзя было поделать. Следовательно, та индивидуальность должна была заложить зачаток известных сил и не могла сама пользоваться этими силами. Это не годилось. Она должна была обратиться к иным силам.

Сегодня утром (во второй лекции об «Антропософии») я разъяснил как, например, в зрении, без сомнения, действуют в душе ощущений силы, которые доходят до сознания лишь на высшей ступени развития и тогда проявляются как мыслительные. Если бы, таким образом, подобному великому учителю удалось возбудить эту душу ощущающую так, чтобы силы мышления проникли в неё приблизительно так, как проникает подсознательно жизнь в акте зрения, - без того, чтобы человек отдал себе отчет, - тогда учитель добился бы кое-чего. Это было возможно только одним путем. Чтобы возбудить душу ощущений, чтобы привить ей, так сказать, мыслительную

потенцию, индивидуальность учителя должна была действовать совсем по-особому; не понятиями - а музыкой. Музыка дает силы, которые освобождают в душе ощущающей то, что претворяется в логическое мышление, когда оно восходит к сознанию и перерабатывается душой сознательной. Эта музыка исходила от мощного существа, которое таким образом обучало посредством музыки. Вы найдете это странным и, быть может, невозможным. А все-таки это было так. Как раз в Европе до греко-латинского времени существовала древнейшая культура у народов, которые отстали в отношении способностей, получивших сильное развитие на Востоке. В этих европейских странах люди мало могли мыслить, потому что они должны были развиваться совсем иначе; в них было мало сил, относящихся к душе рассудочной. Но их душа ощущающая была как раз восприимчива к тому, что вытекало из импульсов своеобразной музыки, не совсем похожей на нашу современную. Мы возвращаемся к тому времени в Европе, когда существовала древнейшая, мы могли бы сказать, «музыкальная» культура, когда не только «барды» были учителями, как в *те* времена, когда этот порядок уже приходил в упадок, но когда чарующая музыка наполняла все страны Европы. В течение третьего культурного периода существовала в Европе глубоко музыкальная культура, и душа тех народов, которые в тиши дожидались предназначенного им в грядущем, была особенно восприимчива к музыкальным воздействиям. Музыка действовала на душу ощущающую так же, как на нее действует мыслительная субстанция в отношении глаза. Музыка действовала на физическом плане, но душа ощущающая подсознательно чувствовала: «это идет из тех областей, откуда и свет». Музыка, пение из царства света.

Был древнейший учитель европейских стран, в этом смысле древнейший бард, предводитель всех древнейших бардов. Он учил на физическом плане посредством музыки и учил так, что его воздействия пробуждали в душе ощущающей чувство, точно Солнце восходит и сияет. Греки, воспринявшие с Запада влияния этого великого учителя, а с Востока испытывавшие иные воздействия, выразили позже то, что сохранилось от него в предании, в своих воззрениях на Аполлона, Бога Солнца и вместе с тем музыки. Но этот образ Аполлона приводит нас назад к этому великому учителю древности, который заложил в человеческую душу способность, проявляющуюся ныне как логическое мышление.

И греки упоминают также об ученике этого великого учителя, ставшего, правда, учеником необычайным образом. Как мог некто сделаться «учеником» этого существа? - Следующим образом.

В те времена, когда это существо должно было влиять указанным способом, оно, разумеется, не сливалось с физической организацией человека, а представляло из себя нечто большее. Человек с обычной душой ощущающей мог бы воспринимать музыкальные воздействия, но не возбуждать их. Для этого снизошла высшая индивидуальность, проявлявшаяся извне лишь как видимость. Но в четвертый послеатлантический культурный период, в греко-латинскую эпоху, эта индивидуальность должна была снова спуститься, но уже, так сказать, до ступени человечества и использовать все человеческие способности. Но хотя она пользовалась всеми способностями, она всё же не могла вполне спуститься. Ибо, чтобы вызвать, как я только что описал, это пересекающееся воздействие, она нуждалась в способностях, которые вообще превосходили то, что было в человеческой организации в четвертую послеатлантическую эпоху. В музыкальных воздействиях ведь уже заключалось всё то, что есть в душе сознательной. Этого не могло быть в ту эпоху в индивидуальности, которая имела значение лишь для души рассудочной. Поэтому воплощенная в этом образе индивидуальность должна была оставить нечто невыявленным. Она должна была так воплотиться в четвертую эпоху, чтобы заполнить всего человека, но, кроме того, человек, живший таким образом, имел в себе ещё что-то, что поднималось над ним; он знал нечто о духовном мире, чего он не мог применить. Его душа выходила за пределы его тела. Рассуждая по-человечески, было что-то трагическое в том, что принуждена была воплотиться индивидуальность, действовавшая как великий учитель в третий культурный период - воплотиться в форме, не соответствующей душе, и не находить применения для превышающих общий уровень душевных способностей; так как то, что было прежде, воплощается не непосредственно, а очень сложным образом, во этот род воплощения называют «сыном Аполлона», - сыном, душой которого было то, что в мистике обыкновенно обозначается символом «женственного»; но эта душа не принадлежала ему целиком, так как она была в другом мире; часть его самого, душевно-женственное в нем, находилось в другом мире, к которому он не имел доступа, по которому он томился, потому что часть его самого была в этом другом мире.

Эта удивительная внутренняя трагедия перевоплощенной великой индивидуальности прежнего учителя чудесным образом закреплена в греческом мифе об Орфее; так назывался перевоплощенный Аполлон или «сын» Аполлона. В «Орфее и Эвридики» эта трагедия души изображена чудесно. Эвридика рано похищена у Орфея. Она в другом мире. Но у Орфея еще сохранялась способность расстрогивать своей музыкой существа преисподней. Он получает позволение взять с собой Эвридику. Но он не смеет оглянуться; потому что вид того, чем он был когда-то и чего он не может больше вместить, должен внутренне убить его или, по крайней мере, нанести ущерб. Аполлон становится Орфеем. Тут опять род нисхождения Бодисаттвы - если мы хотим пользоваться восточным наименованием - в Будду. И мы могли бы привести ряд подобных существ, являющихся великими учителями в каждую эпоху и, которые испытывают особые переживания во время их самого глубокого восхождения. Будда, испытывает блаженство быть вдохновителем всего человечества. Тот Бодисаттва, который внешне известен под именем Аполлон, переживал нечто личное; он ведь должен был как раз подготовить индивидуальность, свойство Я: он переживает трагедию Я. Он переживает нецелостность того Я, как оно не цельно и в нынешнем человеке, стремящемся к высшему Я. Прообраз этого в Орфее, соответствующем для Греции Будде или Бодисаттве.

Так мы из частных вывели характеристику великих учителей человечества и можем что-нибудь представлять себе при этих понятиях.

Суммируя то, что я теперь сказал, вы увидите, что я все время говорил о таких существах, которые развили, например, душу ощущающую, душу сознательную определённым образом, как внутренние свойства – свойства, которые должны проникнуть в человека изнутри. Когда мы обзираем только этот период, перед нами сначала только эти двое, образующие душу ощущающую. Но таких существ много, потому что внутренняя суть человека развивалась мало-помалу, шаг за шагом.

Сравним теперь с этими существами, охватывающими, так сказать, внутреннее человека, другую духовную сущность, ибо мы должны сказать себе: если появляются учителя, заботящиеся о духовной пище из высших областей для все растущих и развивающихся внутренних способностей, - должны быть другие индивидуальности, занятые другой работой, которые, прежде всего, прикладывают руки к изменению самой Земли и того, что на ней развивается из периода в период. Если Будда в четвёртую культурную эпоху проник, так сказать, изнутри в душу рассудочную через душу сознательную, то, с другой стороны, эта душа рассудочная должна быть охвачена и извне. Что-то должно было на неё действовать снаружи. Это существо должно было подойти к ней совсем с другой стороны и действовать совсем по-иному. Учитель, как только что охарактеризованный нами, должен был, становясь перед человеком, вливать в его внутреннюю суть то, что он приносил из высших областей. Он был учителем. Что должна была делать другая сущность, которая двигала Землю, чтобы она развивалась из поколения в поколение? Ей достаточно было схватить внутреннее человека, лишь подойти к нему, чтобы развить то или иное внутреннее свойство, она должна была сама спуститься на Землю как сущность. Не только учитель для души рассудочной, но ваятель и создатель для этой души должен был спуститься, должен был выступить как непосредственное выражение этой души четвёртой эпохи, - эпохи, стоящей посередине особняком. Это существо должно было явиться совсем с другой стороны. Оно должно было войти в самую человеческую природу, воплотиться самому: Если Бодисаттвы пересоздавали внутреннюю суть человека, то это существо пересоздало всю человеческую природу. Только благодаря ему, учителя нашли подходящую почву для будущего. Оно пересоздало всю человеческую сущность. - Вспомним, как в человеческой сущности различные души включаются в отдельные тела: душа ощущающая - в душевное тело, душа рассудочная - в эфирное тело и душа сознательная - в физическое тело. Где душа сознательная внедряется в физическое тело, там воздействуют Бодисаттвы. Там они, с одной стороны, овладели человеком. Там, где действует душа рассудочная - вплоть до эфирного тела - человек, с другой стороны, подпал воздействию другой сущности в четвёртую эпоху. Когда это произошло? Это случилось в то время, когда можно было непосредственно охватить эфирное тело человека; когда та сущность, которую мы точнее описали как Иисуса из Назарета, покинула физическое тело в момент Крещения Иоаннова.

Когда это тело целиком погрузилось в воду, причём наступило то, что мы описали как «шок», тогда Сущность Христа Сошла в Эту Индивидуальность. Это Та Индивидуальность, Которая является с другой стороны и Которая совсем Другой Природы. В то время как другие великие руководящие индивидуальности являются в известном отношении вышеразвитыми людьми,

прошедшими хоть однажды через все испытания человечества, мы не можем сказать того же про Индивидуальность Христа.

Это значит: когда однажды человек через Самодух переработает свое астральное тело и будет воздействовать на эфирное, тогда в этом эфирном теле он будет работать над тем же элементом и таким же образом, как некогда Христос. Христос дает Могуущественный Импульс, который действует и в будущем, до которого человек дойдет лишь, когда он сознательно приступит к перерабатыванию своего эфирного тела.

Человек на пути своей жизни идет от рождения - или от зачатия - к смерти, потом от смерти к новому рождению. На пути к новому рождению он проходит после смерти сначала через астральный мир, потом через нижний деваханический и, наконец, через высший деваханический мир; или, пользуясь европейскими выражениями, мы назовём физический план малым миром или миром рассудка, астральный - миром элементарного, низший Девахан - небесным миром и высший Девахан - миром Ра-зума. И так как европейский дух лишь мало-помалу дорабатывается до соответствующих настоящих выражений в языке, то лежащее над деваханическим планом получило религиозно окрашенное наименование и называется «Миром Провидения», - это то же самое, что план Будды. То, что лежит ещё выше, было, правда, доступно древнему ясновидению и передавалось человечеству в старых преданиях, но европейские языки не имеют для него имени, потому что только теперь ясновидящий снова достигает этого плана; так что по-настоящему для мира, лежащего над миром Провидения и не должно быть названия в европейских языках. Этот мир действительно существует, но мышление ещё не дошло до того, чтобы его характеризовать. Потому что нельзя взять любое имя для того, что именуется на востоке Нирваной и что простирается над «Миром Провидения». Человек, сказал я, восходит между смертью и новым рождением до высшего Девахана, или до мира разума. Там он заглядывает в высшие миры, в которых он сам не находится, и видит, как работают в этих высших мирах, стоящие над ним Сущности. В то время как человек проводит свою жизнь между физическим и деваханическим планом, Бодисаттва нормально восходит до плана Будды, называемым в Европе миром Провидения. Это правильное название, потому что назначение этого плана быть Провидением для мира от эпохи к эпохе. Что же наступит, когда Бодисаттва пройдет через воплощение Готама Будды? Достигнув известной ступени, он поднимется выше, - на «план Нирваны». Это будет его ближайшей сферой. Этим мы охарактеризовали Бодхисаттв, делающихся Буддами, чтобы вступить на план Нирваны. Все, что так изнутри работает над внутренней сутью человека, живет в сфере, доходящей до Нирваны. С другой стороны, действует на человеческую природу Такая Сущность, как Христос. С другой стороны Он действует и на те миры, в которые восходят Бодисаттвы, когда они оставляют человеческую область, чтобы самим учиться, дабы стать потом учителями человечества. Тогда сверху - с другой стороны - выступает им навстречу Христос. Тогда они делаются учениками Христа. Двенадцать Боддисаттв окружают такую Сущность, как Христос, и, вообще мы можем говорить только о двенадцати; ибо, когда исполнится миссия двенадцати Бодисаттв, земное существование окончится.

Христос явился однажды: Он снизошел, Появился на Земле и Вознесся. Он приходит с другой стороны, и Он - та Сущность, которую окружают двенадцать Бодисаттв, черпающих оттуда то, что они должны принести на землю. Так Бодисаттвы восходят между двумя воплощениями до плана Будды и в полном сознании воспринимают там, как учителя Сущность Христа. На плане Будды Бодисаттвы и Христос встречаются. И когда люди идут вперёд и развивают качества, вложенные в них Бодисаттвами, они понемногу созревают к тому, чтобы самим проникнуть в эту сферу. Пока же человечество должно познать, что в Иисусе из Назарета Воплотилась, то есть появилась в человеческом образе, Сущность Христа и что только через человеческий образ можно дойти до Истинной Индивидуальности Христа.

Таково отношение двенадцати Боддисаттв ко *Христу*; они готовят и перерабатывают дальше тот Величайший Импульс культурного развития, Который Он Принёс в мир. Перед нами двенадцать - и среди них *Тринадцатый*. Мы поднялись в сферу Бодисаттв и вступили в круг двенадцати звёзд - и среди них Солнце, освещающее и согревающее их, дающее им тот живой родник, который они должны принести на Землю. Так отражается на Земле то, что происходит там, наверху.

Относительно этой земной проекции мы могли бы сказать: Христос, Живший на Земле, дал такой Импульс земному развитию, что Бодисаттвы должны были подготовить человечество к Этому Импульсу и развивать Его далее. Это представляется в виде образа на Земле: Христос посередине земного развития; Бодисаттвы, как Его предвестники и последователи, связующие Его работу с

человечеством.

Так ряд Боддисаттв должен был работать, чтобы подготовить человечество к принятию Христа. Но, если человечество достаточно созрело, чтобы принять Христа, оно ещё далеко, не познало в своём мышлении, чувствовании и воле, *что* такое Христос. И чтобы пропитать его Христовым Импульсом, *должны* работать как раз столько же Бодисаттв, сколько подготавливали его к явлению Христа. Ибо Христос столь велик, что силы и способности людей должны всё расти, чтобы вполне постигнуть Его.

Нынешними способностями можно познать лишь малую часть Его. Высшие способности явятся у человека и с каждой новой способностью мы увидим Христа в Новом Свете. И только когда завершится труд последнего, относящегося ко Христу Бодисаттвы, человечество почувствует, что такое Христос; тогда оно будет одушевлено волей, в которой будет жить Сам Христос. Христос Войдёт в человеческие существа через мышление, чувство и волю, и человечество будет внешним отображением Христа на Земле.

Лекция вторая
ЗАКОН КАРМЫ В ОТНОШЕНИИ ЧАСТНОСТЕЙ ЖИЗНИ
Берлин, 29 декабря 1909 г.

Займемся сегодня рассмотрением вещей, интересных для антропософов в более широком смысле слова и, которые должны более отчетливо выяснить то или иное для тех, кто уже давно принимает участие в собраниях этой группы.

Прежде всего, хорошо вспоминать время от времени, что в Антропософии не все дело в том, чтобы знать то или иное, в общем, в теории, но, что важнее все снова и снова, все точнее и подробнее заниматься соответствующими вопросами и жизненными загадками. Кто-нибудь мог бы сказать: то, что требуется знать для жизни из Антропософии, легко может уместить в маленькую тетрадь в 60 страниц, все целиком; и тогда всякий мог бы усвоить эти 60 страниц и почерпнуть убеждение о существовании человека, о перевоплощении и Карме, о развитии человечества и Земли и с этими убеждениями прожить жизнь. И сочувствующий мог бы прибавить: «Почему, собственно, Антропософическое движение не рассылает по свету в возможно большем числе экземпляров свои основные точки зрения, дабы всякий мог почерпнуть из них свои убеждения? Почему Антропософическое движение поступает, по-видимому, так странно, что созывает каждую неделю желающих заниматься Антропософией, чтобы все снова повторять то, что легко уместится на 60 страницах? О чем могут толковать каждую неделю эти антропософы?».

Известным современным символам веры как будто и отвечает это желание иметь и для антропософии подобный краткий карманный конспект, чтобы таким образом усвоить себе главнейшее. Но тут и нужно все снова и снова памятовать о том, что такое «усвоение конспекта» не годится для Антропософии; что дело, в сущности, вообще не в знании, - хотя Антропософия состоит в знании, в познании, - и что не достаточно видеть сущность Антропософии в общих фразах, но, нужны совершенно определенные познания; и опять-таки не довольно усвоить себе эти познания в духе нынешнего времени, - в виде общих убеждений - и на этом успокоиться. Ибо дело не в том, чтобы однажды составить себе такие убеждения - знать, что человек живет не один только раз, что причинные отношения переходят из жизни в жизнь, что существует перевоплощение и Карма. Собственно, целебное в Антропософии не в распространении этих учений, а в том, чтобы интимно и подробно заниматься этими учениями, останавливаясь на частностях, и давать этим учениям непрерывно воздействовать на душу. Никакого, в сущности, не будет прока, если мы просто поверим: «да, человек живет не однажды между рождением и смертью, он снова возвращается, есть перевоплощение и Карма и т.д.». Вера в подобные вещи не дает многого. И в отношении истинных глубин жизни нет, в сущности, большой разницы между душой человека, не знающего о перевоплощении в Карме, - и душой человека, знающего о них. Наша душа изменяется в Антропософическом смысле лишь тогда, если мы все заново занимаемся не общими местами, а исследуем глубины, которые дает Антропософия. Поэтому хорошо все снова и снова оговариваться относительно Антропософического понимания той или иной частности жизни. Знать лишь в общем, что существует Великий Закон Судьбы, создающий соотношения между прошедшими делами, прошедшими ощущениями, прошедшими мыслями и настоящими и будущими переживаниями человека, - знать это лишь в общем - совершенно не достаточно. Лишь тогда Антропософия станет делом жизни, когда мы научимся применять эти общие учения к отдельному жизненному опыту, когда мы будем в состоянии поставить, так

сказать, всю нашу душу под новый угол зрения на жизнь. Поэтому мы сегодня немного рассмотрим Закон Кармы, этот Великий Закон Судьбы, в отношении частностей жизни. С точки зрения Закона Кармы мы охватим вещи, большинству из нас уже знакомые, но которые нужно рассматривать и под углом зрения Кармы.

Карма означает, в общем, что существует связь в духовном мире между тем, что случается сегодня и случится в будущем, и тем, что случилось в прошлом. Не совсем хорошо называть Закон Кармы или Судьбы «законом причинности» и затем сравнивать его с законом причины и следствия во внешнем мире. Если мы хотим иметь сравнение для этого Великого Закона Судьбы, то мы должны следить, чтобы это сравнение судьбы подходило, чтобы оно наглядно показывало, что говорит Закон Судьбы.

Возьмем для сравнения следующее: у нас два сосуда с водой, - и, кроме того, два металлических шара обыкновенной комнатной температуры. Мы бросаем один шар в сосуд с водой; вода остается без перемены. Возьмем другой шар, раскалим его и бросим в другой сосуд; вода в нем нагреется. Почему вода нагревается во втором сосуде? Почему не в первом? Она нагрелась потому, что сам шар, перед тем как попасть в воду, претерпел изменение; и изменение накаливания имело последствием нагревание воды. Наступило событие как следствие другого события, а именно, накаливания. С переживанием, с деятельностью прошедшего времени связано то, что выступит перед нами в настоящем или будущем, как переживание, как явление.

Если мы, таким образом, будем рассматривать закон духовных соотношений между прошедшим, настоящим и будущим, то мы можем при желании найти его подтверждение и в обычной жизни - в той жизни, которая идет вокруг нас и, которую мы можем наблюдать - даже если у нас далеко еще не развиты какие бы то ни было способности ясновидения. Ибо мы должны всегда устанавливать как золотое правило: правильно доказать закон духовного мира может только ясновидческое наблюдение, только духовный исследователь. Но переживание внешнего мира всегда могут подтвердить подобный закон с помощью внешних свидетельств. Правда, чтобы найти в жизни подтверждение Закона Кармы, люди должны привыкнуть наблюдать уже внешнюю жизнь несколько точнее, чем это обычно делается. Потому что люди обычно, наблюдая жизнь, не видят дальше своего носа, говоря образно. То, что немного дальше, это уже вне поля их наблюдения. Но то, кто глубже наблюдает внешнюю жизнь, тот найдет в человеческой жизни между рождением и смертью достаточно подтверждений Закона Кармы. - Мы будем, по возможности, держаться конкретного. Представим себе следующий случай:

Какой-нибудь юноша на пятнадцатом году жизни вырван почему-либо из своей жизненной колеи. Скажем, положение родителей не позволяло ему до этого времени учиться, а на пятнадцатом году он должен - сделаться продавцом. Следовательно, он переброшен с одного жизненного поприща на другое. Разумеется, здесь вопрос не в том, чтобы ставить одно жизненное призвание выше, чем другое, а в том, что наступает перемена в жизни. С обычной теперь материалистической точки зрения, вероятно, не будут искать, а потому и не найдут ничего значительного, что произошло бы под влиянием такого явления в жизни этого человека. Но более внимательный наблюдатель найдет, что человек, попадающий на другой жизненный путь, может сначала почувствовать радость, симпатию к нему, благодаря перемене, с интересом примерится к новому призванию, не потом может наступить нечто весьма странное душевные переживания, симпатии и антипатии, связанные с новым делом, могут принять новый вид, начиная с 17-18 лет. Любовь к делу может пройти, человек начнет совсем иначе к нему относиться. И если мы никогда ничего не слыхали об Антропософии, мы не разберемся в том, что тогда происходит в душе этого человека.

Что же такое случилось? Случилось то, что, вступив на пятнадцатом году на новое поприще, человек заинтересовался им. Этот интерес первоначально отодвинул назад те душевные ощущения и настроения, которые образовались, пока занятия человека были совсем иные. Все это теперь оттиснуто назад. Но придет время, когда это прорвется с тем большей силой - как эластичное тело можно сжимать некоторое время, но потом масса тем сильнее возвращается назад: и последствием может явиться, что эти, на время отодвинутые интересы, теперь особенно сильно вывяжутся. На 18-19 году прорываются все ощущения, настроения, которые скопились в душе за три года до этой перемены, то есть на одиннадцатом - двенадцатом году. И можно разобраться в жизни человека, только сказав себе: с пятнадцатым годом наступил узловый пункт в жизни. И воздействия наступивших после этой эпохи событий проявляются во вне на столько же лет после этого узлового пункта, на сколько предшествовали ему их причины.

Подумайте только, как можно помочь человеку относительно душевных настроений и

жизненных затруднений, если мы в состоянии спросить себя: где лежит подобный душевный узловой пункт в жизни этого человека?

Он может покоиться в глубине души, но, если попадешь на такой узловой пункт, то можно отсчитать, и мы увидим духовное воздействие в течение стольких же лет после этого жизненного пункта, в течение скольких до него лежала причина этого воздействия. Так мы получаем представление о карме. Это познание помогает нам дальше жить. И мы можем сказать себе: такие причины и последствия в жизни человека связаны с определенным периодом, так что они указывают на определенный момент жизни: и, отсчитывая вперед и назад от этого момента, мы можем найти соотношение причины и следствия.

Конечно, наступившие другие события могут затемнить это. Можно, например, возразить: «Данный пример не подходит. Я как раз знаю молодого человека, с которым не произошло ничего подобного». - Да, я тоже видел, как двое играли на бильярде: пришел лакей и толкнул играющего - и шар покотился в совсем другом направлении. Но это говорит не против верности закона причинности, а просто наступили другие обстоятельства. Но надо иметь в виду, что мы никогда не познаем закона, если не отвлечемся от того, что нарушает закон. После пятнадцатого года могут наступить другие обстоятельства, идущие в разрез с законом. Закон можно изучить, просто наблюдая жизнь, и усвоив себе истинный способ сопоставления явлений жизни. Ибо в жизни все постоянно спутывается: законы в ней не так-то легко обнаруживаются. И, тем не менее, направлять жизнь можно только зная законы так, как они должны быть открыты. Зная частности, можно сказать себе относительно юноши, испытавшего такой перелом в жизни: задача воспитателя следить за ним. Здесь Карма делается Законом жизни. Наступает случай, где можно пользоваться законом в жизни, он делается пригодным для нас. Может быть, лишь в подобном случае, когда ребенку уже нельзя давать того, что давалось раньше, можно сделаться его руководителем. Но это возможно только, если знаешь соотношение, если знаешь, чего не хватает человеку, и если можешь начать действовать именно там, где выступает означенный недочет. Не зная этого, нельзя советовать юноше. Лишь тогда Закон Кармы входит в ткань жизни, лишь тогда научаешься давать указания в жизни, когда рассматриваешь Закон Кармы как «жизненный закон». Разумеется, существуют в жизни не только такие соотношения, но Закон Кармы между рождением и смертью является еще и иным способом. Так, наблюдается замечательная связь между переживаниями человека в первую половину его жизни и во вторую - только люди не замечают ее. Знакомятся с человеком - он молод, и его теряют из вида раньше, чем он дошел до известного возраста. Или знакомятся с человеком пожилым, и тогда не знают его молодым; а если и знают, то забывают то, что произошло много лет назад. Наблюдение там, где это возможно, над началом и концом жизни дало бы прекраснейшее подтверждение Закона Кармы уже между рождением и смертью. При этом вы, быть может, вспомните то, что было сказано на публичных лекциях, например, о гневе, который проявляется как благородный гнев молодости. И мы при этом отметили, что молодой человек еще не может вполне разобраться в несправедливости, с которой он сталкивается: его интеллект еще недостаточно созрел. Но Мудрое Мировое Водительство позаботилось о том, чтобы дать нам суждения чувства прежде, чем мы придем к рассудочному суждению. У хорошего человека, если есть к тому склонность, появляется благородный гнев при виде несправедливости - простое чувство, которым душа только и может воспринимать несправедливость. Чтобы умом разглядеть несправедливость, для этого человек еще не созрел. Но если такие порывы благородного гнева имеются в характере человека, их надо очень примечать. Так как все, что переживается при несправедливости, как такое суждение чувства, остается в душе. Этот благородный гнев молодости проникает в душу и изменяется с течением жизни. И то, что таким образом меняется, выступает снова в другом образе во вторую половину жизни, а именно - как склонность к любящей кротости, к благословию. Таким образом, благородный гнев молодости, первой половины жизни, превращается в поздней жизни в любящую кротость, в благословение. И не часто встретиться - если все так сложится, что правильное течение не будет нарушено, - подобная любящая, благословляющая кротость во второй половине жизни, которая не проявилась бы в молодости в благородном гневе, вызванном безрассудством, глупостью, уродливостью, которые бывают в жизни. Так мы имеем кармические соотношения в обычной жизни, и мы можем облечь их в образ и сказать: рука, которая в первую половину жизни не сжималась в кулак от благородного гнева, нелегко даст благословение во вторую половину. Без сомнения, только тот может наблюдать подобные вещи, кто не ограничивает свои жизненные наблюдения только тем, что перед его глазами, как это обычно бывает. Я мог бы

показать на совсем тривиальном примере, как мало у людей склонности наблюдать подобные вещи в жизни.

Я уже часто упоминал: для того, кто хочет приобрести интимное познание жизни специально для углубления оккультных душевных отношений, особенно благоприятна возможность работать в течение определенных лет, как воспитатель. Тут научаешься совсем иначе познавать души, чем в обычной психологии, которая обыкновенно бесплодна для познания души.

Знание души приобретаешь, когда ее не только наблюдаешь, но когда годами руководишь жизнью других под собственной ответственностью. Тут приучаешься и к более интимному наблюдению. - Во время моей долголетней воспитательной деятельности я мог наблюдать не только тех детей, которые мне были специально поручены. Вы же знаете, как близко сходятся различные семьи и как узнаешь других детей - не только детей самых разных возрастов, но, так сказать детей с их первого появления на свет. С тех пор прошло, может быть, 25-30 лет. В то время в медицине - а вы, может быть, уже заметили, что медицина каждые пять лет меняет свой взгляд на то, что человеку «здорово», - господствовало совсем особое воззрение: а именно, что на слабых детей в возрасте трех, четырех, пяти лет особенно укрепляюще действует ежедневный здоровый стакан красного вина. Я видел детей, получавших этот стакан красного вина и не получавших его. Я мог ждать с моими наблюдениями. Потому что ясно, что медицина считается до поры до времени непогрешимой. Высказаться в чем-либо против нее не принесло бы много пользы при существующих предрассудках. Поэтому мне оставалось ждать с моими наблюдениями. Те, которые получали тогда в возрасте от двух до пяти лет ежедневно стакан красного вина для «подкрепления», стали теперь молодыми людьми 25-27 лет. И я внимательно следил: лишь теперь проявляется следствие подобного воздействия. Оказалось: все дети, получавшие красное вино, дергаются, как паяцы, дергается их астральное тело, и они не знают, как прибрать его к рукам, - не знают, как разобраться в своей непроизвольно текущей душевной жизни. Те же, которые, «увы», как тогда говорили, — не подкрепились в то время красным вином, превратились в стойких людей, у которых не издергано астральное тело, или, выражаясь материалистически, нервная система.

Вот и пример такого соотношения в жизни. Он, правда, тривиальный и не особенно иллюстрирует карму, но мы видим на нем, что жизненные наблюдения должны простираться дальше нашего носа и обнимать большие промежутки времени и, что недостаточно установить однажды: это или то средство действует так-то и так-то. Ибо то, что возбуждается в действительности, может быть констатировано истинными наблюдениями лишь спустя много лет. Только серьезные жизненные взаимоотношения и все, что призывает нас их отыскивать, помогут нам действительно выяснить, каким путем причина и следствие скрепляются в человеческой жизни. Нужно попытаться и по отношению к истинным свойствам души собрать далеко расходящиеся жизненные явления; тогда можно увидеть Закон Кармы уже между рождением и смертью; тогда часто оказывается, что события позднейшего возраста связаны с тем, что было пережито в первой половине жизни.

Вспомним также о том, что было сказано о Миссии Благоговения: как важно чувством взирать на какое-нибудь существо, на какое-нибудь явление, которое еще не понимаешь, - перед которым благоговеешь именно потому, что рассудком еще не дорос до него. И я всегда охотно отмечал, как хорошо, если человек может сказать себе: «Ребенком я слышал в моей семье о достойном исключительного уважения члене семьи, которого необыкновенно почитали. Я его еще не видел, но чувствовал к нему глубокое благоговение. Однажды, когда представился случай, меня повели к этому человеку. И с внутренним священным трепетом я подошел к двери комнаты, в которой должна была появиться эта значительная личность».

Мы будем благодарны в позднейшие годы жизни за это чувство благоговейного почитания: мы бесконечно обязаны тому факту, что могли испытать благоговение в первую половину своей жизни, и благоговейное почитание особенно благотворно в каждой жизни. Я знаю людей, которые возражали, когда их внимание привлекали к чувству благоговейного почитания Духовно-Божественного: «Я - атеист, я не могу почитать ничего духовного». Таким людям можно сказать: «Взгляни на звездное небо. Можешь ли ты его создать? Взгляни на полное мудрости творение и подумай: в это можно погрузиться с чувством истинного, подлинного благоговения». Много вещей на свете, до которых мы не доросли рассудком, но на которые мы можем взирать с почитанием. И особенно в юности много такого, перед чем можно поклоняться, не познавая. Благоговение в первую половину жизни превращается во вторую половину в совсем особое

свойство. Мы все слышали о людях, которые тем, что они есть, являются как бы благодеянием для окружающих. Они не должны говорить чего-нибудь особенного: они просто должны существовать. Как будто все их существо излучает что-то невидимое, сообщающееся другим людям. Весь их образ действует благотворно и оживляюще на окружающих. - Чему обязаны они этой силой, которая через их душевные свойства благотворно влияет на окружающих? Тому обстоятельству, что они в молодости смогли прожить в благоговении, что у них было много благоговения в первую половину жизни. Благоговение в первую половину жизни обращается в незримо благословляющую и благотворную силу во вторую половину жизни.

Опять перед нами кармические соотношения, ясно и отчетливо выраженные между рождением и смертью, если уметь их наблюдать.

И, в сущности, прекрасные слова, выбранные Гете как мотто одного из своих стихотворений, выражают глубокое кармическое чувство: «Пожелания юности с избытком исполняются в старости».

Разумеется, наблюдая лишь короткие соотношения в жизни, можно часто говорить о «неудовлетворенных желаниях», - при длительных соотношениях этого так не скажешь.

Все то, что мы так характеризовали, может перейти в истинную практику жизни. И, в сущности, настоящим воспитателем будет лишь тот, кто так теософически смотрит на жизнь. Ибо он может дать в первую половину жизни человека то, что, как он знает, пригодно для второй половины. Ныне ничего не знают о той ответственности, которую берут на себя, прививая то или другое молодому существу. Теперь принято говорить свысока о подобных вещах с подмостков материалистического мышления. И я хотел бы осветить только что сделанное заявление маленьким опытом, случившимся с нами здесь, в Берлине.

Явился однажды теософический посетитель, - из тех, которые воображают, что им достаточно однажды - однажды - присутствовать на одном-двух собраниях, чтобы иметь суждение о деле. Эти люди обыкновенно таким способом стараются составить суждение о духовных движениях, подобных Антропософии, что они затем «со знанием дела» пишут на эту тему. Ведь нынче люди, снабжающие мир газетными статьями, верят, что именно так и можно составить суждение о вещи: раз пойти, и все станет явно. Посетитель, о котором я говорю, тоже писал. И забавно было, когда в американской газете появилось, - конечно, довольно своеобразное, - описание одного нашего антропософического собрания. Как сказано: разумеется, таким путем нельзя подходить к Антропософии; надо уяснить себе, что можно войти в Антропософическую жизнь только, если действительно хочешь сопережить и разделить все детали. Я рассказал все это только, чтобы характеризовать суждение означенного посетителя, которое он вовсе не скрывал. Этот посетитель сказал: ему не нравится в теософии то, что она так все делит, мир делит на физический, астральный, деваханический и так далее. К чему все эти подразделения? Все это он вывел из одного-двух посещений. Как ужасно подействовало бы на него, если бы он услышал еще и о других подразделениях! Этот посетитель держался того мнения, что ни к чему так смотреть на вещи, а надо говорить «в общем» о духовном мире. Зачем тогда различать еще классы?

Так толкуют теперь в области воспитания, так толкуют и во всех областях жизни; в сущности, то же говорит и современная наука. Мир судят по произволу жизненных наблюдений, а не по основательному исследованию отдельных жизненных явлений. Поэтому и влияют так ужасно подобные реформы и программные речи на того, кто видит мир по-настоящему; они причиняют ему как бы страшную физическую боль. Теперь достаточно взять в руки обыкновенную научную книгу: сколь бы ни были добросовестны приведенные наблюдения, сам способ изображения вещей просто ужасен, потому что отсутствует всякое представление о том, как надо наблюдать явления. И поэтому-то и восхищаются людьми, которые по произволу возвещают миру то, что им придет в голову.

Важно следующее: антропософ должен усвоить себе сознание, что следует наблюдать жизнь - вплоть до частных - по тому именно методу, который дают нам Карма и другие жизненные законы для практики жизни. Поэтому ожидать блага для будущего развития человечества - в отношении и вопросов воспитания - можно лишь только тогда, когда Антропософические воззрения проникнут и в основы воспитания. Карма дает твердую опору, между прочим и для всех жизненных наблюдений, касающихся воспитания. Бесконечно важно знать, например, кармическую связь одного явления в воспитании, выражающегося во взгляде: «Для правильного развития ребенок должен стать тем или иным. Мне это нравится в жизни». И думают, что ребенок - мешок, в который можно запихать все, что находят нужным. На ребенке запечатлеют свою сущность, свои симпатии и антипатии. На дело бы смотрели иначе, если бы

знали, что из этого проистекает в кармической связи. Увидели бы, что такое воспитание - «всовывание» в ребенка, как в мешок, кармически проявляется в том, что оно сушит человека, преждевременно старит ребенка и убивает как раз центр его существа. Мы должны, если хотим воспитывать ребенка, не подходить, так сказать, непосредственно к нему, если считаем, что он должен усвоить то или иное качество. Не о том следует заботиться, чтобы привить ребенку то или другое качество, а чтобы возбудить сначала потребность в этом качестве - вызвать в ребенке желание усвоить его. Следовательно, мы должны отойти на шаг назад. Если мы знаем, что ребенку полезно то или иное кушанье, мы не должны его навязывать, но позаботиться о том, чтобы ребенок сначала нашел его вкусным и сам от себя, его бы попросил. Мы должны регулировать желания и потребности, чтобы ребенок сам желал бы полезного для себя. Это другой образ действия, чем просто всунуть все в мешок, и сказать: «полезай в кузов». Регулируя так потребности, мы влияем на жизненное ядро ребенка: и мы увидим, что это практически проявится во вторую половину жизни, в том, что человек будет излучать жизнерадостность, жизненную силу, что он не засохнет и не одряхлеет во вторую половину жизни, а останется живым внутри своего существа.

Рассматривая так Закон Кармы, мы скажем: «недостаточно записать в книжечку: существует Закон Кармы, связь между предыдущим и последующим». Но надо рассматривать жизнь с точки зрения Закона Кармы. Только когда мы доходим до мелочей жизни, встает Антропософия в Своем жизненном Облике; но тогда надо приложить свою волю к тому, чтобы снова и снова работать, то есть уже никогда не отходить от нее. Надо найти время вдвинуть явления жизни в угол зрения Антропософии.

Перед нами прошли некоторые соотношения в жизни между рождением и смертью. Но, разумеется, мы можем проследить Законы Кармы и по ту сторону рождения и смерти, где он связывает одну жизнь с другой или другими. То, что мы испытываем теперь в этой жизни между рождением и смертью, примыкает к прежним переживаниям или к будущим в позднейших жизнях. Опять можно привести бесчисленные частности. Я сегодня удовольствуюсь освещением одного важного жизненного вопроса о кармической точке зрения, поскольку Карма простирается из одной жизни в другую, а именно, - вопроса о здоровье и болезни, особенно о болезни.

Иной может подумать, если он заболит, что правильно в смысле Кармы сказать: «Я заслужил болезнь, это моя судьба». Но это одно не всегда верно истолковывает Закон Кармы. При болезни мы должны, прежде всего, выяснить себе, в чем ее сущность, понятая духовно? Для этого хорошо рассмотреть предварительно, в чем, например, заключается сущность боли. Отсюда мы получим переход к духовному пониманию болезни.

В чем сущность боли? Рассмотрим сейчас совсем внешнюю физическую боль, например, от пореза пальца. Почему палец болит? Мы никогда духовно не поймем суть боли, если мы не знаем, что этот палец физический пронизан пальцем эфирным и пальцем астральным. То, что представляет из себя физический палец, его строение, как течет по нему кровь, как расположены нервы - все это устроено эфирным пальцем. Он - ваятель и продолжает заботиться и теперь, чтобы нервы оставались в предназначенном порядке, чтобы кровь правильно текла и т.д. Работа эфирного тела, в свою очередь регулируется астральным телом, пронизывающим целое. Внешним сравнением мы выясним, почему больно, если мы порежем палец.

Допустим, что ваше любимое удовольствие - поливать каждый день цветы в саду; это дает вам известное удовлетворение. Но однажды ваша лейка оказывается испорченной или украденной, и вы не можете уже поливать ваших цветов. Это вас огорчает. Тут нет физической боли. Но в лишении вашего любимого занятия вы можете ощутить нечто, подобное физической боли. Вы не можете действовать из-за отсутствия инструмента. Недостающее здесь внешнее и вызывающее поэтому только моральную боль, обращается в физическую боль по следующей причине: эфирное и астральное тела приспособлены к тому, чтобы охранять палец в таком виде, каковым он является теперь. Эфирного и астрального пальца никак нельзя порезать. Когда я порежу палец - эфирный палец не сможет более правильно функционировать. Правильный порядок, к которому он привык, нарушен также, как раньше моя деятельность, когда я хотел поливать сад. Астральное и эфирное тела не могут, следовательно, продолжить свою деятельность, и это выражается как боль, как лишение привычной деятельности. В ту минуту, когда астральное и эфирное тела не больше правильно работают, замечается и большее напряжение - буквально, как и мы в данном случае, желая поливать сад, проявляем напряжение в поисках, лейки и т.д. Так и астральное и эфирное тела должны развернуть теперь большую деятельность, чтобы все вернуть к порядку. И, эта увеличенная деятельность и есть целительная сила, Духовное вызывается к более

энергической деятельности, и это и есть целительная сила. То, что может вызвать духовные члены человека к большей деятельности, это и приносит исцеление. Сущность всякой болезни в том, что вследствие какого-нибудь беспорядка в физическом, а иногда и в эфирном теле человека, духовные части не могут правильно функционировать, они встречают препятствие; и исцеление состоит в вызывании большей силы сопротивления беспорядку. Болезнь может привести либо к исцелению, либо к смерти. Рассмотрим кармически оба случая.

Если болезнь кончается выздоровлением, то мы заложили раньше в наши члены, полученные нами из прежних воплощений, те могучие жизненные силы, которые вызывают исцеление. И взирая на наши прежние воплощения, мы можем сказать, что мы не только были тогда в состоянии настоящим образом снабжать наше тело тем, что мы имеем нормально в жизни, но мы еще запасли «резервный фонд», который мы можем извлечь из духовных жизненных членов.

Теперь, допустим, что мы умираем. Что происходит тогда? - Тогда мы должны сказать: в попытках исцелению мы призвали наиболее могучие силы в нас. Но их не хватило, они были недостаточными. Но никогда не бесцельно вызывать в себе силы, чтобы они твердо проявились. Для этого нам пришлось сделать большое напряжение. Если мы в этой жизни и не оказались в состоянии восстановить порядок в какой-нибудь области нашего организма, мы, по крайней мере, стали сильнее. Мы должны оказать сопротивление. Только его не хватило. Но силы, вызванные нами, все-таки не пропали. Они переходят в следующее воплощение, и соответствующий орган делается сильнее, нежели он был бы без болезни. И мы будем в состоянии с особой крепостью и правильностью развить тот орган, который у этой жизни преждевременно свел нас в могилу. Следовательно, будет более благоприятное действие и в том случае, если мы при надлежащем обхождении не добьемся исцеления. Кармически мы должны и тут в болезни видеть нечто, что в дальнейшей жизни может развернуться более благоприятно. В грядущей жизни мы можем в том или ином случае приобрести особую силу от того, что мы хотя и боролись с болезнью, но не одолели ее. - Но поэтому еще нельзя сказать: «может быть, как раз хорошо предоставить болезнь своему течению; если мы не будем вмешиваться и дадим ей хорошенько излить себя, силы в нас окрепнут и карма тем лучше исполнится». Это было бы бессмысленно. Дело именно в том, чтобы так приняться за исцеление, чтобы создать возможно более благоприятную почву для регулирующих сил; то есть, чтобы мы все делали, что в нашей власти, для исцеления, все равно - наступит оно или нет. Карма всегда благоприятна, а не враждебна жизни.

Закон Кармы, простирающейся из одной жизни в другую, усиливает жизнь, как показал этот отдельный пример. И мы можем сказать: если тот или другой орган у нас особенно крепок, это указывает на предшествующую жизнь, когда этот орган был особенно болезнен. И тогда мы не могли его совершенно исцелить. Зато были вызваны силы, которые теперь придают этому органу особую крепость. Так мы видим, как из одной жизни в другую переходят события и факты. Мы видим, что наша внутренняя сущность все крепнет и крепнет, если мы как следует сознаем, как мы должны ее усилить. И мы таким путем получим более живое понимание нашей духовной сущности через Закон Кармы.

Теперь мы приходим к ответу на вопрос: «Почему мы так часто собираемся?» - Мы собираемся так часто потому, что не только хотим обогатить наше познание, воспринимая учения, но потому, что учения, данные надлежащим образом, способны укрепить и усилить нашу внутреннюю сущность. Мы вливаем как бы духовный жизненный сок во все наши дела, когда мы сходимся и занимаемся Антропософией. Таким образом, Антропософия является не теорией, а жизненным напитком, эликсиром, который постоянно вливается в нашу душу и придает ей все больше устойчивости и силы. И когда Антропософия не будет больше для людей тем, чем она есть теперь, благодаря неразумию внешнего мира, когда она проникает во всю нашу духовную жизнь - тогда люди увидят, что благо и нашей физической жизни, всей внешней жизни, зависят от сил, проистекающих из Антропософических воззрений, Антропософических переживаний. Наступит время, когда такие Антропософические собрания явятся сильнейшей опорой для людей так, что они скажут: «Мы обязаны нашим здоровьем, нашей силой в жизни тому обстоятельству, что мы все заново укрепляем нашу истинную сущность, центр нашего существа». Лишь когда люди почувствуют: вплоть до физического тела действует укрепляюще и исцеляюще то, что дает Антропософия отдельными исследованиями, - лишь тогда они почувствуют эту миссию Антропософии. И теперь те, которые занимаются Антропософией, должны смотреть на себя, как на пионеров ее живительной силы. Только тогда Она станет действительной и найдет позицию для нападения на то, что теперь много различно ослабляет жизнь. В заключение обратим наше внимание на следующее: в настоящее время ни о чем так охотно не говорят, как о

«наследственной обремененности». Разве можно считаться образованным человеком, не употребляя этого выражения, по крайней мере, три-четыре раза в неделю? Образованный человек должен, во всяком случае, знать, что ученая медицина установила значение «наследственной обремененности» в жизни человека. Кто не сможет сказать про человека, который не знает, за что ему приняться, что он наследственно обременен – тот более не образованный человек, а что-то другое, может быть, и антропософ. Тут наука современности не только начинает теоретически заблуждаться, но и вредить жизни. Тут грань, где теоретическое подходит к моральному, где фальшивая теория становится безнравственной. Здесь сила жизни, уверенность жизни зависят от правильного знания. Кто укрепляет себя в душе верным духовным воззрением, черпая для себя жизненный эликсир, - на что он будет способен? Какова бы ни была его наследственность, - наследственность физического тела или, в крайнем случае, эфирного - его истинная сущность, благодаря правильному взгляду на жизнь, будет все укрепляться и укрепляться, и он победит наследственные недочеты. Ибо духовное, если оно имеется правильным образом, способно исправить телесное. Но тот, кто не укрепляет свою духовную сущность, кто говорит: духовное только продукт телесного - тот, не обладая внутренней силой, предоставлен наследственной обремененности - на того она должна вредно действовать. Нет ничего удивительного в том, что то, что называют наследственной обремененностью, так ужасно действует потому что людям сначала внушили, о силе обременяющей наследственности и отняли то, что служит ей противовесом. Сначала привили веру в нее, а потом отняли, вместе с духовным мировоззрением, лучшее средство борьбы против нее. Сначала выдумывают всемогущественно наследственной обремененности, а благодаря этому оно потом и влияет. Получается не только ложное воззрение, приводящее в движение враждебные жизни силы, вырывающие оружие из рук людей, но здесь начинается теория, всецело опирающаяся на материалистические основания. Здесь материалистическое мировоззрение переходит в сферу морального и делается не только теоретически ложно, но и безнравственно. Нельзя также от этого отделаться простым утверждением: те, которые выставляют подобные положения, заблуждаются. Не следует слишком строго судить тех, которые провозглашают такие теории. Отдельные представители науки этим никогда не бывают затронуты: у них можно понять, сочувственно понять, что они должны прийти к таким заблуждениям, что они не могут от них отделаться. Один не может высвободиться из научной традиции; другого можно извинить тем, что у него жена и ребенок и что он, быть может, попал бы в трудное положение, если бы он не исповедовал господствующих воззрений. Но на целое надо обратить внимание, как на явление времени: наука начинает распространять не только ложные теории, но она отнимает у людей то, что способствует жизни - духовное мировоззрение, которое должно давать людям силу жизни и одно только может противостоять власти физического, которое иначе покорило бы людей. Это физическое имеет лишь до тех пор покоряющую власть, пока человек не выработал в духовном противодействующей силы. Лишь только он развил ее в себе, он получает в ней способность бороться против всего физического.

С сегодня на завтра мы не можем на это надеяться. Но те, которые понимают вещи в их истинном значении, мало-помалу узнают, как Антропософия смотрит на явления, в отношении которых человек пока беспомощен. Что не находит примирения в одной жизни, найдет его в общей жизни. И, рассматривая отдельную жизнь, - как и жизнь от воплощения к воплощению, - мы увидим, что правильно понятый Закон Кармы не угнетает нас, а принесет нам в будущем силу и утешение, и непрерывно укрепляет нас. Закон Кармы - есть закон жизненной силы, и он должен быть воспринят как таковой. Дело не в том, чтобы иметь отдельные отвлеченные понятия, но чтобы проследить в отдельности в жизни Антропософические жизненные истины и без усталости работать над проникновением в отдельные Антропософические истины.

Памятуя это, вы живете в настоящем смысле Антропософически. Тогда вы знаете, почему мы не довольствуемся прочтением той или иной книги, но смотрим на Антропософию, как на самое близкое нам дело; она непрестанно нас занимает, мы к ней всегда охотно возвращаемся и знаем, что чем чаще мы к ней прибегаем, тем больше она может обогатить нашу жизнь.

Лекция третья
ВСТУПЛЕНИЕ ХРИСТА в РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
Берлин, 2 февраля 1910г.

Каждое Евангелие, как мы говорили на наших последних групповых беседах, изображает Величайшую Тайну Голгофы с особой стороны. Мы обращали внимание на то, что Евангелие от Марка исходит при повествовании о тайне Голгофы, о тайне Христа Иисуса, из Великих Космологических взаимоотношений, в то время, как Евангелие от Матфея изображает развитие этой тайны из народности - именно, из древнееврейской народности. Мы видели, как должна была мало-помалу развиваться эта древнееврейская народность от поколения к поколению со времен Авраама, чтобы создать, как свой великий цвет то Человеческое Существо, Которое могло заключить в себе индивидуальность Заратустры, или Зороастра. Мы видели, как все качества древнееврейского народа, которые должны были слагаться все интенсивнее и интенсивнее, усиливаясь от поколения к поколению, покоились на принципе физического наследования. Этим мы охарактеризовали отличие миссии древнееврейского народа от миссии других народов. Миссия древнееврейского народа была в том, чтобы передать по наследству известные качества, которые, именно, только путем физического наследования должны были, усиливаясь, перейти со старейших поколений времен Авраама ко Иисусу. Но Евангелие от Матфея, как и другие Евангелия, хранит и еще многие другие Тайны. И если мы в течение этой зимы и открыли отдельные просветы, отдельные точки зрения на Евангелия, то это проведет сначала, самое большее, лишь к возбуждению понимания. Ибо для полного понимания Евангелий требуется не имеющая пределов духовная работа. Сегодня мы осветим с особой стороны Евангелие от Матфея и в связи с этим поговорим об известном практическом применении подобных учений, вытекающих из таких обзоров для людей, принадлежащих ныне к теософическому духовному течению.

Если мы сегодня оглянемся назад на многое, что мы усвоили в течение этих лет, мы скажем, что развитие человечества, как мы его теософически представили, проходит через различные кризисы, достигает важных пунктов, потом некоторое время идет более равномерно, опять приходит к важным пунктам и т.д. Мы здесь часто подчеркивали, что такой важнейший пункт в земном развитии человечества есть время Появления Импульса Христа в начале нашего летоисчисления. Идя оттуда назад, и опустив многое, мы находим важный пункт, на который мы все заново указывали. Перейдя через атлантическую эпоху и возвращаясь в Лемурийскую, мы находим время, когда в человеческую сущность были заложены первые зачатки человеческого «Я». Для понимания подобных вещей надо брать слова совершенно точно. Надо, например, отчетливо отличать то, что произошло в древнюю Лемурийскую эпоху, когда сказано: «тогда были опущены в человеческую сущность первые зачатки «Я», и во время Мистерии Голгофы начался период, в котором человечество вполне осознало это «Я». Тут значительное различие: иметь вначале «Я» в виде зачатка (задатка), как что-то работающее в человеке, - или обратить свое знание на то, что это «Я» существует. Эти вещи надо строго различать, иначе не разобраться в настоящих законах развития.

Мы знаем, что внедрение «Я» в человека основано на общем развитии Земли. Земля прошла через эпохи Сатурна, Солнца и Луны и только после этого приняла свой теперешний образ. На Сатурне были заложены зачатки физического тела. На Солнце - эфирного, на Луне - астрального, на Земле - присоединено «Я». Эти зачатки «Я», были, следовательно, заложены в лемурийское время. Но в эту Лемурийскую эпоху происходило и еще нечто другое: то, что мы всегда называли «люциферическим влиянием». Следовательно, в это время человек был одарен, с одной стороны, зародышем «Я», предназначенным ко всему большому развитию в последующие земные периоды, и одновременно его астральному телу было привито люциферическое влияние. Это последнее изменило ведь все существо человека, следовательно и то, что действовало как силы, как элементы в эфирном и физических телах. Благодаря этому, весь человек стал в Лемурийскую эпоху другим, чем он был бы без этого люциферического влияния. Таким образом, в Лемурийскую эпоху человек меняется в двояком отношении: он становился Я-существом и, кроме того, существом, таящим в себе люциферический принцип. Без люциферического принципа влияние «Я» все-таки проявилось бы.

Что же произошло с сущностью человека из-за того, что в Лемурийскую эпоху выдвинулось люциферическое влияние?

Когда подобная вещь описывается с той или иной стороны, то я вас прошу никогда не принимать такое описание за исчерпывающее, а считать, что всякий раз выделяется только одна точка зрения. В продолжении этих лет много говорилось о том, что произошло на пути развития благодаря люциферическому влиянию. Все это тоже относится сюда, но этого мы не можем повторять. Сегодня мы займемся только одной точкой зрения, которая определит нам одну

сторону; и эта точка зрения состоит в том, что через человека люциферическое влияние ранее достиг ступени развития, чем ему, собственно, полагалось, чем, так сказать, предопределило для него Мудрое Водительство мира. Благодаря люциферическому влиянию человек глубже спустился в доставшиеся ему от прежних воплощений Земли составные части, - в свои астральное, эфирное и физическое тела теснее связался с ним. Человек со своим «Я» остался бы ближе к духовным мирам, дольше чувствовал бы своим «Я», что он член духовного мира, если бы люциферическое влияние не заставило бы это «Я» глубже погрузиться в астральное, эфирное и физическое тела. Человек в Лемурийскую эпоху, так сказать, глубже опустился на Землю, благодаря люциферическому влиянию. Мы можем указать время, когда человек, вне люциферического влияния, опустился бы так глубоко на Землю или в физическую материю, как он это сделал в действительности в Лемурийскую эпоху *через* люциферическое влияние: это было бы в середине атлантического периода. Другими словами: не будь люциферического влияния, человек повременил бы с нисхождением на Землю до середины атлантического периода, а из-за этого влияния он опустился раньше. Благодаря этому он сделался, с одной стороны, свободным, действующим по собственным импульсам существом; потому что он до половины атлантического периода пребывал бы в полной зависимости от духовного мира, не мог бы сам выбирать между добром и злом, проявлять какой бы то ни было свободный импульс, но он действовал бы по душевным инстинктам, то есть по силам, заложенным в его душу Божественно-Духовными Сущностями. Но люциферические сущности дали ему возможность раньше времени выбирать между добром и злом, но инстинктивно лишь следовать законам Божественно-Духовного Миропорядка, но решать самому, из себя создавать род закономерности. Этот факт, ведь, выражен глубокими мыслями в рассказе о «грехопадении», изображающим в чудесной имажинации только то, что я сейчас говорил. Это изображается в Ветхом Завете, когда говорится: «В человека была заложена живая душа Божественно-Духовными Сущностями». Останься эта живая душа как она была, человек должен был бы ждать, пока благодаря Божественно-Духовным Сущностям эта живая душа, то есть еще не развившееся «Я», созрела бы для принятия решений. Но появляются люциферические влияния, изображенные в Библии в виде «Змий». Вследствие этого человек перестает лишь инстинктивно следовать внушениям Ягве или Элоимов, но начинает сам выбирать между добром и злом. Из существа, опекаемого, направляемого до сих пор Божественно-Духовными Сущностями, человек претворяется в сущность, самостоятельно решающую. Это тоже совершенно ясно изображено в Библии - как змий, то есть люциферическое влияние, вызывает самоопределение человека. И тогда прозвучат - произнесенные Богами - слова Библии: «Человек стал, как один из нас». То есть как один из Богов. Или, выражаясь напрямик, человек через люциферическое влияние присвоил себе нечто, что до того приличествовало только Богам. Боги решали между добром и злом - а не зависимые от Богов существа. Через люциферическое влияние человек взял решения в свои руки, то есть сделался существом преждевременно развившим в себе Божественные свойства. Таким образом, в человеческую натуру проникло то, что иначе со-хранилось бы для человеческого развития до середины атлантического периода. Вы можете себе представить, что человек был бы совсем другим, если бы это погружение в материю было ему суждено лишь в середине атлантического периода: его душа была бы зреее. Он спустился бы в материю лучшим, более зрелым человеком. Он внес бы поэтому во все физическое, астральное, эфирное другие свойства и был бы совсем иначе одарен для выбора между добром и злом. Человек стал хуже от того, что от лемурийского периода до середины атлантического он сам стал выбирать между добром и злом, он оказался в менее совершенном состоянии: он провел бы все время до половины атлантического периода более духовно, а так он провел его более материально. И это обусловило то, что он окончательно пал бы, если бы не получил то, что Боги предназначили ему в середине атлантического периода. Что же предназначалось человеку в середине атлантического периода, если бы он до этого времени инстинктивно следовал Водительству Божественно-Духовных Сущностей? - Он получил бы то, что ему дала Мистерия Голгофы после наступления люциферического влияния. Импульс Христа сообщился бы ему с середины атлантического периода. Теперь же он должен был так долго ожидать Импульс Христа, сколько прошло времени от возникновения люциферического влияния до середины атлантического периода. Импульс Христа явился настолько же позднее середины атлантического периода, - насколько раньше его Люцифер приступил к человеку. Тем самым, что человек раньше времени уподобился Богам, был задержан Импульс Христа. Ибо человек должен был раньше пройти через все то, что ему суждено было земной Кармой за то плохое, что вошло в него через люциферическое влияние. Человечество должно было это выстрадать. Человек должен

был подождать, но только пока люциферическое влияние даст ему выбор между добром и злом, но и пока наступит в течение земного развития все то, что является следствием этого люциферического влияния. Этого надо было ждать. Лишь тогда мог спуститься на Землю Импульс Христа. Согласно Мудрому Мировому Промыслу, человек не был обречен на вечное лишение того, что ему досталось через люциферическое влияние, он получил бы это лишь с середины атлантического периода, но по-лучил бы при всех обстоятельствах. Правда, форма была бы иная. Через Люцифера человек получил не только свободу решения во всем, что связано с духовным, но и способность воодушевляться добрым и благородным, мудрым и великим. Такие, как мы теперь есть, мы можем не только холодно, трезво и сухо выбирать между добром и злом, но нас может волновать, воспалять прекрасное, благородное, доброе и мудрое. Это происходило оттого, что в наше астральное тело проникло то, что иначе, с середины атлантического периода, было бы вложено лишь в «Я», обладающее суждением. Следовательно, всем, что мы имеем как чувство, как идеализм, восторг перед добрым и высокими идеалами, мы обязаны тому обстоятельству, что мы восприняли нечто в нашем астральном теле до того, как нам была дарована богоподобность, восприятие Христа в нашем «Я». Существенное в том, что эта богоподобность, эта богоравность, эта возможность найти добро в себе должны были достаться человеку. Без люциферического влияния этот импульс явился бы в середине атлантического периода; так он появился в то время, когда действовал Христос Иисус.

Следовательно, благодаря Импульсу Христа у человека возникло сознание, что в своем «Я» он имеет частицу Божественной субстанции и Сущности. Это лежит, ведь, в основе и всех глубочайших изречений Нового Завета, что человек в своей четырехчленной сущности может воспринимать Божественное и, что это Божественное может в нем проявиться и решать между добром и злом. Мы можем, поэтому сказать так: человек получил возможность, восприняв Импульс Христа, сказать себе: «Я сам для себя мерил, познавая свое существование, ставя решение о добре и зле».

Оглядываясь на дохристианские времена, мы должны сказать себе: так как тогда еще не существовал тот Импульс, Который даёт человеку постоянный выбор между добром и злом, то и решения между добром и злом, суждение, познание добра, красоты и истины были по необходимости недостаточными в дохристианские времена, не могли вытекать из самой внутренней сути человека. Человек и не имел возможности до Импульса Христа из себя решать о добре и зле. Решения о настоящем добре, настоящей истине, настоящей красоте только потому могли иметь место в дохристианские времена, что отдельные индивидуальности, как Бодисаттвы, например, частью своей сущности восходили с течением времени до Божественно-Духовных миров, следовательно, получали решения в вопросах о добре и зле не из внутренней сути человеческой природы, а из Божественных миров. Благодаря своим сношениям с Божественно-Духовными Существами они получали эти решения и передавали их как бы внушением человеческой душе. Без таких вождей люди дохристианских времён могли бы лишь очень несовершенно судить о добре и зле. Полагаясь только на своё сердце, эти вожди оказались бы в том же положении; только благодаря тому, что они проникли до глубин души, которыми человек еще не был одарён, что они из своей собственной Я-сущности вышли в Царство Небесное, они получили те нужные людям импульсы, с помощью которых можно было в эпоху недостаточных суждений о добре и зле, тем не менее, предварительно насадить добро на Земле.

Человек, таким образом, в дохристианские времена являлся существом, в котором свойства богоподобности далеко ещё не созрели, которое еще совсем не годилось для богоподобности. Благодаря этому с лемурийского времени все, что человек делал, было хуже, несовершеннее. Всего больше это проявлялось в том, что касалось его самого, вследствие люциферического влияния в дохристианский времена. Хуже, материальнее, он образовал своё астральное, эфирное и физическое тело, которые без люциферического влияния оставались бы более духовными. Через это и вошло в человеческую жизнь всё зло, развившееся с течением времени. В течение долгого времени оно развивалось. С лемурийского времени до Мистерии Голгофы зло развилось в физическом, в эфирном и в астральном теле; в астральном теле развилась в высокой степени эгоизм; в эфирном теле развилась возможность ошибки в наших суждениях и возможность лжи. Если бы человек остался под влиянием Божественно-Духовных Сущностей, если бы он инстинктивно действовал по импульсам их, то он не мог ни впасть в ошибку, приобретая наше познание об окружающем мире, ни поддаться искушению лжи; так проникли влечения ко лжи и опасность заблуждения в человеческое развитие. И так как духовное всегда является первопричиной физического, и так как от воплощения к воплощению люциферическое влияние и

его последствия все глубже въедались в астральное тело, возможность заболевания вошла в физическое тело. Болезнь - есть зло физического тела, явившееся последствием этого развития. Но явилось ещё нечто более значительное. Если бы человек не подпал этим влияниям, если бы он им не дал действовать на себя, он и не имел бы сознания в момент отпадения физического тела, что происходит что-то иное, чем превращение в жизни: не появилось бы сознание смерти. Не погрузись так глубоко человек в материю и сохрани он нити, связующие его с Божественно-Духовным, он бы знал, что с отпадением физической оболочки начинается только новая форма бытия; он не смотрел бы на это, как на утрату, как на конец ставшей ему милой жизни. Следовательно, все вещи в развитии получили бы другой облик.

Человек глубже погрузился в материю, сделался благодаря этому свободнее и независимее, но, вместе с тем, его развитие стало неправильным. Всё, что в человеке неправильно, будет исцелено *Импульсом Христа*. Только не надо требовать, чтобы это исцелено произошло бы в значительно более короткий срок (или далее в очень короткий срок), чем оно было обусловлено. Время от Лемурийской эпохи до Мистерии Голгофы очень длинное. И медленно и постепенно, действуя от воплощения к воплощению, появились эгоизм, заблуждение и ложь, болезнь и чувство смерти. Действием Импульса Христа в человечестве эти свойства в восходящем развитии человечества претерпят обратное превращение. Человек, с теми свойствами, которые он приобрел «внизу», будет снова возвращен в духовный мир. Это произойдет даже скорее, чем его нисхождение. Но нельзя требовать, чтобы человек в одно-два воплощения, силой того, что он воспринял из Импульса Христа, был бы в состоянии побороть эгоизм, так исцелить свое эфирное тело, чтобы прекратить опасность лжи, заблуждения, - ни, тем более, чтобы он мог оздоравливающе действовать на свое физическое тело. Это должно наступить медленно и постепенно.

Но оно наступает.

Как через люциферическое влияние человек был низведен до всех описанных свойств, именно так же он будет возведен через Импульс Христа: себялюбие превратится в самоотверженность, лживость в правдивость, опасность заблуждения превратится в уверенность и истинность суждения; болезнь сделается основой тем большего здоровья; те болезни, которые мы побороли, явятся зародышами высшего здоровья, и когда мы мало-помалу постигнем смерть так, что Смерть на Голгофе будет сама действовать в нашей душе как прообраз смерти, тогда смерть утратит свое жало. Человек будет знать, почему он временами должен сбрасывать свою физическую оболочку, чтобы подниматься все выше в ряде воплощений. В особенности же Импульс Христа дал толчок к тому, чтобы исправить все, что касается человеческого познания и наблюдения, знания человека о мире.

Мы сказали, что человек более запутался в материи, стал несовершеннее в своих трёх телах, чем он был бы без люциферического влияния. В следствие этого человек был охвачен стремлением все глубже опускаться в материальное существование, всё основательнее проникаться лишь материальным. Это случилось особенно с его познанием. Но и это пришло медленно и постепенно. Не сразу, как только подействовало люциферическое влияние, человек, так сказать, опустился так низко, что он захлопнул за собою все двери в духовный мир. Человек ещё долго сохранял связь с духовным миром, из которого он вырос и в котором он остался бы всем своим существом, не будь люциферического влияния. Еще долго человек оставался участником в этом духовном мире, ещё долго он чувствовал, как в его тончайшие духовные инстинкты шли нити из Божественно-Духовного мира. Он еще долго поступал таким образом, что его импульс не был чисто человеческим, а за ним действовали Боги. Это было особенно в древнейшие времена. Лишь медленно человек был выброшен в материальное и, вместе с тем, потерял сознание Божественного.

Те духовные течения и мировоззрения человечества, которые знают об этих вещах, всегда поэтому указывали: существовала древняя эпоха, когда человек, правда, был немного вытолкнут в материальное существование люциферическим влиянием, но не настолько, чтобы не ощущать ещё сильно в себе божественного воздействия. Эту эпоху называли в древние времена человеческого развития «золотым веком». Это не какой-нибудь продукт фантазии, а выражение «золотой век» просто употреблялось теми, кто смутно сознавал в древности, что на заре человечества существовала такая эпоха, как только что описанная. Этот золотой век, обозначенный восточной философией, термином Крита-юга, длился относительно дольше всех эпох, которые мы еще будем характеризовать. После этого «золотого века» наступает так называемый «серебряный век». Тут человек еще больше

выталкивается в физический мир. Но всё происходит медленно и постепенно. Ещё и теперь двери в духовный мир не были вполне закрыты. Человек переживал ещё сильные мгновения, когда он как бы в сумеречном ясновидении замечал Богов, руководящих его инстинктами. Человека серебряного века нельзя более назвать товарищем Богов, но он всё-таки чувствовал, что Боги стоят за ним. Это время называется в восточной философии Трета-юга. Потом наступает время, переходящее уже в нашу послееатлантическую эпоху; оно простирает свои последние ответвления до исторических времен, когда всё ещё встречались люди, одарённые старым сумеречным ясновидением. Но сознание духовного мира, из которого вырос человек, существовало в это время лишь подобно воспоминанию, оставшегося от прежних воплощений. Это было похоже на то, как вы бы стали думать о своей молодости, о детстве и о теперешнем возрасте. В нашем детстве мы непосредственно имели детские переживания; так люди ещё в Трета-юга непосредственно переживали импульсы Божественно-Духовного мира. В последующую эпоху, которую можно также назвать «железным веком», оставалось как бы одно воспоминание об этом. Это можно сравнить с тем, как взрослый человек рассматривал своё детство; потому что вы скажете: «Я прожил своё детство, это не сон». Так было в третью эпоху. Тогда люди знали: «Мы пережили в прежние времена связь с Божественными; но теперь оно осталось лишь как воспоминание». Я подробно показал, как воздействовало на древнеиндийскую культуру воспоминание об атлантической эпохе; потому именно, что это воспоминание было ещё очень действенно, Святые Риши могли провозглашать свои святыи, высокие учения. Этот «железный век» называется в восточной философии Двапара-юга. - Затем наступает время, когда теряется воспоминание о Божественно-Духовном мире, когда человек со всем его познанием и созерцанием всецело пересаживается в физический мир. Это время начинается приблизительно с 3101 года до нашего летоисчисления, до Рождества Христова, и его называют также в восточной философии Кали-юга, - «мрачным веком», потому что человек в это время утратил всякую связь с духовным миром и совершенно сросся с физическим. Прошу заметить, что я теперь употребляю эти выражения для меньших промежутков времени, но их можно применить и к большим. Мы говорим, следовательно, о таком определении эпох, которое соответствую меньшим подразделениям и считаем начало кали-юга, как учит индийская философия, с 3101 года до Рождества Христова. Тогда готовится та эпоха, когда людям будет дано видеть лишь то, что как покрывало, как вуаль скрывает Божественно-Духовный мир, когда они будут воспринимать лишь внешнее, физически-чувственное. Хотя в начале Кали-юги есть ещё много людей, которые видят Божественно-Духовный мир или вспоминают о нем, но для нормального человечества начинается время только физически-чувственных восприятий.

Это было нисхождение человека до Кали-юга. Это было время самого глубокого нисхождения. Сюда должен был дойти импульс к обратному восхождению. Поэтому-то импульс к обратному восхождению, Импульс Христа, проявляется в Кали-юга, в «мрачном веке».

Этот Импульс Христа был подготовлен религией Ягве или Иеговы. Ибо религия Ягве обратила внимание человека на ошибочность его прежних суждений. В промежуток времени от древнего лемурийского периода до провозглашения Заповедей на Синае мы имеем ведь то время, когда человек делается сам судьёй добра и зла, но когда, с другой стороны, он и впадает в заблуждение относительно добра и зла и всё умножает на Земле то, что зовётся в Библии «грехом». Тогда грех въедается в земную жизнь. Человек присвоил себе богоподобность; но он обратил её свойства, которые ещё не были далеко зрелы для богоподобности. Что же должно было произойти? Сначала надо было показать человеку чего желает от него Божество, если он должен сделаться самосознающим «Я». И это было ему показано провозглашением Десяти Заповедей на Синае. Тогда люди через Моисея услышали: «Понятия о добре и зле, которые ты развивал до сих пор, несовершенны. Я показываю тебе, как гласили бы законы, если бы ты не спустился и не взялся бы судить о добре и зле с помощью твоих несовершенных свойств». Так относится Синайский закон, Декалог, к тому, чем стал человек: из духовных миров звучит, какова должна быть истина по сравнению с тем, что человек неправильно развил. Как железный закон, стоят десять заповедей, как факел, указывавший человеку, чего он не достиг. Он должен, таков, как он есть, подчиниться этому закону. Человек не мог сам дать себе десять заповедей, потому что его суждение, его собственное законодательство стали неправильны. Поэтому десять заповедей были даны ему вдохновенным свыше – Моисеем, то есть Божественным внушением. Но они были даны так, что они все обращены на «Я». Они говорили человеку, как «Я» должно вести себя, чтобы достигнуть цели человечества.

В лекции о Десяти заповедях Моисея (16 ноября 1908 года) это развито подробнее. Там показано, каково должно быть поведение «Я» относительно духовных миров - в первых трех заповедях каковы должны, быть поступки и действия, относительно ближних - в следующих заповедях, и каково должно быть отношение «Я» к своим ощущениям и чувствам - в последних заповедях. Воспитание, культура «Я» повелевается в десяти заповедях. Это служило подготовкой к тому, чтобы «Я» в своей сокровенной сущности выучилось давать импульс из самого себя после того, как оно спустилось до Кали-юга, до «мрачного» века. Сначала это должно было явиться как закон «свыше». Но законом собственного «Я» оно могло сделаться лишь когда «Я» восприняло Великий Прообраз Голгофы, когда «Я» говорит себе: «Когда я буду мыслить так, как Мыслило Существо, пожертвовавшее Собой на Голгофе, - когда я буду чувствовать так, как Чувствовало Существо, пожертвовавшее Собой на Голгофе, - когда моя воля будет такой, как у Существа, пожертвовавшее Собой на Голгофе, тогда моё существо найдёт решение в себе самом, всё более разовьёт Богоподобность, не принуждено будет лишь следовать внешнему закону, десяти заповедям, но будет следовать внутреннему импульсу, своему собственному закону».

Так сначала Моисей поставил «закон» перед людьми. - Христос же Явил Прообраз и Силу, нужные душе для её развития. Поэтому все духовные импульсы были углублены Христом Иисусом до самых тайников души, до самого «Я». Это могло произойти только, когда мыслилось следующее, что исходило как Импульс от Христа Иисуса.

Человек спустился до мрачного века, до Кали-юга. До этого мрачного века люди взирали на духовный мир в состоянии смутного, сумеречного ясновидения. Тогда они пользовались не только орудиями физического тела, но в то время, когда они с помощью глаз, ушей и так далее, наблюдали физический мир, им всюду являлось духовное - вокруг цветов, растений, камней и т.д. Эти люди были богаты своими наблюдениями в духе. В древности они получали дух, как дар. Теперь в мрачном веке они стали «нищими духом», ибо дух не сообщался им более. Они обеднели духом. Всё более приблизилась Кали-юга, когда люди должны были сказать себе: В прежние времена было иначе: тогда дух ещё даровался людям; тогда они могли взирать на духовный мир; тогда они были богаты духом; тогда Царствие Небесное было им доступно, но теперь люди низвергнуты в физический мир. Врата духовного мира закрылись перед человеческими чувствами, и физическое тело не позволяет видеть Царствия Небесного.

Но Христос мог сказать: «Овладейте «Я» так, как вы теперь им должны овладеть, тогда приблизится Царствие Небесное. В ваше «Я» войдёт оно. Если ваши глаза и замыкают перед вами за внешним чувственным светом духовный свет, если ваши уши и замыкает перед вами за физическим звуком духовный тон; поднимаясь к Самому Христу, вы найдёте в себе Царствие Небесное».

Несчастливы были те, которые обеднели в мрачный век. Они стали нищими духом. Блаженными они смогли стать теперь - после того, как был дан импульс к тому, чтобы вплоть до человеческого «Я» проник Христос, то Существо, которое могло принести Весть о духовном, о «Царствии Небесном». Поэтому относительно людей, обедневших духом, высочайшее Христианское откровение гласит: «отныне блаженными могут быть нищие духом, которым дух не даруется больше по-старому; отныне они, тем не менее, блаженны, если они воспримут Импульс Христа; тогда им откроется через развитие их «Я» Царствие Небесное».

Перейдём к эфирному телу, образующему физическое тело. Что вошло в него? В физическом теле болезнь только обнаруживается. Само страдание сначала в эфирном теле; и страдание эфирного тела выражается как болезнь физического тела в последующем воплощении. «Теперь вошло нечто в мир», - так должен был сказать Христос, - «благодаря чему во внутреннем может явиться импульс, мало-помалу устраняющий страдания из эфирного тела. Блаженны страждущие в своём эфирном теле, если они принимают Импульс Христа; ибо они найдут внутреннего Утешителя, внутреннего Параклета и выйдут за пределы страданий».

А что сделалось с астральным телом под люциферическим влиянием? Оно стало несовершеннее, чем оно было. Оно получило одно доброе свойство, которое мы описали: энтузиазм к высшим благам истины, добра и красоты; но наряду с этим оно получило и другое: способность в величайшей мере воспламеняться симпатией или антипатией к земным благам. Воспринимающий Импульс Христа научится смягчать своё астральное тело, вызывающее волнение физического тела пред земными благами, научится подчинять его власти духовного, и тем самым, он получит блаженство. «Блажен тот, кто делает своё астральное тело равнодушным к земным благам; но тогда-то они ему и достанутся. Ибо, когда он охвачен волнением, симпатией или антипатией к земным вещам, он именно то, чем они могут стать для

него. Когда же астральное тело попадает под власть духовного, когда явится равнодушие к земным вещам, - тогда достанется в удел царствие земное».

Поднимем взор к тому, что действует в астральном теле как душа осязающая: тут мы имеем ещё смутно действующее «Я», которое ещё не вполне выявилось и поэтому проявляет страсти худшего себялюбия. Пока «Я» ещё совершенно заключено в душе осязающей, оно обнаруживает злейший эгоизм. Оно лишено желания допустить других до того, что имеет оно само. Эгоизм затемняет понятие справедливости, потому что «Я» хочет всего для себя. Но, когда теперь «Я» начинает следовать Импульсу Христа, оно начинает жаждать справедливости для всех существ, его окружающих. «Блаженны алчущие и жаждущие чувства справедливости в своей душе, ибо они насытятся. Они будут в состоянии создать на Земле и во всем мире такое положение вещей, которое будет соответствовать справедливости в истинном новом духе, рожденным из глубин души».

Поднимемся дальше до души рассудочной. Она - тот член, который ещё больше содействует терпимости среди людей и вызывает не только лишь чувство справедливости, как душа осязающая, но сочувствие, настоящее сопереживание горя и радости других. Воспринимающий Импульс Христа получает способность чувствовать не только себя, но и другое «Я»; он погружается в другое «Я» - и через это обретает блаженство в своей душе рассудочной. Блажен тот, кто развивает сочувствие, ибо только тем, что он вчувствуется в другую душу, он возбуждает в ней обратное сочувствие. Он приобретает сочувствие другой души, излучая его сам. «Блаженны сочувствующие, ибо и им будут сочувствовать». Вы уже видите теперь, как мы, несколько продвинувшись в рассмотрении этих взаимоотношений, в состоянии совсем иначе из глубин человеческой природы и сущности понимать слова Евангелия от Матфея, обычно сопоставляемые в «Нагорной Проповеди». Всякое изречение Нагорной Проповеди относится к одному из девяти членов человека. Следующий раз это будет рассмотрено подробнее. Нагорная Проповедь должна чётко встать перед нашими духовными очами как То Деяние Христа Иисуса, благодаря Которому Он совершенно превратил во внутренний Импульс, сделал внутренним то, что содержалось в древнем законе Моисея, так, что «Я» человека становится действенным, как оно должно стать действенным для всех девяти членов сущности человека. Ибо, воспринимая Импульс Христа, «Я» воздействует на все девять членов.

Итак, мы видим, как истинно то, что уже было указано, - а именно: Христос в Кали-юга одарил человеческое «Я» способностью находить в физическом мире то; что поднимает человека в духовный мир, в Царство Небесное. Христос сделал человека - «Я» - участником духовного мира. На старом Сатурне физическое тело было непосредственно взято из духовного мира. Оно ещё было совершенно внутри этого духовного мира, потому что тогда физическое тело было духовнее и не имело сознания, которое его могло бы отделить из духовных миров. На Солнце прибавилось эфирное тело, на Луне - астральное, и только на Земле была дана возможность посредством развития «Я» оторваться от лона Божественно-Духовного мира. И следствием было то, что для возвращения этого «Я» Бог должен был спуститься до физического плана - и на физическом плане показать человеку путь в Царство Небесное. Потому-то то, что произошло через Импульс Христа, является *неизмеримо важным событием*. - Вы спросите: «знали ли все люди, которые жили во время земной жизни Христа Иисуса, что происходит столь важное событие?» Подумайте, что великий историк Тацит, живший сто лет спустя, писал о христианах, как о почти неизвестной секте. Он рассказывает о христианах только то, что в закоулках Рима ютится секта, предводительствуемая неким Иисусом. Долгое время после События Христа в Риме думали, что Иисус их современник, как будто Он только что выступал. Короче говоря, важные вещи могут совершаться в развитии человечества, а современники их не замечают. Самое важное могло бы даже бесследно пройти, если бы люди не имели склонности к его пониманию. Но тогда человечество не пережило бы этого самого важного, в отношении его засохло бы и опустело. «Изменитесь, приблизилось Царство Небесное», - так провозглашал Иоанн Креститель и Сам Христос Иисус. Тем самым они указывали имеющим уши, чтобы слышать, что Совершается Важнейшее. Что мир ничего не знает о важнейшем, ещё не есть доказательство того, что оно уже существует. Те, которые ныне призваны истолковывать знамения времени, знают, что совершается теперь: они должны указывать на событие, если не решающее, то всё-таки *важное*: поистине, как раз в наше время развивается нечто неизмеримо значительное. И если тогда Иоанном указывалось на Христа, если Он Сам Указывал на приближение Царства Небесного, на «Я», то сегодня надо указывать на Другое Важное Событие.

Христос во плоти только раз спустился на Землю. Во плоти Он пребывал на Земле в начале нашей эры. Согласно Мудрому Водительству нашего мирового развития, мы не увидим более Христа во плоти, как физически воплощённого человека, - но и не должны Его более увидеть. Ибо *во плоти Христос более не придет*. Тем не менее, мы должны говорить о новом отношении человека ко Христу. Почему? Потому что мрачный век, Кали-юга, как раз завершился с концом XIX века, и с началом XX века занимается новая эпоха, в которой подготавливаются новые свойства людей, - те свойства, которые были утеряны в «мрачный век». Медленно и постепенно подготавливаются новые свойства. Они будут подготавливаться до такой степени, что явятся отдельные люди, которые будут знать их как прирожденные свойства. Эти свойства особенно проявятся у известного числа людей между 1930 и 1940 гг., и через эти новые свойства наступят новые отношения ко Христу.

Этим указан чрезвычайно важный этап человеческого развития. И Духоведение существует для того, чтобы открыть понимание людей для этих новых свойств, которые покажутся в человеческом мире. Не потому существует Антропософия в мире, что отдельные люди с охотой и симпатией её распространяют, а потому, что Антропософия необходима, если люди хотят уразуметь, что произойдёт и первой половине нашего века. Уразуметь же это можно только с помощью того, что даёт человеку Духоведение. И когда получают способность познать в духе то, что тогда произойдёт, тогда будут также в состоянии не смешивать событий с их ошибочными изображениями. Ибо материализм, распространяясь всё более, захватывает и духовные мировоззрения, и там его действие особенно пагубно. Он может повести к тому, что люди не сумеют познать в духе то, что должно быть познано в духе, и будут искать его в материальной мире. И так как должно наступить *новое отношение* ко Христу в первой половине нашего века, то в следующие десятилетия до наступления события всё снова должно будет подчёркиваться, что явятся фальшивые Мессии, фальшивые христы, которые будут опираться на тех, кто и в области Духоведения останется только материалистом, представляющим себе *новое отношение ко Христу* не иначе, как ко вновь Явившемуся воплотителю. Фальшивые Мессии воспользуются этим и скажут: «Снова явился Христос во плоти».

Антропософическая Мудрость должна подготовить те отношения, которых можно достичь одними человеческими свойствами в течение первой половины нашего века. Вместе с этим вырастает до громадных размеров ответственность Антропософического Стремления: ибо Антропософия подготавливает ко грядущему Событию, которое или будет понято, если Антропософия привьется к душам людей, и тогда оно оплодотворит дальнейшее развитие человечества, или пойдёт мимо человечества и не будет понято, если люди откажутся принять орудие, через которое они могут уразуметь это Событие: орудие Духоведения.

Если же люди настолько отвергнут Духоведение, что от него ничего не останется, то они и не будут знать, что Событие наступило - или ложно его истолкуют. Плод этих Событий пропадёт тогда для будущего человечества и оно будет обречено на величайшее страдание.

Этим указывается на новое Отношение человека ко Христу, которое нарождается в человеческой душе навстречу Христу в сравнительно недалёком будущем.

Четвертая лекция
НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Берлин, 8 февраля 1910г.

Сегодня мы должны ещё раз указать на тот важный источник, который заключается в изречениях Нагорной Проповеди, и, исходя из него, окинуть взором настоящее и ближайшей будущее человечества.

Нагорную Проповедь Евангелия от Матфея можно понять, лишь уразумев весь её Дух, и исходя из Духа развития человечества.

Вспомним вкратце то, что ещё вчера выступило перед нами: древнее смутное ясновидение постепенно исчезало; человеческое познание, человеческие способности всё больше и больше ограничивались физическим планом; по этой причине связь человека с духовными мирами должна была утверждаться на событиях физического плана. Сопоставив всё это, мы поймем, что та Божественно-Духовная Сущность, которую мы характеризовали, как Христа, должна была в эпоху, когда люди были ограничены восприятием физического плана, воплотиться

именно в физическое тело. По этой причине можно было рассказать самое существенное из Жизни Этой Божественно-Духовной Сущности в выражениях и словах, относящихся к физическому плану. Дело не только в том, что те немногие - по сравнению со всем человечеством, которые видели Христа Иисуса, могли Его лицезреть и наблюдать телесно, на физическом плане; но важно то, что в рассказах о Христе Иисусе изображается Событие физического плана.

В прежних рассказах, о других Божественно-Духовных Сущностях, слова, взятые из физического плана, не вполне соответствовали истинным происшествиям. Они должны быть поняты скорее, как намёки, истинные не происшествия могли быть поняты только тем, кто умел относить слева к событиям на высших планах. Жизнь же Христа Иисуса понятна каждому, кто лишь в состоянии применить рассказанное к событиям на физическом плане. И в этом направлении можно сказать: Сущность Христа вполне спустилась до физического воплощения, до жизни в физическом теле. Это должно было произойти, ибо соответствовало тогдашнему характеру способностей человека, ибо человеческое «Я» как таковое, должно было осознать свою сущность при правильном ходе развития.

Мы видели, что Заратустра или Зороастр, из ряда более древних индивидуальностей наиболее способствовал Событию в Палестине. Но, чтобы сделаться тем, чем он должен был стать в то время, необходимо было создать тело, которое заключало бы в себе как бы экстракт всего того, что дано было целому народу, - такому народу, которому суждено было передать человечеству способности, переходящие по физическому наследованию. Существенное в древнееврейском народе то, что из поколения в поколение должны были развиваться те способности, которые, всё усиливаясь, передавались по наследству от отца к сыну, от сына к внуку и т.д., чтобы проявиться в своём высшем и совершеннейшем развитии в том Телесном, которое было унаследовано от Авраама и Соломона его последним носителем Заратустрой. Нам надлежит ещё многое рассмотреть, прежде чем мы будем в состоянии понять во всех частностях Миссию древнееврейского народа. Для этого мы должны постепенно усвоить, как от поколения к поколению всё облагораживались качества, необходимые для Тела Иисуса. Это Тело должно было, поелику возможно, стоять на высоте своего всемирно-исторического призвания. Это было возможно только благодаря тому, что всё, что принадлежало этому Телу соломоновского Иисуса, было сколь возможно совершенно в отношении этих способностей. Мы знаем, что во всяком физическом теле действовали четыре члена человеческой природы, - физическое, эфирное, астральное тела и «Я» - и что в будущем разовьются Самодух, Жизнедух и Духочеловек. Но мы не можем это понимать так, что внезапно прекратится деятельность, скажем, астрального тела, или, что позднейшее совсем не подготавливается в прежнем. В известном отношении, всё позднейшее подготавливается прежним. Правда, человек ныне не может собственной силой работать над собою так, чтобы, например, в нём особенно выразился Жизнедух; но другие, Божественно-Духовные Сущности проявляют в человеке такую деятельность, которая может быть названа деятельностью Жизнедуха. Это относится и к Духочеловеку. Поэтому все семь членов Иисуса из Назарета - или, скорее, человеческой организации Иисуса из Назарета - должны были быть облагорожены. Для этого требовалась особая подготовка. Эта подготовка даёт нам предчувствие тайн, скрытых в развитии человечества и Земли.

Издавна в зародыше подготавливалось совершенствование Тела Иисуса из Назарета. Мы видели, как в первом периоде, от Авраама до Соломона или Давида, та же работа творилась над поколениями, какая обычно творится над отдельным человеческим телом в промежуток времени от рождения до смены зубов. Стоящие за развитием силы действовали так, что, фактически, существовал некогда предок Иисуса, имевший уже предрасположение к тем возможно более совершенным способностям, которые проявились в Телесном, ставшем носителем Заратустры. Итак, в предке Иисуса было, так сказать, предрасположение к правильному развитию всех семи членов человеческой природы. Другими словами: восходя по линии предков Иисуса, мы Должны встретить такого, который имел бы в себе зародыш семичленной человеческой природы, - по крайней мере, - предрасположение к тому совершенному развитию, какое они получили в Телесном Иисуса из Назарета. Если это и не выражено во внешнем предании; то древнееврейское тайное учение знакомо с этим фактом. Оно знало, что некогда жил человек, о котором можно было сказать: в нём действовали семь членов человека так, что их необходимо отметить как особо выдающиеся. Действительно, посвящённые древнееврейского тайного учения так и указывали на предка Иисуса из Назарета, о котором они

знали: мы должны совсем особо рассматривать семь человеческих членов в этом предке.

Поэтому они называли «Я» этого предка «Итиэль» и тем указали, что это «Я» должно было обладать той силой - ибо слово «Итиэль» означает приблизительно «обладание силой», той смелостью, чтобы стать, передаваясь наследственно через поколения, истинным носителем «Я» Той Высочайшей Сущности, Которая должна была снова выявиться в Иисусе из Назарета. Они назвали астральное тело того предка «Лемуэль», что означает приблизительно такое развитие астрального тела, когда оно чувствует закон, закономерность не только вне себя, но и внутри себя. Они называли эфирное тело того предка «Бен Яге», что означает, наиболее проработанное в себе эфирное тело, воспринимающее привычки с известным совершенством. И физическое тело этого предка они называли «Агур», - по той причине, что физическая деятельность, свойство этого предка на физическом плане, состояло в том, что он собирал всё, что имелось из старых преданий: «Агур» означает «собиратель». Все мировоззрения и учения были собраны в Иисусе; а в этом предке уже развилось предрасположение к тому. То, что работало как «Духочеловек», в этом предке было названо ими «Иедидзах», что означает приблизительно «Божий любимец», потому что Любовь Божественно-Духовных Сущностей с особым тщанием работала над этим предрасположением к Духочеловеку. Будхи или Жизнедуха, действовавшего в этом предке, они обозначили как «Кохелет», говоря про него: «в этом предке должен действовать Жизнедух, чтобы он мог влиять, как учитель целого народа, чтобы его содержание изливалось на весь народ». И, наконец, они называли Манас или Самодух этого предка «Соломоном», что означает внутреннее равновесие», ибо они говорили: такой Самодух должен иметь в себе предрасположение к внутренней завершенности, к равновесию в самом себе. Таким образом этот предок, известный обычно под именем «Шеломона», «Шлеймо» или «Соломона», имеет три главных имени: Иедидзах, Кохелет и Соломон и четыре придаточных имени: Агур, Бен-Яге, Лемуэль, Итиэль, потому что эти последние обозначают четыре оболочки, а три первые - Божественную Внутреннюю Суть. Семь имен имеет эта личность в еврейском тайном учении. И если позднее отдельные люди, а также и отдельные секты среди самих евреев, бывали, так сказать, недовольны Соломоном (мы не будем разбирать, справедливо или нет), то это может быть объяснено тем, что в этом Соломоне были великие, значительные задатки, которые ввиду данной Цели, должны были передаваться дальше, но, что отдельный человек на определённой ступени развития далеко не всегда осуществляет в своей внешней жизни то, что он должен наследственно передать как задаток, потомству. И, может быть, именно потому, что в нём заключены великие силы, он больше подвергается возможности неправильно направить эти силы, чем другой, не имеющий их. Моральные недочёты Соломона не стоят в противоречии с точкой зрения на него тайного древнееврейского учения; как раз наоборот, эта точка зрения объясняет недочёты Соломона.

Так смотрит древнееврейское тайное учение на предка Иисуса, значение которого относительно всей миссии древнееврейского народа оно вполне осознает. Всё, что было заложено в эту личность, перешло дальше на потомство и выявилось в своей сущности, когда всемирно-исторический ход потребовал этого. Тут мы можем почувствовать, какие закономерные тайны скрываются в развитии человечества.

Если, таким образом, миссия древнееврейского народа состояла преимущественно в том, чтобы привить, так сказать, в кровь, в физическую наследственность те свойства, которые человечеству надлежало воспринять через этот народ из высших миров, то именно ко времени выступления Иоанна Крестителя и Иисуса из Назарета человечество было готово к восприятию этими облагороженными качествами импульса к новому подъёму в духовные миры, другими словами - Импульса Христа. Всё это сказано для того, чтобы дать понять, какие меры были необходимы, чтобы создать внутри физического развития человечества оболочку, достойную заключить в себя Сущность Христа.

Теперь мы, быть может, ощутим и почувствуем радикальный прогресс в развитии человечества благодаря этой, спустившейся вплоть до физического, Божественной Миссии еврейского народа, почувствуем, как Божественное глубже всего опустилось до физической материи, чтобы с этого поворотного пункта человечество могло бы тем больше подняться от утончённого физического к духовному. Подъём к духовному должен был начаться как раз в это время. Но для этого человечество должно было получить такой импульс, который действительно заложил бы всё, что человечество должно желать и ожидать от мирового развития - в тот глубочайший центр человека, который обозначается как «Я». В сокровенный тайник человека должен был войти импульс через Христа. Из Тела Христа разливался такой импульс, Который

взывал к глубочайшей сути человеческой природы. Что же должно было измениться под влиянием этого Импульса?

До этого Импульса люди, в некотором роде, получали или ожидали извне то, что их наиболее наполняло блаженством, счастьем, Божьей Благодатью. Если не рассматривать мировую историю лишь по внешним источникам, а изучать её по духовным, то надо сказать себе: в древности человек поднимался в существо духовных Сущностей благодаря тому, что в нём развивался - ведь это более или менее нормально - дар ясновидения. Но это ясновидение напоминало сновидение; Божественно-Духовные Силы действовали в нём, «Я» было угнетено. Человек был более или менее вне «Я». Если уже в нормальном состоянии он не так сознавал это «Я», как в последующие эпохи, то в то время, когда дух действовал в нём и поднимал его в духовный мир, он был совершенно вне себя, вне своего «Я». Он совершенно отдавался внешнему Божественно-Духовному или Божественно-Духовному в своей душе. Но в эти минуты экстаза, воодушевления, он совершенно не сознавал своего состояния. Ведь человеку ещё только предстояло найти из своего «Я» связь с духовным и оттуда пропитать глубочайшее ядро своей сущности сознанием: я принадлежу Божественно-Духовному Царству. Это могло наступить только благодаря тому, что Христос Влил Свое Существо в Существо Земли и что «Я» могло проникнуться тем, что служило Прообразом Христа. Через это человек мог сказать себе: «теперь я *вместе* с моим «Я» в духовном царстве, в Царстве Небесном», тогда как раньше люди были в царстве Небесном вне своего «Я». «Приблизилось Царство Небесное», - гласило учение. Для этого следовало изменить понимание людей, чтобы они больше не думали, что можно подняться в духовный мир лишь в состоянии экстаза, но отыскивали бы связь с Царством Небесным в состоянии полного Я - сознания.

Необходимость этого можно ещё усмотреть и из того, что древнее ясновидение всё ухудшалось с течением тысячелетий. В то время, как в древности человек в экстатических состояниях поднимался к Добрым Божественно-Духовным Сущностям, так уже то, что ещё оставалось ко времени основания Христианства от экстатических состояний, приводило человека не к добрым духовным силам, а к вредным, злым. В этом вообще большое различие между двумя состояниями развития: когда в древнейшие времена человек поднимался как бы в сновидении до духовных миров с исключением своего «Я», - в медиумическом состоянии, сказали бы мы теперь, - он был в сообществе Добрых Духовных Сущностей. Но это изменилось с тех пор, как человек должен был найти через «Я» связь с Царством Небесным. И когда он теперь искал или развивал экстатические состояния, они обозначались как состояния «одержимости», которые связывали человека со злыми, враждебными ему духовными силами. Поэтому в эпоху Появления Христа надо было провозгласить как спасительное учение: неправильно, если вы попытаетесь достигнуть восприятия духовных миров, выключая ваше «Я»; теперь следует искать в вашей глубочайшей сути связь с Божественно-Духовными Царствами.

Это учение, по существу, заключено в Нагорной Проповеди Евангелия от Матфея. В древности, так можно было бы его перефразировать, существовало смутное ясновидение. Человек в экстазе переносился в духовные миры. Тогда он был богат духовной жизнью, он не был нищим духом, каким он сделался к основанию Христианства. Когда он в древности был проникнут духом, - тем, что по-гречески называется «пневма», - он переносился в Божественно-Духовные миры. Теперь Христос не мог сказать: «Исполнены Божественной Силой те, которые богаты духом в экстатических состояниях», потому что их-то и следовало исцелить. Теперь Он должен был провозгласить: «Пришло время, когда исполнятся Божественной Силой нищие духом», то есть те, которые не могли более подниматься к экстатическим, смутно-ясновидческим состояниям, но которые были призваны искать Царствие Небесное в себе, исходя из своего собственного «Я».

Когда прежде человек испытывая земное горе и страдание, у него была возможность во избежание этого страдания, исполниться духом, перенестись в Божественно-Духовные миры и в этом состоянии, освободившись от своего «Я», найти исцеление от всех земных горестей и страданий. Но и это время уже отошло, как указал Христос Иисус. Теперь исполнятся Божественной Силой те, которые были не в состоянии получать помощь извне в горе, но ищут силу внутри себя, укрепляя своё «Я», - ищут в себе Утешителя.

«Блаженны те, кто не изгоняет страдание экстатическим поднятием к Богу, но, кто выносит его и развивает силу «Я» и тем находит в себе Утешителя», названного позднее «Духом Святым», Который проявляется в «Я». Ещё Будда советовал не выносить страдания, но стряхнуть его вместе с жадной существованием. За шестьсот лет до Христа Иисуса Будда еще учил, что страдание является как раз злым следствием жажды существования. Шестьсот лет спустя Христос Иисус

высказал во второй Заповеди Нагорной Проповеди, что не следует стряхивать таким образом страдания, но надо выносить его, чтобы оно стало испытанием, чтобы «Я» развило эту силу, которую оно может найти в себе: «внутреннюю помощь», «Утешителя». Это содержится буквально во второй Заповеди Нагорной Проповеди, вплоть до выражения «Утешитель». Надо только уметь правильно читать. В этом именно задача нашего времени: из данных Тайноведения научиться читать великие, тоже Тайноведческие Источники.

В третьих, следующее: когда в древности люди проникались тем, что идёт от экстаза, что называется по-гречески «пневма» - дух - они инстинктивно следовали по своему пути. Все импульсы, поступки, страсти, влечения и вождения, одним словом всё, что заключено в астральное тело человека, инстинктивно следовало внушениям; оно вело к добру, если человек мог возвыситься к Добрым Духовным Сущностям. Но от «Я» ещё не исходила внутренняя Сила для обуздания, очищения и приведения в равновесие страстей, побуждений и так далее. Теперь же наступило время, - должен был снова провозгласить Христос, - когда люди, обуздывая, очищая, умиряя страсти, побуждения, влечения своего астрального тела, достигают из себя цели современного человечества, на которую нам указывает великий ход развития. Этот великий ход развития представлялся нам часто в следующем виде: человек начал свое существование на древнем Сатурне, продолжал его на Солнце и Луне и получил на Земле свое «Я». Но он может действительно достигнуть цели своей земной Миссии, только осознав свое «Я», обуздав и смирив то, что он получил в астральном теле еще на Луне. Божественную Силу через Импульс Христа получают те, которые обуздают и смиряют влечения и побуждения своего астрального тела; через это они сами от себя найдут Землю. - Это и сказано в третьей Заповеди Нагорной Проповеди, которая переводится всегда бессмысленным словом «кроткие»: «Те, кто достиг «невозмутимости» (а не «кротости») в своих побуждениях, влечениях и страстях, получают в удел или «наследуют» Землю».

Перед нами три первые Заповеди Нагорной Проповеди во всём их мировом историческом значении. В древности посредством особого развития физического тела можно было в физическом состоянии смутным сновидением лицезреть Духовное: это выражено в первой Заповеди Нагорной Проповеди относительно физического тела, что оно обнищало внутренним духом. К эфирному телу, осознающему страдание, - хотя оно и осознаётся сначала в астральном теле, - относится указание, что люди в себе должны развить силу, помогающую в страдании, которое они должны нести как испытание. Про астральное тело было разъяснено, что человек, обуздывая и очищая свои влечения, страсти и т.д., находит в себе ту твёрдую силу, благодаря которой он приходит к своему истинному «Я» и получает в удел миссию на Земле.

Поднимаясь теперь к «Я», мы знаем, что это «Я» работает в душе ощущающей, рассудочной и сознательной. «Я» работает в душе ощущающей, то есть оно одухотворяет её. Благодаря этому становится важным делом для человека во внешнем мире то, что должно получить распространение именно через Христианство: всеправедная, человеческая братская любовь. Что обычно душа ощущающая испытывает лишь в физическом - голод и жажду - она должна научиться от Христианства переносить на духовное: голод и жажду вездесущей правды. То, кто таким образом находят центр человека в «Я», удовлетворяют, работая над собой, стремление своей души ощущающей к господству правды на Земле. «Исполнятся Божественной Силой те, кто от Импульса Христа научатся алкать и жаждать правды; ибо работая для правды в мире, они создадут в себе крепкую силу, которая насытит их».

Теперь мы подходим к душе рассудочной. Мы уже часто подчёркивали: в душе ощущающей «Я» пребывает в состоянии смутного отупения, в душе рассудочной оно впервые загорается как настоящее человеческое «Я», чтобы, наконец, прийти к полному осознанию в душе сознательной и там лишь дойти до чистого «Я». Перед нами, следовательно, в высокой степени своеобразное явление загорается человеческое «Я», равняющее нас со всеми людьми: каждый несёт в себе «Я». Человек поэтому и человек именно, и нам равный, что в его душе рассудочной загорается «Я». Тем самым мы найдём правильное отношение к нашим ближним, что в нашей душе рассудочной восходит нечто, что мы должны передать внешнему миру в том виде, как мы его получили. То, что должно развиваться в нашей душе рассудочной, будет истекать на всё окружающее так, же точно, как и притекать обратно к нам. Потому только в этой Заповеди Нагорной Проповеди подлежащее равняется сказуемому: «исполнены Божественной Силой, или блаженны, проявляющие Любовь; ибо излучаемая ими любовь вернется к ним». В этом вы видите бесконечную глубину такого духовного источника, в котором научаешься понимать даже построение речи, даже такие частности, если постепенно, годами собирать то, что может дать

Духоведение для объяснения человека и мира. Невозможно понять отличие пятого изречения Нагорной Проповеди от всех остальных, в которых сказуемое другое, не зная, что это изречение указывает именно на душу рассудочную.

Теперь перейдём к работе «Я» над душою сознательной. Тут «Я» является как бы в чистом виде, совершенно осознаёт себя. Это прекрасно выражено словами Нагорной Проповеди: «Исполнены Божественной Силой те, кто чисты в своей крови или в своём сердце (что является выражением «Я»), которые не допускают туда ничего, кроме чистого «Я»; ибо они там узнают, узрят Бога».

Теперь мы приходим в Нагорной Проповеди к тому, что уже обращено к Самодуху, Жизнедуху и Духочеловеку. Тут уже человек не может работать один. На теперешней ступени развития он должен призвать Божественно-Духовные Миры, которые как раз Христом были Связаны с Землёй, он должен устремить взор на обновлённые Божественно-Духовные Миры. В то время как прежде «Я» вносило - да и теперь продолжает вносить - вражду и дисгармонию в человечество, Импульс Христа должен излить мир на Землю. И, воспринявшие Импульс Христа сделаются миротворцами в той части человеческой природы, которая лишь мало-помалу разовьётся в будущем в Самодух. И они сделаются в новом отношении «Сынами Божьими», ибо они принесут дух из духовных миров.

«Исполнены Божественной Силой, кто вносят в мир гармонию или мир и тем делаются Сынами Божьими». Ибо так должны называться те, кто, воистину, внутри исполнены Самодуха, которой должен принести мир и гармонию на Землю.

Мы должны уяснить себе, что в течение земного развития остатки из прежних времен переходят в позднейшее время. Эти остатки, известным образом, враждебны, задаткам последующего времени. То, что приносит Импульса Христа, закладывается в развитие всего человечества, но не сразу: остаются следы от прежнего развития человечества. Отсюда необходимость для тех, кто первые поняли Этот Импульс Христа, твердо стоять на Его основе, совершенно проникнуться Его силой. И когда они внутренне проникнуться Его силой, исходящей от Семени, которое принёс Христос, и когда они твердо станут на этой основе, тогда они в новом смысле исполнятся Божественной Силы, - благодаря тому, что разовьют в себе стойкость. «Исполнены Божественной Силой те, кто при новом порядке, возглавляемой Христом, терпят гонения от сторонников старого порядка». И последняя Заповедь Нагорной Проповеди прямо указывает на сам Импульс Христа, обращаясь к Апостолам: «Исполнитесь Божественной Силы и вы, особо призванные нести в мир Имя Христа».

Мы видели, как в Нагорной Проповеди Христианство прямо выводится из великих учений о Космосе и человечестве и как всюду указывается та внутренняя сила, которая должна сосредоточиться в своём «Я». Это должно быть безусловно понято, понято до настоящей минуты. И пусть не считают себя в настоящем смысле христианами те, кто ищет Христианство в каких-либо догматических второстепенностях; настоящий христианин только тот, кто понимает значение Заповеди: «Измените строй вашей души, ибо Царство Небесное проникло до «Я». Тот истинный христианин, кто видит в этом существенное и, далее, понимает, что истинное Христианское не может быть выражено одинаково в начале нашего летоисчисления и сейчас. Превратное представление о Христианстве у того, кто полагает, что оно не изменилось за две тысячи лет. Христианство оказалось бы мертвым культурным течением, если бы мы говорили теперь точно так же, как две тысячи лет тому назад. Христианство живет, развивается и будет развиваться всё дальше. И насколько истинно то, что исходной точкой Христианства в эпоху нисхождения человечества до физического плана было очеловечение Бога в физического теле, настолько истинно и то, что люди как раз в наше время должны учиться восходить, чтобы самим понять Христианство и Сущность Христа с высшей духовной точки зрения. Что же это означает? Древнее смутное ясновидение было утрачено, так что ко времени Христа следовало считать исполненными благодати не тех, кто в прежнем смысле были исполнены духа, но тех, кто из себя самих находили Царствие Небесное. С этим полным сознанием «Я» люди снова поднимаются в духовный мир, и в них развиваются новые силы и способности. И как в эпоху Крестителя наступило время, когда люди довели до кризиса те свойства, которые сводят на физический план, так и мы теперь переживаем важное время. Так называемый «мрачный» век, начавшийся в 3101 году до Рождества Христова, и достигший своего зенита при воплощении Христа, завершился с концом XIX века. Кали-юга окончилась в 1899 году. И нам предстоит время, когда естественным образом разовьётся у людей силы, способности, которые ясно и отчётливо обнаружатся ещё в первую половину нынешнего века. Эти новые силы и способности надлежит понять. В

особенности те, кто усвоил Теософию, должны понять, что снова стал возможен подъём к духовному. Ибо в важную эпоху, которая наступит после 1930 года отдельные люди получают способность как бы из своей природы развивать внешние силы, с помощью которых станет видимо эфирное тело. У известного числа людей разовьются эфирно-ясновидческие Силы.

Тогда может случиться двоякое: или материализм нашего времени останется - и при появлении подобных сил не поймут, что они ведут к духовным мирам; их поймут ложно и через это подавят. Если это случится, это не даст основания материалистически настроенным людям сказать примерно к концу 1940 года: «Поглядите, что за фантастические пророки были в начале XX века, ничего не сбылось». Ибо, если новые способности не появятся, это никоим образом не опровергает то, что можно и должно говорить теперь, а лишь докажет, что неразумное человечество задушило в зародыше эти способности и лишило себя того, что оно должно иметь, чтобы не заглохнуть и не засохнуть в своём развитии. В этом великая *ответственность Антропософии*. Антропософия родилась из сознания необходимости приготовить пути для того, что должно прийти и что можно проглядеть и подавить. Работа Антропософии заключается в подготовке понимания духовно развивающихся сил человечества. Если эти силы будут подавлены, тогда человечество еще глубже заберется в болото материализма. Второй исход - тот, что Антропософии посчастливится распространить своими Учениями понимание восхождения человека в духовный мир, посчастливится вытащить человека из материалистического миропонимания. Но тогда должно выступить из среды Антропософического духовного Движения то, что подготовлялось в предшествующие века, но что должно вполне развиться в наше время, на особо важном поворотном пункте.

Предшествующим векам было свойственно всё более развивать материалистический дух человечества. Вот почему прежде могли под влиянием материализма верить, что Импульс Христа и Сам Христос Вступит в отношения к Земле тем, что Он ещё раз или несколько раз воплотится в физическом материальной теле. Вместо того, чтобы уяснить себе, что люди своими способностями будут расти ввысь, чтобы сначала некоторые - а под конец и все - пережили Событие в Дамаске, то есть пережили Христа в Земной сфере, узрели Его в эфирном теле - вместе этого всегда верили, что Христос снова низойдёт в физическое тело, чтобы удовлетворить материалистическое понимание людей, не желающих верить в дух, в то, что Павел видел в Событии Дамаска: Христос пребывает в атмосфере Земли, Он там всегда. «Я с вами во все дни до окончания века». Кто методами ясновидения поднимает себя до лицезрения духовного мира, тот находит то, чего нельзя было найти в дохристианские времена: Христа в эфирном Теле. Важный прогресс в развитии человечества будет состоять в том, что ещё до истечения первой половины нашего века у многих как бы естественным образом разовьётся та способность, которая позволит пережить им на собственном опыте Событие в Дамаске и увидеть Христа в Его эфирном теле. Не Христос Спустится в плоть, а люди поднимутся, когда они уразумеют дух.

Это означает второе пришествие Христа в наш век, потому что в этом XX столетий люди должны пробиться из Кали-юга в ясновидческий век. Благодаря грядущим способностям люди поднимутся ко Христу Пребывающему: Его узрят передовые отряды человечества, ибо Антропософическое Откровение приведёт их к тому, что более или менее все человеческие души переживут в течение ближайших 2500 лет.

Таково Великое Событие, предстоящее в ближайшем будущей человечеству; снова исполнятся «Божественной Силы» те, которые поднимутся - теперь уже в полном сознании «Я» - к эфирному видению Христа в эфирном Теле. Но для этого люди должны основательно преодолеть материализм и найти доступ к духовным учениям, к духовной жизни.

В предыдущие века было сравнительно безвредно, что люди постоянно вводились материализмом в заблуждение относительно так называемого Второго Пришествия Христа. Именно в те эпохи, которые в меньшей степени подготовляли «переходное время», когда, подготовлялось то, что достигло значения как материалистическое мирозерцание, тогда в широких кругах Франции провозгласили, например, пришествие Мессии в 1137 году. Мессия и выступил тогда, но он ввел людей в заблуждение, ибо вера в него была порождена материалистическим духом - ожиданием прихода Мессии во плоти. За тридцать лет до того появился другой Мессия в Испании; и тогда тоже появление Мессии во плоти было пророчески предсказано. И приблизительно в то же время появился ещё новый Мессия в Северной Африке; и тут было предсказано, что он придёт с Востока и явится во плоти. В течение всего времени, когда подготовлялось материалистическое понимание тем, что оно захватывало высочайшие вещи, появлялись подобные пророчества, безусловно, знакомые тому, кто знает эпоху, вплоть до XVII века,

когда повсюду раздалась проповедь о появлении своего рода Христа, мессии.

Это опять нашло веру в материалистически-религиозном понимании людей. Поэтому, опираясь на это пророчество, мог появиться в Смирне в 1667 году ложный мессия под именем Сабатай Цеви. Он писал тогда из Смирны послания и письма, которое так же потрясали мир, как некогда послания Павла, хотя они у Цеви были лживы, так как были составлены в материалистическом духе. В XVII веке в Смирне распространилась весть: «Там во плоти живёт Мессия». И Сабатай Цеви, «Праведник Божий», пользовался таким признанием, что говорили, что все мировое летоисчисление примет другой облик: «Он пройдёт по миру со своими верными, и в него поверят желающие узнать правду, узреть Христа во плоти». Им проповедовали, что следует праздновать его физический день рождения как величайший праздник человечества и Земли. Целые толпы паломников отправлялись в Смирну, к Сабатай Цеви, выступавшему как «Христос во плоти»; являлись не только из Азии и Африки, но и из Польши, России, Испании, Франции и т. д. Наконец, движение до того разрослось, что султан арестовал Саббатай Цеви. Тогда начали говорить: «Исполняется пророчество, ибо предсказано, что он пробудет в темнице девять месяцев». Тогда султан приказал вывести Сабатай Цеви нагим и сказал: «Я испытаю, действительно ли ты Христос во плоти, я велю стрелять в тебя». И тогда Саббатай Цеви признался, что он только обыкновенный раввин.

Подобные искушения проистекают из материалистического понимания нашего времени. И они повторяются потому что люди будут пользоваться материализмом. Часто и часто будет говориться в ближайшие десятилетия то, что говорится теперь: что человеческие способности разовьются до эфирного лицезрения Христа, и люди тогда тоже поверят в Его реальность, как верил сам Павел. Такова ближайшая будущность человечества, которую должно подготовить Духоведение. Но материалистические воззрения вызовут и великие искушения, снова во плоти восстанут ложные Мессии. И тогда обнаружится верно ли поняли теософы Теософию. Те, кто поняли её неправильно, будут так ослаблены материализмом, что они подпадут искушению; несмотря на свою веру во Христа, они поверят во Христа во плоти. Те же, которые усвоят себе понимание истинной духовной жизни, те поймут, что «второе пришествие» Христа в нашем веке как величайшее событие означает: Христос приходит в духе, потому что люди, развиваясь к духовному, развились до Христа. И вследствие этого Нагорная Проповедь в наше время подвергается полному изменению. Всё, так сказать, «образуется заново». Исполнены Божественной Силы, или блаженны, будут те, кто, нищенствуя ради духа в истекших воплощениях, достигнут того, что они поднимутся в те обители Царствия Небесного, где перед их духовным оком предстанет Христос».

В таком смысле можно пережить всякую отдельную Заповедь Нагорной Проповеди в её жизненном облике. Христианство только тогда снова овладеет своими источниками, когда его будут воспринимать как живое, а не как мёртвое. В то время, - а это наше время - когда материалистическое исследование отнимет у человека Евангелие и предание о Христе, Духовное Исследование - как уже не раз указывалось - вернёт людям Евангелие. Это совпадение не случайно, а необходимо. Пусть в наше время среди кризиса материализма, дошедшего до своей высшей точки, возможны выступления жалких людей, доведённых запутавшейся философией до странного взгляда, что возможны следствия без причины, что не существовало исторического Христа Иисуса. Это должно быть понятно антропософу. Он должен научиться даже взирать с известным состраданием на этих бедных людей, которые несмотря на свою философию, так запутались в материализме, что они вообще отвыкли от духовных чаяний и потому оказываются в вопиющем противоречии с положением: нет следствия без причины. Христианство как следствие не может не иметь причины. Антропософия из глубины Духоведения даёт людям Христа в Его Живом Облике, если только люди будут внимать с пониманием этим учениям, - но понимание должно дойти до ясного убеждения: Христос Придет снова, но в высшей реальности, чем физическая, в такой реальности, которая будет доступна лишь тем, кто приобрел себе понимание и чутье духовной жизни.

Начертайте в своём сердце, чем должна быть Антропософия?: подготовлением к Великой предстоящей эпохе человечества. Но не смотрите, как на нечто существенное, будут ли ныне воплощённые души еще в физическом теле, когда вернётся Христос вышеуказанным образом, или они уже пройдут через врата смерти и будут в той жизни, что протекает между смертью и новым рождением. Ибо то, что происходит в XX веке, имеет значение не только для физического мира, но для всех миров, с которыми связан человек. И так же как люди, воплотившиеся между 1930 и 1950 годами, достигнут лицезрения эфирного Христа, так же наступит мощный переворот

и в мире, в котором человек обитает между смертью и новым рождением. Как Христос После Мистерии Голгофы спустился в ад, так последствия событий, происходящих в наше время для обитателей физического плана, найдёт отражение в духовных мирах. И люди, которые не будут подготовлены Духоведением к Великому Событию, не воспримут и того великого, что свершится в духовных мирах, в которых они будут тогда пребывать. Этим людям придётся ждать до нового воплощения, чтобы узнать на Земле то, что им даст возможность воспринять Новый Импульс Христа. Ибо способности к восприятию всех Импульсов Христа, как бы высоко они нас не возносили, должны быть завоеваны на физическом плане. Недаром человек погружен в физический мир; здесь мы должны усвоить то, что ведёт к пониманию Импульса Христа.

Для всех живущих душ Антропософия является подготовлением к предстоящему в ближайшем будущем Событию Христа. Это подготовление необходимо. И за этим Христовым Событием последуют в ходе человеческого развития и другие. Поэтому и будет таким важным упущением, если люди не захотят подняться до Христова События в наше время, когда к этому даётся возможность. Рассматривая таким образом, и запечатлевая в душе Антропософию, мы почувствуем, что даёт Она каждой отдельной человеческой душе и всему человечеству.

Пятая лекция

СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ МИКРОКОСМОМ и МАКРОКОСМОМ

Берлин, 1 марта 1910г

Сегодняшняя лекция явится как бы резюме того, что мы слышали на различных зимних лекциях, что мы могли присовокупить к обсуждениям по поводу Евангелий от Луки и от Матфея и что было сообщено здесь в связи с лекциями, прочитанными в Стокгольме об Евангелии от Иоанна*. Вы, наверное, уяснили себе, что эти лекции построены так, чтобы не являться лишь в ограниченном смысле «толкователем Евангелий», а с различных сторон пояснять и освещать и другие загадки бытия, исходя из тех истин, которые, во-первых, являются истинами сами по себе, а во-вторых, при правильном понимании христианских источников, встречаются в Евангелиях. /* *Незаписанный цикл лекций от 3-15 января 1910 г./*

До основания Христианства мы находим два рода, две формы Посвящения: северное Посвящение, ближе очерченное в стокгольмских лекциях, и южное, охарактеризованное, в особенности, тем, что оно было поставлено в связь с ходом Посвящения в древнеегипетской культуре. С двух сторон открывалась в древности возможность проникнуть в духовный мир. Когда Посвящаемый в древнем Египте стремился к духовному миру, он опускался в тайники собственной души - глубже того, что в обычной душевной жизни существует как мысль, чувство, воля и т.д. Там он находит то, из чего возникла сама душа: Божественно-Духовное бытие мира. Таким образом, нисхождение за пределы тех областей души, которые просветлены и проникнуты «Я», являлось существенным для египетского или вообще южного Посвящения.

Напротив того, северное Посвящение - прежде всего, германские Мистерии друидов и троттов - основывалось на том, что человек выходит из себя, экстатически растворяясь в явлениях мира. Уже было отмечено, что в Христианском Посвящении эти две формы сливаются; оно представляет как бы высшее единство северного экстатического Посвящения и мистического самопогружения при южном Посвящении. Этим указывается на Великую Основу Мировых Тайн, проходящую через всё бытие. В сущности, само обсуждение такого великого, грандиозного факта, как слияние в Христианском Посвящении обеих форм Посвящения древности, является примером ещё более всеобъемлющего великого закона, проникающего одновременно и все бытие людей, и все бытие внешних мировых явлений, насколько человеку дано их познать. А именно: всюду перед нами выступают, как противоположности, члены двойственности. Эти члены двойственности противоположны друг другу в северном и южном Посвящении. Это только пример того, как противоположности - можно сказать, и «полярности» - проявляются в мировом бытии. А другое - слияние и как бы духовный союз этих двух форм Посвящения в Христианском Посвящении - представляет пример единения противоположностей - вообще, двойственности - в мире. Единицы непрерывно делятся на две, чтобы содействовать развитию, и снова двойственности возвращаются к единству. Внешним образом мы могли указать, прежде всего, на великое, мощное, задевающее всё развитие человечества *событие*, являющее это распадение единицы на двойственность и слияние двойственности в Единство.

Мы часто освещали Лемурийскую эпоху, бывшую свидетельницей, между прочим, и того великого факта мирового развития, когда Душа выделилась из нашей Земли. Но в эту эпоху появились и первые зачатки того, что мы в теперешнем смысле развития человечества называем противоположностью мужчины и женщины, в то время как до Лемурии существует единство полов. Мы имеем первоначальное единство, распадающееся на мужчину и женщину. Но мы уже указали, что в будущем эта двойственность снова сольётся в единство. Так внешним образом намечаются обширные ряды фактов, заключенных в этом отношении двух к единице или единицы к двум.

То, что таким образом выступает перед нами в развитии человечества, оно является, в сущности, выражением, отпечатком еще большей Космической противоположности, коренящейся в единстве, выступающей в нынешней мировой жизни как двойственность и снова в отдалённом будущем возвращающейся к единству. Необходимо воспринимать во всей её глубине всякую мысль, исходящую ныне от Духоведения, чтобы мы не привыкали так же поверхностно относиться к Теософическим Мыслям, как к другим мыслям и понятиям, которые ныне носят по свету и принимаются вследствие спешки и поверхностной банальности нашей современной культуры. В теософические мысли надо, поелику возможно, углубляться. Поэтому та, часто высказываемая мысль, которая как бы скрыта во всех наших учениях: что человек как малый мир, как микрокосм, рождён из Макрокосма, из большого мира - не должна легко восприниматься лишь как абстрактная мысль, но она имеет бесконечно разнообразное содержание. Прежде всего, надо ясно сознавать, что мир глубже, чем обычно считают: если мы раз поняли какую-нибудь противоположность или какую-нибудь истину в одном направлении, это ещё далеко не значит, что мы узнали всю истину об этом отношении или об этой противоположности; необходимо терпеливо осматриваться и изучать предметы со всех сторон.

Человек рождён из всего Космоса и должен взирать на него, как на Отцовско-Материнскую Сущность, отображением которой он является. Да, человек - отображение всего познаваемого им мира; и нет ничего в существе человека, что, так или иначе, не выражало бы отношения, где-либо существующего в Великом Космосе. Если бы мы могли сравнить человека, как он теперь выступает перед нами, - в смысле Духоведения, - с человеческими образованиями в относительно раннюю эпоху, мы нашли бы в современном человеке один признак, имеющий - конечно, наряду с другими - неизмеримое значение для выяснения сущности человека. Этот признак таков, что может научить каждого из нас, что в миропознании для нас важна не только истина о вещах. Когда нам докажут, что нечто истинно, перед нами ещё не раскрылся самый важный момент этой истины. Без сомнения, много истинного, например, в том, что тривиальное естествознание говорит о сравнении человека с высшими млекопитающими. Безусловно, истинно, что человек имеет то же количество костей, мускулов, и т.д. Но, доказав, что что-нибудь истинно, мы ещё не всё сделали. Подлинное Духовноведческое углубление и Теософия должна убедить человека, что дело в том, чтобы почувствовать, каков вес данной истины, важна ли она или не важна, существенна или не существенна для объяснения дела. Люди с тривиальным сознанием всё хотят доказать нам, что они говорят истину. Это и не оспаривается. Весь вопрос в том, чтобы при толковании мира познать истинный вес вещей. И вот существует определённый факт, бесспорно истинный и знакомый каждому, ибо встречается ежедневно несчётное число раз и, который мы только должны по-настоящему почувствовать, если хотим уразуметь его значение и важность, его вес для человека: а именно, тот факт, что человек есть прямостоящее существо и может обращать своё лицо в мировое пространство. Это присуще только человеку. Даже про обезьяну мы должны сказать: похоже на то, что она пробовала эту возможность, но из этого не вышло ничего, она этого не может. Человек - единственное существо, доведшее этот замысел до конца, свободно поднимающее лицо в мировое пространство. Это обстоятельство бесконечно важнее всего того, что говорит тривиальное естествознание о положении человека в ряду животных. То, конечно, истинно - но это бесконечно важное. Кто хочет почувствовать этот факт, должен узнать, чем обусловлено то, что человек - существо, стоящее прямо, которое, правда, привязано к Земле, но в духе поднимается своим созерцанием, даже своим чувственным восприятием в мировое пространство.

Это обусловлено тем, что существует известная противоположность, двойственность, которая в Космосе действует так же, как другая двойственность в человеке. Мы можем указать на двойственность в мироздании и человеке, как на две противоположности, соответствующие друг другу в микрокосме и макрокосме: в Макрокосме, в большом мире, это противоположность Солнца и Земли; в человеке - та же противоположность между головой - и руками и ногами,

между головой и членами. На этих вещах мы с течением времени подробнее остановимся; но познакомится с этим, сначала в виде намека, вы должны, и также почувствовать, что голова и члены, как войственность в человеке также относятся друг к другу, как Солнце и Земля в нашей солнечной системе, ибо, поистине, в нашей Земле покоятся силы, развившиеся с течением времени и создавшие нынешние очертания и двигательную способность наших рук и ног таинственными силами, прикрепляющими человека к Земле; в то время как силы, поднявшие его лицо в мировое пространство, превратившие его из создания, глядящего на землю, в существо с устремлённым на мировые дали взором - эти силы пребывают на Солнце. И умеющий чувствовать и ощущать, чувствует и ощущает, глядя на проявляющуюся в человеке противоположность головы и членов, то же самое, что он ощущает от противоположности Солнца и Земли. Эта противоположность потом в жизни человека и в жизни Космоса придёт к Единству. Как некогда Солнце и Земля составляли Одно Существо и разделились, образовали двойственность, так они вновь соединятся. Так и в человеке противоположность головы и членов опять придет к единству, как это ни трудно представить современному человеку, не привыкшему к таким понятиям.

Так мы указали на противоположность в человеке и на соответствующую противоположность в мироздании. Но в человеке есть и другие противоположности, имеющие также свои мировые прообразы. Относительно противоположности головы и членов все люди равны. Её имеют в одинаковой мере мужчины и женщины. Не это составляет различие мужчины и женщины, ибо не это создает то, что является в них противоположностью - например, в строе души. Если бы существовала лишь эта противоположность в микрокосме и Макрокосме, мужчина и женщина были бы, вообще говоря, равны. Но мужчины и женщины являют другую противоположность человеческого существа. Спрашивается, существует ли соответствующая противоположность в мироздании? Рождена ли из мироздания эта противоположность, являющаяся на Земле как мужчина и женщина? - Да, это так. И, чтобы найти эту противоположность, мы должны немного ознакомиться, в оккультном смысле, с противоположностью мужчины и женщины. Мы при этом не впадаем в ошибку нашего материалистического века, распространяющего противоположность мужского и женского, выступающей в виде простой противоположности полов в физическом мире, на всё мироздание. Не только тривиально, но просто бессмысленно со стороны наших учёных переносить на все области то, что встречается только в одной.

Противоположности, проявляющейся на нашей Земле в виде мужчины и женщины, соответствует другая противоположность в мироздании, которую мы не можем назвать «мужской и женской». Это была бы бессмыслица. Но мы всё-таки должны обратить внимание на эту противоположность как раз в отношении ее оккультной основы. Противоположность мужского и женского в нашем земном развитии не имеет, конечно - прошу это заметить - ничего общего с «человеком». Человек один и тот же в мужчине и женщине. Говоря, следовательно, о мужчине и женщине, мы останавливаемся на строении физического и эфирного тел; это не касается внутренней сути человека, так что в оккультном смысле нельзя говорить так, как говорит наше материалистическое время, ибо мужчина и женщина имеют ещё астральное тело и «Я», тогда как обычное воззрение вообще не знает ничего из того, что делает человека человеком и может поэтому говорить только о мужчине и женщине. Итак, речь теперь идёт не о человеке, как таковом, а о том, что является в человеке мужчиной и женщиной, а это - лишь внешняя оболочка. Это надо хорошенько понять. Всё последующее изложение неверно, если его применить к «человеку».

Противоположность мужчины и женщины в этих рамках следующая: внешний человеческий облик был совсем иной в ранние эпохи развития человечества. Нынешний человеческий облик, как мужской, так и женский, развился из первоначального общего, который еще не распадался на противоположность мужчины и женщины. Мы имеем, следовательно, первоначальное единство и позднейшее разделение на мужчину и женщину. Но мы знаем также, что прежнее единство было тоньше, духовнее. Человек лишь с течением времени образовал свой точный материальный облик. У нас, следовательно, в древности был не только единый, но был также и более духовный облик. Перед нами первобытный человек - не мужчина и не женщина, а единство, до разделения на противоположности, притом существо более тонкое, эфирное, духовное, чем позднейший материальный человек. Почему же из первоначального единства возникли мужчина и женщина? Это произошло потому, что женщина, когда единство перешло в двойственность, образовала физическое тело, которое не вполне превратило прежний облик в нормальный, - если можно так выразиться - физический облик. Женское тело остановилось на более духовной ступени, не в полной мере спустилось до материального. Хотя оно стало материально, плотно, но сохранило в этой материальности прежний более

духовный облик. Женское тело как бы сохранило за собой прежний духовный облик, не вполне опустясь в материю. Оно спустилось в отношении материального, но не в отношении формы. Оно сохранило прежнюю форму человека. Поэтому мы можем сказать: женщина являет нам прежнее образование, которое, в сущности, должно было бы быть духовным; таким, каково оно есть сейчас, оно, по существу - неверно, оно - майя, иллюзия. Приняв во внимание известный поворотный пункт в развитии, когда материальное кристаллизуется, мы могли бы сказать: женщина не дошла до этого пункта, она выкристаллизовала более ранний облик. Поэтому для того, кто действительно ощущает или в имажинации познаёт факты жизни, женское тело представляет лишь в голове и членах до которой степени истинный облик, выражает лежащее в его основе духовное, то есть материальное явление походит на лежащее за ним духовное. Остальные члены женской фигуры не похожи на лежащее за ними духовное, потому что они - неверны.

Так во всех областях подтверждается положение, что мир есть Майя. К этому надо отнестись серьёзно. Абстрактно думать: мир есть Майя – легко. Только тот лишь понял это положение, кто относится к нему серьёзно и спрашивает: насколько облики являются иллюзиями? Иные - больше, другие - меньше. Есть облики, которые приблизительно внешним подобием выражают лежащее за ними духовное: это - голова и члены; но есть и другие части - к или принадлежит вся прочая телесность человека, - которые просто неверны, ошибочны. И тогда это поймут, не будут так глупо рассуждать, как ныне, и увидят, что для более художественного, тонкого и глубокого восприятия женская фигура - ошибочна, если отвлечься от головы и членов, и что для художественной передачи её надо исправлять. В лучшие художественные эпохи это и исполнялось на самом деле, ибо всякий, кто умеет видеть формы, должен признать, что формы Венеры Милосской, до известной степени, исправлены.

Итак, человек имеет члены более истинные, в которых меньше иллюзии, и такие, которые совсем ошибочны, более иллюзорные. Но это относится не только к женщине. Для мужчины мы имеем те же самое, только в обратном виде. Он является противоположностью. Как женская форма не спустилась до нормального пункта, чтобы выразить в материи соответствующий дух, но кристаллизовалась на более ранней ступени, так мужское тело перескочило нормальный пункт и переступило через него, именно настолько, насколько женская форма отступила до него. Поэтому мужское тело глубже опустилось в материальное, чем нормально полагалось, и выражает это уже своим внешним видом. Оно выглядело бы совсем иначе, если бы не перешло за середину. Человеческое тело вообще приближается к истине лишь в голове и членах. В отношении остальной фигуры мы должны сказать, что женское тело остановилось, затвердело на известной точке раньше, чем оно бросилось в волны материального существования; мужское же тело погрузилось ещё глубже и представляет в той же мере неверный, ошибочный облик, как и женское тело. Таким образом, женское тело представляет отклонение в сторону духовного, мужско - в сторону материального. Истинный облик приходился бы посередине между ними. Это, разумеется, влияет на всего человека в его земном существовании, поскольку у него есть физическая оболочка. Это не имеет ничего общего с противоположностью между головой и членами; но то, что сейчас сказано, переносится на всего человека в отдельном воплощении между рождением и смертью. Ведь воплощаются или мужчиной или женщиной. Из-за этого приходится считаться с тем, что изживается как уклонение в мужчине и женщине. Но это простирается на всего человека, в результате чего - если данное воплощение протекает в женском теле - всё это женское тело находится под сильнейшим влиянием того, что оно задержалось в более первоначальном, мягком состоянии формы, а при мужском воплощении всё мужское тело обусловлено слишком сильным погружением в грубую плотную материю. Если бы, хотя в малой степени имели понятие о том, что это значит: мыслить в духе, жить духе и пользоваться физическим телом лишь как простым орудием - если бы так не идентифицировались с этим телом, - тогда многое можно было бы сказать о страдании, связанном с необходимостью в данном воплощении быть мужским телом, которое, разумеется, формирует и мозг. Ибо формы мужского мозга как более погрузившиеся в материю не так податливы, как более мягкие, менее уплотнившиеся формы женского мозга. Поистине, труднее при восхождении в высшие миры тренировать мужской мозг, чем женский, чтобы облечь истины в мысли. Поэтому не удивительно для людей, умеющих мыслить, что новое мировоззрение, как, например, Духоведение, легче усваивается более податливым женским мозгом, чем мужским, которому труднее отказаться от известных, воспринятых им сегодня мыслей. Потому и так трудно для Духоведения найти доступ к

мужчине, которым является ныне носителем культуры и заражён обычными культурными представлениями нашей современной эпохи. Надо, безусловно, понять, что за неповоротливая штука - мозг ученого - не только для восприятия Духоведения, но и для того, чтобы мыслить с помощью воспринятого из Духоведения. Но не следует переворачивать вещи вверх ногами и выводить из этого, какие бы то ни было заключения - разве лишь одно - что тем значительнее должен представляться факт, что многие мужчины уже управляются со своим мозгом, что они интимно и близко подходят к Духоведению. На эти вещи можно лишь слегка указать, но если вы их хорошенько обдумаете и дадите им подействовать на себя, то перед вами откроются необъятные перспективы человеческой жизни.

Рассматривая человеческую жизнь как противоположность мужчины и женщины, мы можем сказать: перед нами нечто, оставшееся на прежней ступени, и нечто, перешедшее, в сущности, на настоящую ступень, вносящее в карикатурном виде в настоящее будущую форму, которая поэтому и представляется карикатурой. Женское сохранило прежний облик тела, а мужское взяло позднейший облик и выявило его так, как он в будущем не смеет быть. Мужское тело оказалось неверным, потому что оно перенесло позднейшие условия жизни в более раннюю эпоху.

Существует ли в Космосе соответствие этой противоположности мужского и женского? Есть ли там нечто, что, с одной стороны, представляло бы ступень развития, как бы удержавшую прежние формы и перенесшую их в позднейшее бытие? С другой стороны, есть ли формы, переступившие за известную ступень и представляющие в карикатурном виде будущие состояния? Мы можем спросить, имея в виду конкретное развитие, знакомое нам по Хронике Акаша: есть ли в Космосе что-нибудь напоминающее старое лунное бытие, не захотевшие перейти в земное, но сохранившее нечто от лунного бытия как женское в Космосе? Есть ли что-то, что как старое лунное бытие вносило бы в настоящее прежнюю стадию развития? И существует ли в Космосе что-нибудь, перешедшие за известную ступень, уплотнившееся так, что оно представляет позднейшее состояние - состояние Юпитера?

Да, существует. Противоположности мужского и женского в человеке в вышеуказанной смысле существует в Космосе как противоположность Луны и кометы. Если мы хотим понять сущность кометы, как бы нарушающей ныне прочие законы солнечной системы и носящейся в мировых пространствах, мы должны уяснить себе, что комета, по существу, вносит в наше бытие законы старого лунного странствования. Она сохранила их и внесла их в теперешнее существование. Она приняла материю теперешней солнечно-земной системы, но остановилась в отношении движения и своей сущности на ступени естественной закономерности, господствовавшей в нашей солнечной системе, когда Земля была ещё Луною. Она внесла прежнее состояние в позднейшее, в современность - как и женское тело вносит прежнее состояние в современное. Кометы являются одной стороной противоположности, другой - является Луна. Когда в Лемурийскую эпоху Луна выделилась из Земли, она взяла с собой известные вещества, которые надлежало изъять из Земли для того, чтобы человек мог вообще развиваться как человек. Сохранив Луну, Земля слишком бы уплотнилась. Луна представляет карикатуру Юпитера. Как спелый, свежий плод может, весь сморщившись, окостенеть в материи, так Луна перешла в своих очертаниях за известный средний облик, как и мужское в человеке в своей форме перешагнуло за эту середину. Совершенно ту же противоположность, являющуюся в человеческой жизни как мужское и женское, мы имеем в Космосе в виде Луны и кометы.

Таково соответствие вещей: как Солнце и Земля - так голова и члены, как Луна и кометы - так мужчина и женщина в человеке. Только не следует говорить себе, возвращаясь домой: вот мы опять познакомились с интересным противопоставлением. Мы должны относиться к вещам с глубокой серьёзностью и отдавать себе отчёт в том, что в другие времена говорилось ещё и другое. Мы не должны терять из вида, что мужчина мужествен только в отношении своего физического тела, в отношении же эфирного он - женственен; обратное женщина, она женственна только в отношении своего физического тела. К эфирному телу мужчины приложимо все то, что относится к женскому в физическом теле женщины, так что эфирное тело мужчины относится к эфирному телу женщины, как комета к Луне. Вы можете, если хотите, сказать: ну, вот теперь опять всё расплывается. Но вещи таковы. Всякая культура, создающая свои понятия с помощью уплотненного мозга, стремится их отлить, ведь, в возможно плотные формы, которые, были бы незыблемы и от которых, нельзя было бы отступить. Но дух с этим не мирится. Дух подвижен и мы, создавая понятия, должны сохранить за ними подвижность. Поэтому мы должны применить

к мужскому началу в женщине и к женскому в мужчине то, что было сказано только что о Луне и комете в отношении к мужчине и женщине. Ибо, то, что сказано, применимо к мужскому и женскому, как оно встречается в человеческой жизни, а не к мужчине и женщине, как они внешне проявляются.

Итак, мы нашли в высокой степени интересные соответствия между человеческим и мировым развитием. Несомненно - и я уже указывал на это - что тот, кто ныне восседает на кресле «истинного научного мировоззрения», найдёт подобные вещи о комете и Луне сумасбродными и в высшей степени безрассудными. И пусть. У него ведь нет воли по-настоящему добиваться истины. Мы на почве Духоведения можем построить мост между тем, что идёт из духовного, и тем, что представляется нам на физическом плане. Другие этого не хотят.

В 1906 году на конгрессе в Париже я обратил внимание на то, что Духоведение, исходя из своего познания природы комет, может сказать: так как на Земле соединения углерода и кислорода играют ту же роль, как на старой Луне соединения углерода и азота, то есть цианистые соединения, то кометы должны содержать те же цианистые соединения из углерода и азота. Те, кто внимательно следили за этими вещами, наверное, запомнили это. Таким образом, Духоведение давно пришло к тому, что наши кометы должны содержать какие-то цианистые соединения. В последние недели этот факт появился в газетах как открытие внешнего спектрального анализа. Это только один случай - их можно привести сотни - того, как Духоведение строит мост к фактам внешнего исследования. В этом случае спектральный анализ констатировал лишь годы спустя то, что было сказано в Духоведении. Нигде факты внешнего материалистического исследования не противоречат данным Духоведения. На случаи, подобные описанному, следует указывать, когда сидящие на кресле истинной науки всё заново выдвигают внешние факты. Мы только не должны смешивать внешние факты с узко ограниченными понятиями, которые люди сами по себе строят. Если бы всё, что составляет внешнее естествознание, было бы «фактами», оно не находилось бы в полном противоречии с Духоведением; но это совсем не факты, а лишь искажённые понятия тех, кто при нынешних условиях призваны заниматься этими вещами.

Мы можем поставить ещё следующий вопрос, познакомившись с этой противоположностью, находимую как в жизни человека, так и в Космосе; что, в сущности, нарождается в мироздании, когда мы охватываем всю эту противоположность между Луной и кометой? Насколько трудно охарактеризовать в сравнительно короткое время то безмерно величавое, что лежит в основе этого факта. Разрешите мне поэтому исходить для сравнения из характеристики человеческой жизни, как она протекает во вне. Прежде всего, про неё можно сказать: она протекает в хорошем смысле «обыденно», изо дня в день. Встают утром, завтракают, и дальше идёт всё как полагается, по обычным законам каждого дня. Но в этой жизни наступают внезапные события, которые одним ударом изменяют обыденщину. Предположите, что муж и жена некоторое время ведут обывательскую жизнь по обычному своеобразному расписанию дня. И вдруг наступает что-то подобное сдвигу в привычной внешней жизни, живущих в таких условиях людей. Такой внешний сдвиг бывает при воплощении нового человека. Это чрезвычайно отличается от обычного хода жизни. Когда на горизонте мужа и жены появляется ребёнок, все семейные отношения получают новый отпечаток. Я обратился к этому сравнению, чтобы немного выяснить глубокую оккультную основу существования комет. И в Космосе жизнь протекает, так сказать, «обыденно», изо дня в день, из года в год. Каждый день происходит то же самое: Солнце встаёт и заходит; растения распускаются весной и засыхают осенью, - и если солнечная погода сменяется дождем или пойдёт град и т.п., то и это отвечает событиям обычной жизни, когда вместо привычного чая подаётся, например, праздничное угощение. Такие вещи, безусловно, не нарушают привычного хода жизни. Это все связано с законами, лежащими в основе движения Солнца, Земли и т.д., действующими изо дня в день, из года в год. Но в этот ход врываются удивительным образом более редкие, но всё же в известном отношении, повторяющиеся появления комет. Они так же прерывают ход Космических событий, как новый миро-вой гражданин, появляющийся на горизонте мужа и жены. Появление кометы в Космосе вводит фактически в бытие человека то, что не может быть дано обычным ходом жизни. Развитие может совершаться только, если прибавляется новое к тому, что повторяется изо дня в день. Как в жизни отдельной семьи появление ребёнка вносит что-то особое, так в развитие человеческого рода на Земле вносится что-то совсем другое этим, нарушающим обычное течение мирового бытия, появлением кометы. Когда комета вступает в мир, фактически, зарождается что-то новое.

Тот, кто может духовно исследовать эти вещи, в состоянии совершенно точно указать на то,

как отдельные кометы предназначены внести то или другое духовно новое в мир. Так, комета Галлея одна из тех, которая, периодически появляясь, всегда создаёт определённо новое в жизни человека. Среди обычной повторяемости вещей комета вызывает душевно-культурное новообразование. Я характеризую то, что имею в виду, приведя три последние появления кометы: в 1759 г., в 1835г. и предстоящее нам теперь. Что за задача (у других комет другие задачи) связана с этими тремя последними появлениями?

«Новое рождение» в мироздании не всегда принадлежит к тем, которые встречаются с радостью, как рождение ребёнка в семье. В мироздании рождается всё, что двигает человека вперёд - но и назад. Появление же кометы Галлея, то есть её духовное значение в развитии человечества связано с тем, что человечество должно было воспринять из Космоса в различные эпохи, Кали-юги, чтобы всё больше мышлением погрузиться в материальность. Со всяким новым появлением рождался для человечества новый импульс, чтобы низвести «Я» из духовного мирозерцания в более материалистическое. Тут имеется ввиду не погружение в материю, а та духовная субстанция, которую человеческое «Я» должно взять от мира, чтобы спуститься из духовного бытия в сферу материалистических воззрений. Все те воззрения, второй половины XVIII века, выразившиеся например, в «Системе природы» Гольбаха, и, которые Гёте так осмеял в «Правде и вымысле», становятся космически понятны благодаря появлению кометы Галлея в 1759 году. Банальной материалистической литературе второй трети XIX века предшествовало появление кометы Галлея в 1835 году. То, что микрокосмически происходит на Земле, связано Макрокосмически со Вселенной. С появлением кометы Галлея в 1835 году был дан новый толчок вниз к материализму. И Бюхнер, Фогт и Мошотт изживают на Земле то, что появилось с кометой Галлея как мощное знамение из Космоса. А теперь - так как человечество должно быть испытано, должно самостоятельно пробиться, почувствовать сопротивление духовности, чтобы тем большие силы развить для своего подъёма - теперь мы в ожидании того, что с новым появлением кометы Галлея*, явятся из мироздания силы, которые могут сбросить человека в ещё более плоский, в ещё более отвратительный материализм. Родиться может нечто такое, что, может быть не представляли себе самые плоские приверженцы бюхнерианства. Эта возможность должна быть дана. Ибо только преодолевая сопротивление, человек может усвоить из мироздания твёрдую силу, ведущую его высь. */*Сквозь её хвост Земля прошла 18. 05. 1910 года. Комета Галлея, имеющая период обращения около 76 лет, появилась также в 1986 году./*

Имея это ввиду, мы получим правильный взгляд на то, что можно назвать «небесными знаменами». Они - вне сомнения, если только не относиться к ним суеверно, а в смысле великих мировых законов: Господь Бог снова являет небесный бич, чтобы показать людям, как они должны поступать. И настоящее появление кометы Галлея заслуживает внимания. Ибо должен наступить мощный импульс вверх, чтобы выйти из жизни материалистического мирозерцания в духовность. Как нам дана возможность погрязнуть в материализме, так, с другой стороны, дана возможность подняться к светлым духовным высотам.

В последних лекциях ясно и отчётливо упоминалось о том, что ещё в первую половину XX века у отдельных людей может развиваться, как естественное свойство, эфирное ясновидение. Разумеющий Духоведение должен помнить следующее: для того, чтобы удержать человека от дальнейшего погружения в материализм, на что теперь в 1910 году указывает знамение, в лоне человеческой души развиваются силы, которые могут вывести из всякого материализма. Если человек уразумеет эти силы, они научат его, как самому увидеть Эфирную Природу Христа. Мы находимся у знаменательного перекрестка, где даже небесные знаменья поучают человека, что дорога ведёт в одну сторону ещё дальше в материалистическое болото, в другую же сторону - туда, где у человека должны развиваться силы, ведущие до истечения Кали-юга к эфирному ясновидению; дело действительно обстоит так, что призыв Иоанна Крестителя: «измените ваш душевный строй!» - относится и к нашему времени. Это необходимо подчеркнуть. Как, с одной стороны, нам дана возможность замкнуться в материалистическом болоте, так, - с другой, тем, что Солнце весной достигает известной точки в созвездии Рыб, нам открывается возможность достигнуть известного эфирного ясновидения. Знаменья в Космосе указывают и на то, что притекают силы из Космоса для духовного подъёма. Человек должен через Духоведение научиться постигать это решение. И лишь тот действительно понимает Духоведение, кто постигает это решение. Мы должны пройти через испытание, наложенное на нас Небесными Знаменьями, которые мы теперь познали, - например, в появлении кометы Галлея. Представим же себе теперь Явление Христа, как это выразится для первых предтеч в ближайшие 2500 лет, как оно имело место для Павла перед

Дамаском. Человек поднимается к познанию духовного мира и увидит, что новая Земля, новое царство пропитают человеческий мир. В ближайшие 2500 лет всё окружающее физическое изменится для человека, ибо ему откроется эфирная область, существующая и сейчас, но которую человек еще должен научиться видеть. Эта эфирная область и сейчас расстилается перед тем, кто в эзотерическом обучении дошёл до просветления, - как и перед Посвященными Кали-юги. Таким образом то, что человек научится все больше и больше видеть в будущем, существует для Посвященного вплоть до высочайших высот. И Посвящённый, по истечении определенного времени черпает по мере надобности всё заново силы из этой области. Он черпает силы для определённых достижений из той части земного окружения, которая доступна Посвящённому, которая существует - но только для того, у кого глаза открыты. Часть той области, из которой Посвящённые всё заново черпали свои силы во время Кали-юги, раскроется для большей части человечества в ближайшие 2500 лет. Раньше, при древнем ясновидении, человек мог заглянуть в духовный мир без сильного «Я»-сознания; тогда уже он, известным образом, видел то, что увидит теперь, но теперь уже с новым самосознанием. Прежде он видел духовный мир в смутном экстатическом состоянии или при углублении в собственную душу. Когда ещё этот мир существовал для взора, который превратился в чисто физический во время Кали-юга. Поэтому-то традиции, сохранившие память о древнем ясновидении, повествуют нам о неизвестной сказочной стране, скрытой от взоров нынешних людей. И в восточной литературе существуют чудесные писания со своеобразным трагическим обаянием в своём содержании, которые можно передать примерно так: некогда в человеческом царстве существовала возможность совершить паломничество в страну, откуда всё духовное вылилось в физически-чувственное. Это страна, из которой Посвященные в соответствующее время, - а Бодисаттвы постоянно, - черпали свои силы. С глубоким томлением говорится об этой стране в восточных писаниях, в иных, например, спрашивается: где она? Нам говорят имена мест, называют дороги... Но Земля эта сокрыта даже для самых посвященных лам Тибета. Она доступна лишь «посвящённым». Но далее повествуется, что страна эта снова вернётся на Землю. И это правда: она вернётся. И вождем туда будет Тот, Кого увидят люди, когда они, благодаря «Событию Дамаска», попадут в страну Шамбалла. «Шамбалла» - так зовется страна, отодвинутая от взора людей. Она доступна теперь лишь для тех, кто как Посвященные черпает из неё в определённые сроки подкрепление. Старые силы не ведут больше в страну Шамбалла. Поэтому восточные писания говорят с такой трагичностью, с такой печалью о погибшей стране Шамбалла. Но Событие Христа, которое в нынешнем столетии осенит людей, благодаря пробуждению новых способностей, возвратит сказочную страну Шамбалла, известную во время Кали-юга одним Посвящённым.

Так человечество стоит перед решением: или спуститься с тем, что несет нам комета Галлея, во тьму, лежащую ещё ниже Кали-юги или раскрыть глаза благодаря Теософическому пониманию заложенных в нас новых способностей, которые откроют нам пути в погибшую ныне, по восточным преданиям, страну, но которую Христос снова укажет человечеству: страну Шамбалла. Вот знаменательная точка на пересечении дорог: вниз - либо вверх; либо в то, что лежит как мировая Камалока ещё ниже Кали-юга - либо в то, что открывает людям возможность вступить в ту область, которая, воистину, подразумевается под именем Шамбалла.

Шестая лекция
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВЕСТИ
Берлин, 2 марта 1910г.

В течение этих зимних лекций нас много занимал с различнейших сторон вопрос о Сущности Христа, и мы старались всячески выяснить, что мы называем Импульсом Христа в развитии человечества, являющимся Самым Великим Событием во всем развитии Земли. Поэтому понятно, что эта Тема вообще неисчерпаема и что потребовалась бы Вечность для всестороннего освещения Импульса Христа, но, с другой стороны, ясно и то, что после всех наших предпосылок - что, в сущности, всё, что может интересовать человека, примыкает к обсуждению Явления Христа. Мы уже видели, что сами Евангелия стремятся подойти к Сущности Христа с четырёх различных сторон, и мы делали различные указания на Тайны различных Евангелий. Только до известной степени могли мы осветить Евангелие от Матфея. Придётся в позднейших лекциях снова вернуться к связанному рассмотрению Тайн

Евангелия от Матфея, чтобы затем подняться к Глубинам Евангелия от Марка. Если бы мы теперь, в конце зимы в нашей группе, хотя бы отрывочными намеками указали на то, что нам ещё предстоит, это слишком нарушило бы на ближайшее время цельность лекций. Поэтому сегодня и в следующий раз я затрону вопросы, которые, в некотором смысле, с другой стороны подходят к Задаче Христа. А именно, сегодня будет затронут вопрос о соотношении между человеческой совестью и тем, что Импульс Христа принес в развитие человечества. Этим будет достигнуто и другое. В следующий четверг будет открытая лекция «О человеческой совести», и сегодня здесь, в группе, мы будем говорить на ту же тему. Этим преследуется совершенно определенная цель, которая потом ещё часто будет вставать перед нашим духовным взором. А именно, следует показать, что *иначе* следует говорить о том же самом предмете, если находишься среди такой рабочей группы, как наша, чем на публичной лекции, которая предназначается и для тех, кто не принадлежит к Духоведческому Движению. Среди различных способностей, которые должны укрепиться в его душе, теософ должен ведь развить в себе чувство того, что к вещам надо подходить с самых различных сторон и точек зрения и, что тот, кто имеет уже известные предпосылки, будет иначе говорить и слушать о вещи, чем тот, кто их не имеет. Когда мы говорим в рабочей группе, мы заранее предполагаем, что душа до известной степени вжилась в представления духовного мира, находится среди ощущений и чувств о духовном мире и, что из этих ощущений и чувств и мыслей слагается представлений о такой вещи, как человеческая совесть. Поэтому ответ на подобные вопросы рабочей группе может исходить из больших глубин, чем на публичной лекции для нетеософической публики. Ведь эти публичные лекции как раз имеют целью через проявление душевной жизни, привлекаемые сначала как внешние переживания, построить мало-помалу как бы доказательство того, что истины Духоведения - Действительные Истины. Это другая задача, чем говорить для самого духоисследователя, приносящего уже известные предпосылки, убеждения, может быть даже известные воззрения о духовном мире. Духоисследователь должен мало-помалу привыкать самым различным образом и из различнейших источников черпать те понятия и представления, которые объясняют ему то или иное; и Духоисследователь должен отвыкать от дурной привычки - но, которая по необходимости должна продолжаться во внешней жизни, - полагающей, что к вещам можно подходить лишь с одной стороны.

Человеческая совесть затрагивает самые глубины нашей души. И сколько бы ни выступало в течение веков философов и вообще людей, задумывающихся над загадками бытия, их всегда интересовал и вопрос о человеческой совести. Как раз относительно такого явления, как совесть, легко впасть в иллюзию - которую мы уже часто отмечали, - что всё, что теперь есть в человеческой душе, в ней уже от века существовало. Мы уже видели, что различные душевные свойства и проявления, развившиеся в человеке в течение тысячелетий, были совсем другие в седой древности. И много из того, что теперь для нас самое дорогое, самое верное в нашей душевной жизни, не существовало в наших душах, когда они за много тысячелетий воплощались на Земле. Прохождение через различные воплощения имеет ведь свой смысл, мы на этом часто останавливались. Смысл тот, что душа развиваясь от воплощения к воплощению, овладевает всё новыми способностями и силами; она действительно переживает «историю», её земное существование является временем учения; иной она была в начале наших воплощений, иной она стала теперь, иной она явится в далёком будущем. И человеческая совесть - это драгоценное достояние человеческой души: звучащая, как Божий глас, в вопросах добра и зла в душе каждого человека - и этот драгоценный дар не всегда существовал внутри человека. И совесть прошла через развитие. И сравнительно не так давно она появилась и начала все дальше развиваться. И хотя она - драгоценный дар, это ещё не значит, что и через все последующие воплощения она точно так же будет жить в душе человека, как теперь. Она будет развиваться дальше, будет принимать другие облики, приносить человеку нужные плоды. И в позднейшие времена, когда человек пожнет эти плоды, он оглянется на совесть и скажет: «Было время, когда я получил возможность, переходя от воплощения к воплощению, приобщить моей душе совесть, и теперь я пожинаю плоды этого». Как мы теперь оглядываемся на время, когда нашей души были ещё в других воплощениях и не имели того, что ныне зовётся «совестью», так и в будущем наши души оглянутся на современные воплощения и скажут: «Слава прошлому, благодарение тем дарам, которые достались нам в прошлом как человеческая совесть! Если бы тогда совесть не развилась в наших душах, мы были бы лишены того, что нужно в настоящей жизни».

Уже из этого мы видим, что совесть принадлежит к духовному достоянию современности, и что для понимания этой современности, для понимания её душевной жизни, надо несколько понимать природу и сущность человеческой совести. Человеческая совесть возникла. На её возникновение указывалось уже не раз в различной связи. И в следующий четверг будет отмечено, что можно, так сказать, пальцем указать на тот момент, когда совесть была впервые открыта в человеческой душе. Возвращаясь на несколько веков назад в древнюю Грецию, мы встречаем едва за, полтысячелетия до Рождества Христова великого поэта Эсхила. Углубляясь в него, в этого мощного гения древнейшей греческой драмы, давая его образам действовать на себя, мы не находим у него для того, что мы называем «совестью», соответствующего выражения. За полтысячелетия до начала христианского летоисчисления величайший драматург ещё не имеет выражения для выражения того, что мы теперь называем человеческой совестью. Когда он хочет выразить душевное переживание, соответствующее теперешней «совести», он может это сделать только таким образом, что человек, совершивший, например, грех матереубийства, потрясённый этим событием, делается ясновидящим, видит в духовном образы, которые греки называли Эриниями, а римляне позднее Фуриями, это значит, что совершая грех, подобный матереубийству, человек у Эсхила не слышит того, что мы называем упрекающим голосом совести внутри себя; но его что-то толкает взирать духовно на образы, окружающие его как мстители за содеянное.

Это одно из специальных доказательств, которые вы можете найти в историческом развитии человечества, подтверждающих только что подробно изложенное. В древности был совсем другой диапазон души. Мы всегда подчеркивали, что душа лишь постепенно развилась до теперешней способности воспринимать чувствами физически-чувственный мир и пользоваться рассудком. Мы подчёркивали, что некогда душа обладала, как нормальным свойством, известным ясновидением. Это ясновидение проявлялось в эпоху Эсхила лишь в особых случаях. Душа становится ясновидящей, например, для того, чтобы видеть в физическом мире последствия своего греха. Душа Ореста после матереубийства становится ясновидящей. Она видит тогда, каких она духов пробудила своим поступком в духовном мире. Они теснятся к ней. Не внутри души находится совесть, но восстаёт ясновидящее сознание, чтобы видеть беспорядок, вызываемый неправдой в физическом мире. Это мы всюду встречаем в древности; совершивший грех ещё не слышит предостерегающего голоса совести; ибо душа в древности обладает состоянием ясновидения и видит то, что создаётся неправдой во внешнем мире.

Что же случается, когда творится неправда? Тогда мы сами создаём нечто в духовном мире. Это только материалистический предрассудок, что неправда может пройти бесследно для духовного мира. Неправда создаёт совсем особое следствие в духовном мире - воздействие, излучаемое нами, - невидимое для внешнего чувственного восприятия, но реальное для духовного видения. И подобные духовные воздействия, исходящие от того, кто сотворил неправду, являются пищей для известных существ, действительно обретающихся в духовном мире. Подобные существа не всегда имеют доступ к человеку. Они не могут подступиться к нему, если от него не исходят излучения порождённые неправдой. Происходит то же, что с комнатой, когда комната вполне чиста; мухи не могут там быть. Их и нет. Но как только в комнате - грязь, остатки пищи и т.д., также немедленно являются и мухи. Лишь только от человека исходят, благодаря его дурным поступкам, известные духовные излучения, вокруг него собираются существа, питающиеся ими. Этими существами великий греческий трагик Эсхил окружает Ореста. То, чему мы теперь внимаем как «внутреннему голосу», ещё представляется Эсхилу так, что выступает во внешних образах, ибо он знает, что в особых случаях всё еще наступало то, что в более древние времена было общим душевным состоянием; известное ясновидческое сознание. Всё прежнее оставляет пережитки в позднейшем и выступает как атавизм, но только в случаях, выходящих из нормы. Поэтому нельзя порицать того, что у Шекспира, например, является нечто подобное - как бы объективированная совесть.

Недалеко в греческом искусстве от Эсхила до Еврипида; а у Еврипида, позднейшего трагика есть уже понятие о совести. Так мы видим в древней Греции за 500 лет до Рождества Христова постепенное возникновение совести. Поищите в Ветхом Завете слово для совести: вы его не найдёте. И если мы будем рассматривать не короткие промежутки времени, а длительные периоды, то мы увидим, что совесть выступила в человеческой душе приблизительно в то же время, как и Импульс Христа. Хочется сказать: совесть следует почти как тень Импульсу Христа, когда Он и вступает в мировое развитие. Чтобы это понять, мы должны сегодня многое оживить из того, что мы усвоили за эти годы и что должно принести плоды: тогда лишь мы поймём, что

такое, по существу, человеческая совесть.

Для более глубокого уразумения совести мы должны рассмотреть тот момент, когда развитие человечества приближается к Импульсу Христа, затем - когда оно Его воспринимает и далее переходит в наше время. Мы знаем, что при этом мы имеем дело с тремя культурными эпохами развития человечества, обозначаемыми как египто-хал-дейская, греко-латинская и наша современная культура. Две предшествующие культуры древне-индийскую и древне-персидскую мы можем пока оставить без внимания; ибо тогда наши души и отдалённо не чаяли того, что мы теперь обозначаем понятием совести. В египто-халдейской культуре мы видим постепенно, как все подготавливается к тому, чтобы подняться на высшую доступную высоту для того, чтобы получить в греко-латинскую эпоху Значительнейший Импульс, Который должен быть воспринят как Импульс Христа. И в наше время мы видим эпоху, когда этот Импульс перерабатывается, - и всё больше и значительнее станет это перерабатывание в последующее время. Если мы несколько точнее припомним, как протекает это развитие - от египто-халдейской эпохи через греко-латинскую до нашей, - мы увидим, что в каждую из этих эпох особенно развивался один член человеческой души. В египто-халдейский период развивалось то, что мы называем душой ощущающей, то есть мы должны были некогда воплотиться в египто-халдейских телах, чтобы надлежащим образом воспринять те способности, которые требуются для особого развития души ощущающей. Потом наши души перенесли эти способности в следующие воплощения в греко-латинскую эпоху, чтобы здесь развить душу рассудочную. А с плодами, приобретенными в греко-латинскую эпоху, мы живем в наших теперешних воплощениях, чтобы постепенно привести к высшему развитию силы души сознательной. Таким образом, именно в эти три эпохи развивается наша душа как людей. И когда минет настоящее время, наша душа поднимется к развитию способностей Самодуха. Это произойдет в новую культурную эпоху. Тут мы видим глубокий смысл наших последовательных воплощений. Благодаря им мы постепенно овладеваем способностями, составляющими сущность человеческой души, - а в дальнейшем и теми, которые выходят за пределы чисто душевной жизни. Следовательно, во время египто-халдейской культуры наши души получили и развили силы души ощущающей; в греко-латинское время - силы души рассудочной; человек должен был нормально подняться до души рассудочной, тогда на него мог воздействовать Импульс Христа.

Но это развитие совершилось совсем различно на различных пунктах земного мира. Если мы ради душевного удобства будем полагать, что всё просто в развитии человечества, мы его никогда не уразумеем. Многому надо научиться, чтобы, до известной степени передумать великие мысли Руководящих Мировых Сущностей. И высочайшее высокомерие, когда человек считает, что истина - проста; ибо он тогда её прилагивает по своему удобству. Лишь ради удобства говорят, что истина должна быть проста. Истина сложна, потому что Дух Руководящих Мировых Сущностей может быть понят нами только, когда мы прилагаем величайшие усилия, чтобы углубиться в мысли - в самые тончайшие мысли Руководящих Мировых Духов. Не следует поэтому думать, что мы уже всё исчерпали, сказав: наши души прошли восходящее развитие сквозь греко-латинскую, египто-халдейскую и нашу современную культуру. Перенесёмся на минуту в египто-халдейскую культуру, когда ещё не было греко-латинской сущности.

В это время в областях Греции и Рима тоже жили люди; они жили, так сказать, до греко-латинской эпохи в странах позднейшей греко-латинской культуры. Также и в наших странах, на нашей теперешней почве жили люди, в то время как египто-халдейская культура процветала в Азии и Африке. В то время как в Азии и Африке во время египто-халдейской культуры некоторые души в высокой степени проходили подготовку в восприимчивости Импульса Христа, в странах позднейшей культуры, греко-латинской, жили другие люди, которые готовились привнести нечто совсем другое в общее развитие человечества. Так же и в наших местностях жили люди, готовившиеся к другому. Наши души не только в последовательности времен воспринимают различные свойства, но живут и одновременно друг около друга. Этим достигается разнообразнейшее воздействие на души и происходит дальнейшее усложнение развития. Так больше вносится в развитие человечества, чем если бы все шло по прямой линии. Действительно, надо было готовиться как в греко-латинских, странах, так и в наших, чтобы с различных сторон внести должное в культурное развитие. Совсем иная задача стояла перед азиатскими и африканскими народами, чем перед южно-

европейскими; и опять-таки другую задачу преследовали народы средней и северной Европы. Все они должны были внести совершенно различное в общее развитие человечества, - и они могли это сделать благодаря тому, что каждый приносил различные задатки и развитие.

Обращая наш взор на египто-халдейское время, на души, достигшие своей высшей точки именно в египто-халдейскую культуру, мы должны сказать: эти народы развили тогда известные свойства души ощущающей, которые именно можно было специально развить, воспринимая удивительные учения, истекавшие из египетских святилищ, или чудесную астрологию, исходившую из халдейских святилищ. То, что исходит из различных очагов культуры, двигает души вперёд. Ибо истинное значение этих культурных течений не в их содержании, а в том, *что* они вносят в развитие человеческой души.

Содержание проходит. И только неменяемые в более глубоком смысле люди могут думать, что наша теперешняя наука не будет предана забвению через несколько веков, подобно тому, как забыты многие вещи египто-халдейской культуры. Кто полагает, что Коперниковское мировоззрение представляет вечные достижения, тот глубоко заблуждается: и оно будет преодолено, как ныне - достижения египетской культуры. По своему содержанию эти вещи проходят, как и многие другие, в развитии человечества. Мы становимся, например, перед той чудесной картиной, которая вам всем знакома хотя бы по репродукциям - перед «Тайной Вечерей» Леонардо да Винчи. Если мы теперь захотим ее увидеть в Милане, мы увидим лишь слабые очертания; и мы знаем, что ещё немного, и ничего не останется от того, во что Леонардо вложил свои лучшие силы. Позднее также мало останется от прекрасных произведений Рафаэля, которые теперь так глубоко охватывают душу, если дать им на себя влиять. Все эти вещи обратятся во прах, и на физическом плане не останется воспоминания о них. Содержание этих произведений, как и содержание этих культур, умирает. Но, когда мы стоим, например, перед этими картинами, мы должны думать, что они созданы душою Рафаэля, и что эта душа Рафаэля стала другой, чем была раньше, после того, как она вызвала их к жизни. И миллионы, и миллионы людей воспринимают душою их возвышенное содержание и хоть немного становятся иными. И когда вся Земля обратится во прах, - что несомненно будет, - ничего не останется от внешнего культурного устройства. Но то, что воспринято душою, перейдет в вечность. Дары культуры - для человеческой души. Высокая мудрость для тогдашнего времени истекала для человеческих душ из святилищ Египта и Халдеи. Души должны были подвинуться вперёд на соответствующую ступень. И расстояние, на которое они подвинулись, делало их более зрелыми, чтобы получать новые блага - те блага, которые потом, в греко-латинскую эпоху, снова стали двигать души вперёд. Если бы наши души не приняли в себя то, что они могли принять в греко-латинскую эпоху, они не могли бы теперь вжиться в душу сознательную. Такова последовательность во времени.

Если мы вспомним многое, что было сказано и на публичных лекциях, мы скажем, что в трёх членах души действует то, что мы называем «Я». Из хаоса душевных переживаний, выступающих в душе ощущающей, рассудочной и сознательной, постепенно развивается «Я», как бы выкристаллизовывается, но не одинаково в разных местах Земли. В Азии и Африке, например, в эпоху египто-халдейской культуры люди развивались так, что они ещё долго находились под воздействием откровений египетских и халдейских святилищ; в то время, как отдалённые от них народы Европы развились так, что в некотором роде предвосхищали позднейшие. В европейских странах люди уже в душе ощущающей развивали до некоторой степени «Я», - сильное чувство, сильное ощущение «Я».

Тут мы дошли до бесконечно важного пункта. В Азию и Африку направились люди, которые ждали со своим «Я» до того времени, пока в душе ощущающей не разовьётся то, что может в ней развиться благодаря египетским и халдейским святилищам. В местностях египто-халдейской культуры воплощались души, которые воспринимали высокие учения, высокую культуру, но более или менее не имели отчётливого чувства «Я». В душу ощущающую, еще не сознавшую своё «Я», влагается высокая культура, господствовавшая в древней Халдее. Здесь на севере, душе не сообщается такая высокая культура. Душа остаётся более или менее необработанной, но зато она развивает в этой некультурности, в этой душе ощущающей, не воспламенённая никакими откровениями святилищ, Я-сознание. Мы можем сказать: у египто-халдейских народов Я-сознание запаздывает; оно позволяет раньше душе ощущающей воспринять известную культуру, пока не разовьются другие члены души. В Европе «Я» не ждет, но развивается уже в душе ощущающей. Но зато оно ждёт с восприятием известных культурных благ, пока разовьются позднейшие члены души, которые почти совсем не сознают своё «Я», но

зато получают в душе ощущающей как бы наитие высоких откровений. В Европе души, не имеющие особо высокой культуры, но оттеняющие своё индивидуальное «Я», - всматривающиеся в себя как люди, и чувствующие себя людьми. Между этими двумя крайностями стоят греко-латинские народности, которые имеют специальной задачей развитие свойств души рассудочной. Они развивали «Я» в душе рассудочной - и могли одновременно воспринимать душой рассудочной известную культуру. Таким образом, египто-халдейская культура ожидала для своего «Я» более позднего времени, европейская культура рано развила это «Я», а греко-латинская культура, в известном смысле, сохраняла равновесие: в ней культура развивалась совместно с «Я».

Этим мы указываем на великую Тайну человеческого развития; не знал её, мы никогда не поймём, почему именно Импульс Христа невозбранно получил доступ и влияние в Европе. Мог ли Христос появиться в Европе?

Нет, этого Он не мог бы. Он появился в греко-латинскую эпоху, эпоху души рассудочной. Она была так подготовлена к тому, чтобы, так сказать пойти навстречу Христу. Но никогда Христос не мог бы появиться в Европе, потому что там сохранилось сильное чувство «Я». Это сильное индивидуальное чувство «Я» не годилось для того, чтобы создать отдельного человека, который имел бы перед всеми другими то преимущество, что он один мог воспринять высочайшее. В европейских странах развилось скороспелое чувство «Я», слишком сильное чувство равенства людей. Потому там не было возможности одной личности так высоко подняться над другими, как поднялась над своими современниками Та Личность, Которая образовала в Палестине Сосуд для Христа. На ранней ступени чувство «Я» не должно было проявиться так интенсивно, как в Европе, если надлежало найти Тело для Воплощения Христа. Поэтому Он должен был появиться именно там, где на границе египто-халдейской и греко-латинской культуры была возможность для образования Такого Тела, которое не носило бы еще в себе преждевременного чувства «Я», но имело бы, тем не менее, глубокое понимание для того постижения духовного мира, какое было воспринято египетской и халдейской культурой. Но, если Европа была не в состоянии создать Тело Христа, она была вполне подготовлена, после того как Появился Христос и Принёс людям полное Я-сознание, постигнуть это Я-сознание - по той причине, что европейские народы на заре своей новой жизни слишком рано усвоили это чувство «Я» и как бы срослись с ним.

Это мы должны иметь в виду, если хотим понять восход новой культуры. В Азии и в Африке мы встречаем людей, которые много знают о тайнах мира, умеют создавать известные символы; короче, они так развили свою душу ощущающую, что имеют богатую душевную жизнь; но чувство «Я» у них - слабо. В Европе мы встречаем людей, имеющих меньше той культуры, которую внешне можно усвоить из откровений; зато мы находим там тип человека, который ищет себя в себе, находит в себе самую твёрдую опору. Так была подготовлена в Азии почва для появления Христа, там могло образоваться Тело для восприятия Христа, а в Европе люди были лучше всего подготовлены, чтобы принять вестник Я-сознания.

Европейским народам Он Принес то, чего они жаждали. Поэтому, именно в Европе развивается та удивительная Мистика, которая захотела принять Христа в собственную душу, в «Я»: Христианская Мистика.

Итак, мудрое мировое водительство подготавливает человечество на различных пунктах земного шара, чтобы всякий момент развития получил бы должное. Это одно из великих приобретений Духоведческого Мировоззрения, что всё больше развивается чувство того, как Мудро протекало всё в человеческом развитии и во всем мире. В продолжении тысячелетий на европейской почве душа подготавливалась к тому, чтобы сколь возможно рано получить твёрдую точку опоры в себе: для развития этой точки опоры в ней были задержаны те силы, которые в Азии получили такое высокое развитие. Поэтому культурный поток идет из Азии, сильное чувство личного «Я» восходит в Европе. Да, мы можем прямо пальцем указать на то, что Адриатическое море составляет почти точную границу: с одной стороны, ещё более слабое чувство «Я» в Греции, где человек ещё не столько сознавал себя отдельной индивидуальной личностью, сколько афинянином, спартанцем, фиванцем, принадлежащим к своему полису, - с другой стороны, римские культурные области, где сильное чувство «Я» существенно привито в сознании римского гражданина, который как личность твердо стоит на своей почве. В Греции «Я» еще несколько отстает в человеке, он больше получает от внешнего мира, так что «Я» может не принимать в этом участия. А перейдя Адриатическое море, мы попадаем в Рим и видим, что там римский гражданин твердо стоит на своих ногах, определенно чувствует свое «Я». Все это покоится на глубоком, на значительном основании. Ничто не может разыгрываться на физическом плане без

того, чтобы в духовном мире не происходило соответственных событий. Мы видим, что в греческой культуре «Я» ещё сильно отстает назад. Многое там воспринимается ещё безлично. Грек чувствует себя не отдельным гражданином, но членом афинского, спартанского или фиванского организма. Это нужно стряхнуть с себя. Стремление к внешнему восприятию должно исчезнуть, и человек должен войти вглубь своей души, чтобы всё больше сделаться западным человеком.

То, что должно служить образованию больших масс, должно быть раньше пережито Великими Вождями, Великими Индивидуальностями. И мы видим, вспомнив то, на что мы неоднократно указывали, что грек еще отчетливо сознавал, что для него особенно ценно то, что дается ему извне, не затрагивая глубоко внутреннего его индивидуальности. Ещё раз я напоминаю изречение высокоразвитого грека, позволяющее нам глубоко взглянуть в стремление греческого народа: «Лучше быть нищим на земле, чем царём в царстве теней». Ещё не понята великая ценность невидимого, сверхчувственной жизни. Из окружавшего берётся то, что может быть взято без участия «Я». И глубоко потрясающий зрелищем на повороте времени стоит, как пограничный столб, Великая Руководящая Личность, Которая отходит от старых воззрений и воспринимает новые, и её Голос как эхо звучит далеко для духовного мира. «Теперь должно наступить время, когда будет воспринято не только то, что без помощи «Я» втекает в человеческую личность, но то, что через посредство «Я» входит в человеческую личность».

Это событие совершилось в одном из великих мудрецов той древнегреческой эпохи, которая частью захватила и остров Сицилию - в Эмпедокле. Во многих легендах, которые ныне просто так рассказываются, лежит необычайно глубокое. Про Эмпедокла, великого Мудреца, который был не только великий философ, но и Посвященный в глубокие Тайны времени, один из величайших государственных людей всех времён и, вместе с тем, жрец в Агрогенне, - про него повествует легенда, - но в ней оккультная истина: свершив свою миссию в Сицилии, он погрузил своё тело в Этну, чтобы соединить свои внешние оболочки с почвой Сицилии, чтобы как бы подтвердить: «Ныне должна настать твердая вера в «Я», хотя внешнее и исчезнет». Жертва внешней оболочки была принесена Эмпедоклом, когда он отдал свои оболочки Этне. За этим лежит глубокая оккультная истина. Тот, кто теперь ещё приезжает в Сицилию, может почувствовать следующий духовный факт: в духовно-вдыхаемом воздухе Сицилии еще и сейчас есть воздействие деяний Эмпедокла. Душа Эмпедокла воплощалась далее; тело его приобрело особое значение тем, что оно было сознательно передано стихиям, так что и теперь его находят в духовной атмосфере Сицилии. Тело Эмпедокла принадлежит к составным частям духовной атмосферы Сицилии.

Для меня был важный момент - в нашей группе ведь мы можем говорить и о таких вещах - когда я несколько дней тому назад мог оказать нашим палермским друзьям в их непосредственной близости то же самое про их Эмпедокла, что я говорю сейчас: «Кто с духовным сознанием вступает на вашу землю в Сицилию, тот ещё и теперь духовно вдыхает то, что проникло в воздух Сицилии жертвенной смертью Эмпедокла».

Итак, мы видим, что то, что мы внешне пространственно отметили Адриатическим морем - границу между Востоком и Западом, - указывается нам великим вождём человечества: для того, чтобы продолжать воздействовать на Западе, он сознательно освобождается от того, что обуславливало рост на Востоке, и хочет спасти для дальнейшего развития то, что возвышается над всеми элементами внешнего физического плана.

Всматривание в эти различия глубоко потрясает: ибо они показывают, как в отдельных областях земли готовится раздельное, чтобы потом в разнообразии достигнуть величайшего. Взаимодействием разнообразнейших элементов должна быть достигнута цель общего развития человечества. Из этого мы видим, что Христос Явившись на Востоке, перевёл на Запад и там был принят у людей, подготовительных сильным Я-сознанием к пониманию Того, Кто Принес в мир сильное Я-сознание. Тайна Христова Вступления на Запад в том, что Он нашел подготовленные души и, что эти души Его восприняли. Мы видим, таким образом, что восточное человечество создаёт возможность для образования такой телесности, состоящей из физического, астрального, эфирного тела, в которую может войти Христос, приносящий через Я-сознание и вместе с Я-сознанием Импульс Любви на Земле. Любовь в самой душевной духовной форме была принесена Христом на Землю, - Любовь, как бы возникающая в этой форме на Востоке, - так мы рассматривали ее сначала - и как бы распространяющаяся потом на Запад и здесь усвоенная - так рассматриваем мы дальнейшее развитие.

Посредством чего именно на Западе Я-сознание могло действовать так, что оно чувствовало себя родственным с Христом? Что произошло с душами, рано воспринявшими Я-сознание? Египто-халдейские народы ждали с развитием «Я» до души сознательной; греко-латинские

народы развили «Я» уже в душе рассудочной; культура европейского севера предварительно развила «Я» в душе ощущающей. Следовательно здесь душа ощущающая работала совместно с Я-сознанием совсем иначе, чем где бы то ни было в другом месте. Впервые в развитии человечества душа ощущающая и Я-сознание проникли друг в друга на севере Европы. Что же произошло благодаря тому, что у европейских народов Я-сознание уже укрепилось в душе ощущающей, прежде чем Христос Вступил в человеческое развитие; прежде, чем эти народы восприняли то, что развилось в Азии? Благодаря этому в душе ощущающей развилась сила, которая только оттого и могла развиться, что душа ощущающая, ещё вполне девственная и не затронутая влиянием других культур, прониклась чувством «Я». И эта душевная сила обратилась в совесть, в сочетание чувства «Я» и души ощущающей. Отсюда замечательная невинность совести. Как говорит её голос? Он говорит в самом простом, наивном человеке, как и в самой сложной душе. Он говорит непосредственно: это хорошо, это - дурно - без теории, без какого-либо учения. С силой влечения, инстинкта действует в нас то, что нам говорит: это - хорошо, это - дурно. Нигде вы не найдёте того, что развилось за Западе так, как мы это сегодня разобрали. Поэтому оно, как заря, посылает свои первые лучи вперёд, в Грецию, а оттуда в Рим, и там уже оно явственно выступает перед нами. У римских писателей мы находим впервые слово совесть». В то время как у греков оно является только спорадически, в первых намёках у Еврипида, у римлян оно уже сильно выдвигается как общеупотребительное слово. Это влияние культурного течения, возникшего из взаимного проникновения чувства «Я» и души ощущающей: чувство «Я», возносящее человека от низшего к высшему, звучит уже, как Глас Божий, в душе ощущающей, где обычно раздаются лишь голоса влечений, вожеланий и страстей, и устремляет душу к таким поступкам, которые позволят ей проникнуть до высшего «Я».

Таким образом, в человеческом развитии совесть возникает впервые у европейских народов. Отсюда она излучается и сообщается прочему человечеству. Мудрое Мировое Водительство подготовило человечество одной местности так, что совесть могла явиться вкладом в общее развитие человечества. Этим, в сущности, мы уже дали всё, что объясняет нам совесть. Мы уже дали то, что в ней не поддаётся определению - выявление совести из недр души. Она говорит, как влечение, а сама все-таки не влечение. Те философы, которые описывают ее, как влечение, глубоко заблуждаются. Она говорит с тем же величием, что и душа сознательная, когда она появляется; но она говорит одновременно с элементарными, первобытными силами.

Так на Востоке Земли восходит - Любовь - на Западе - Совесть. Они связаны друг с другом: как только появляется Христос на Востоке, на Западе пробуждается Совесть, чтобы как Совесть воспринять Христа. В этом одновременном возникновении События Христа и понимания Этого События - в подготовке этих двух Событий на различных пунктах земного шара - мы видим проявление Божественной Мудрости, заключенной в нашем развитии. Этим мы указали на прошлое Совести.

Вспомнив то, на что уже не раз указывалось: что мы теперь, во истечении Кали-юга, находимся в переходном состоянии, когда должны развиться новые силы, - мы легко поймем, что идёт навстречу важным вопросам относительно развития нашей совести. Последний раз мы сильно и остро подчёркивали, что мы идём навстречу новому Событию Христа тем, что душа приобретает способность в известном эфирном ясновидении лицезреть Христа и пережить в себе Событие Дамаска. Поэтому мы можем поставить вопрос: что сделается с параллельным событием - с развитием совести - в ту эпоху, в которую мы вживаемся? Этот вопрос мы предложим себе в следующее воскресенье (8 мая) и тем лучше всего почтим наш День Лотоса, указывая на живое в Духоведческом Движении и изображая нынешнее переходное состояние душевных сил человека. Мы увидим, что совесть может быть освещена с самых различных сторон. Совсем Экзотерически это будет сделано в следующий четверг, на публичной лекции; но и на ней уже можно считаться со многими предпосылками, потому что эти публичные лекции длятся уже годы.

Можно говорить о совести так глубоко, как сегодня, можно говорить так Экзотерически, как в будущий четверг, и можно еще глубже говорить о совести. Но ещё пройдёт некоторое время, пока мы будем готовы к этому.

Лекция седьмая
ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОВЕСТИ
Берлин, 8 мая 1910г.

Сегодня, 8 мая мы празднуем в Теософическом Обществе день Белого Лотоса, который обозначается во внешнем мире как день смерти возбудительницы того духовного течения, к которому мы принадлежим. Нам скорее подходит выбрать другое наименование для нашего праздника, взять его из нашего познания духовного мира, и которое звучало бы так: переход от одной деятельности на физическом плане к другой деятельности в духовных мирах. Потому что для нас это не только искреннейшее убеждение, в обычном смысле слова, - но - все растущее познание, что то, что зовется в обычном мире "смертью", является переходом от одной работы, от одной деятельности, вызываемой впечатлениями внешнего мира, к другой деятельности, непосредственно возбуждаемой духовным миром. И, вспоминая сегодня великую возбудительницу Е. П. Блаватскую и те руководящие личности, которые ныне тоже уже перешли в это духовное царство, мы хотим, в особенности, попытаться составить себе представление о том, как мы сами ведем наше духовное движение, дабы оно могло явиться продолжением той деятельности, которую проявляла основательница на физическом плане до ее ухода с последнего - продолжением этой деятельности, с одной стороны, но и возможностью для основательницы продолжать из духовных миров свое воздействие на наше настоящее и будущее. Ради такого дня приличествует нам прервать обычные теософические исследования и обычную теософическую жизнь на этих собраниях, чтобы произвести ряд испытаний совести - устремить взгляд назад - на то, что может из самого теософического движения осветить нам его сущность и обязанности, и, вместе с тем - вперед, на то, во что должно вылиться теософическое движение - что мы должны делать и чего не должны.

Совсем особыми обстоятельствами, известной исторической необходимостью вызвано в новейшее время то, что мы называем «теософическим движением». Вы знаете, что здесь дело было не в том, - как в подобных духовных или других движениях или объединениях, - что одна или несколько личностей поставили перед собой те или иные идеалы, обусловленные их душой, их сердцем, и стремились воодушевить других, чтобы основать союзы, общества и превратить в действительность эти идеалы, лично их воспламенившие. Мы не должны истолковывать наше теософическое движение таким образом, если хотим его правильно понять. Его можно понять только как историческую необходимость нашей современной жизни, которая должна была проявиться, что бы при этом люди не испытывали и не чувствовали, - потому что она, так сказать, покоилась в лоне времен и должна была народиться. Чем же надо считать это теософическое движение? Его надо считать нисхождением, новым нисхождением духовной жизни, духовной мудрости и духовных сил из сверхчувственных миров в физически-чувственный мир. Такое нисхождение духовных сил, жизни и мудрости должно, ведь, было свершиться - и будет все повторяться в будущем - для дальнейшего развития человечества. Разумеется, сегодня не входит в нашу задачу указать на все отдельные великие импульсы, благодаря которым духовная жизнь притекала из сверхчувственных миров, чтобы, так сказать, обновить состарившуюся духовную жизнь человечества. Это часто случалось в течение времен. Мы укажем только немногое.

В отдаленнейшем прошлом, вскоре после великой атлантической катастрофы, сохранившейся в преданиях различных народов как «сказание о потопе», имел место тот импульс, который мы можем обозначить, как внесение духовной жизни в человеческое развитие древними святыми Риши; потом у нас тот поток духовной жизни, который притекает в человечество через великого Заратустру, или Зороастра; затем другой духовный поток жизни - в том, что дошло до древне-израильского народа в откровении Моисея; и, наконец, Величайший Импульс, самый мощный поток Сверхчувственной жизни в чувственный мир дан Появлением на Земле Христа Иисуса. Это самый мощный Импульс не только по отношению ко всему прошлому, но, как мы уже указывали, и по отношению ко всему будущему развитию Земли. Но также указывалось и на то, что должны появляться все новые импульсы, в человеческое развитие должна вливаться все новая духовная жизнь и изменяться подход к прежней духовной жизни. Потому что иначе засохнет и погибнет древо человеческого развития, которое должно зеленеть для того, чтобы человечество достигло Цели своего развития. Новые духовные импульсы, притекающие в нашу жизнь, должны все больше и больше способствовать уразумению могучей волны Жизни Христа, влившейся в человеческое развитие.

С приближением нашего XIX века снова наступила для человечества пора, требовавшая нового вмешательства, нового жизненного импульса. Снова должны были излиться из сверхчувственного в наш чувственный мир новые импульсы, новые откровения. Эта необходимость должна была ощущаться на самой Земле, но ее особенно ощущали в тех областях,

откуда исходит Водительство всей нашей земной жизни: в духовной областях. Только близорукое человеческое существо могло бы сказать: «Ах, для чего продолжается приток совсем новых родов истин? Для чего все новые познания и новые импульсы? Ведь то, что дано, например, в Христианстве, уже дано, и могло бы продолжаться так дальше». Это рассуждение, с высшей точки зрения, определенно эгоистическое. И что подобные эгоистические рассуждения встречаются так часто именно у тех, кто считает себя подлинно благочестивым и религиозным, именно и доказывает необходимость освежения духовной жизни. Как часто мы слышим теперь: «Для чего новые духовные течения? У нас старые предания, дошедшие до нас сквозь исторические времена; мы не дадим их портить тем, кто воображает, что лучше всех все знает». Это эгоистическое проявление человеческой души. Только эти люди не сознают своего эгоизма. Они хотят заботиться лишь о потребностях собственной души. Они говорят себе: «Мы ведь довольны тем, что имеем». И выставляют догмат, ужасающий догмат совести: «Если мы довольны по-своему, то те, которые должны учиться у нас, наши потомки, должны быть также довольны, как и мы. Все должно идти согласно нашему сердцу и уму». Такую речь слышишь во внешнем мире часто. И это не только душевная узость, это связано с эгоистической чертой в этой человеческой душе. А в религиозной жизни, под маской благочестия, встречаются, быть может, самые эгоистические души.

Открытый для понимания взгляд на все окружающее мог бы научить человека, серьезно относящегося к духовному развитию человечества, одному: что человеческая душа развивается и что все больше и больше подготавливается веками сложившееся представление о величайшем Импульсе, об Импульсе Христа. Я вообще неохотно упоминаю о современных вещах, потому что современная внешняя духовная жизнь, по большей части так незначительна, что серьезному наблюдателю не выискать в ней более глубоких сторон. Но, тем не менее, для наблюдателя времени должно стать вопросом совести то, что теперь часто происходит в современной жизни. Последние недели, например, почти на каждом столбе Берлина было объявление о лекции или собрании на тему: «Жил ли Иисус?». Вы все, быть может, знаете, что побуждением к разбирательству этого вопроса, которое вели в самых широких кругах, - и подчас весьма радикальными средствами, - послужили воззрения одного немецкого профессора философии, ученика автора «философии бессознательного» Эдуарда фон Гартманна - профессора д-ра Артура Дрекса и, в особенности, его книги «Миф о Христе». Содержание этой книги стало известно из лекции профессора Дрекса, прочитанной в Берлине под заглавием «Жил ли Иисус?».

В мою задачу сегодня, конечно, не входит заняться частностями воззрений Дрекса. Я хочу только показать несколько главных мыслей. Автор «Мифа об Иисусе», стало быть, современный философ, претендующий быть носителем науки и мышления своего времени, разбирает отдельные источники, на которых покоится утверждение, что в начале нашей эры Жила Личность под именем «Иисуса из Назарета». И он пытается с помощью того, что критика и наука, со своей стороны, установили, составить нечто такое, что дает ему повод сказать: «Разве отдельные Евангелия суть исторические источники, доказывающие действительное существование Христа?». И он берет все, что современное богословие породило с разных сторон, и пытается показать, что ни одно Евангелие не может быть историческим источником, и что Евангелиями нельзя доказать существование Христа. Все другие, имеющиеся у нас, чисто исторические источники, тоже не являются непреложными, и по ним нельзя заключить об «историческом Иисусе».

Всякий, знающий эти вещи, признает, что чисто с внешней стороны такой подход профессора Дрекса имеет многое за себя и является как бы результатом современной богословской критики. В частности я не буду вдаваться. Но главное в том, что в наше время человек, воображающий, что он является носителем научности в философском смысле, выставляет утверждение: «Нет исторических источников, доказывающих существование Иисуса: все подобные источники не убедительны». Дрекс и все, следующие за ним, держатся того, что мы имеем от апостола Павла (есть уже новейшие люди, сомневающиеся и в подлинности все Посланий Павла; но так как автор «Мифа об Иисусе» не заходит так далеко, нам незачем на этом останавливаться). О Павле Дрекс говорит следующее: Павел исходил не из личного знакомства с Иисусом из Назарета, а из того, что он получил как откровение при событии Дамаска. Мы знаем это, безусловно, истинно. Но теперь Дрекс приходит к следующему взгляду: что за представление о Христе составилось у Павла? Это представление чисто духовного Христа, который может, так сказать, обитать и постепенно осуществляться в каждой человеческой душе. Но нигде не является для Павла необходимость отождествить этого Христа, рассматриваемого, как чисто духовное существо, с

исторически недоказуемым Иисусом. Поэтому можно сказать: жил ли исторический Иисус, мы не знаем; образ Христа у Павла чисто духовный, чистая идея, отражающая лишь то, что может жить в каждой человеческой душе, как импульс к совершенству, как род Бога в человеке. Далее автор указывает на то, что известные представления, - похожие на представления христиан о Христе Иисусе, - существовали и прежде, как род дохристианского Иисуса, и отмечает у разных восточных народов понятие Мессии. Это все-таки приводит Дрекса к вопросу: «Чем, в сущности отличается идея Христа (которую даже он не может отрицать у Павла), чем отличается этот образ Христа в голове и сердце Павла от того, что имели прежде, как идею о Мессии?». И Дрекс говорит: люди до Павла имели образ Бога в виде Христа, в виде Мессии, который не сделался настоящим человеком, не спустился до индивидуальной человечности. В различных празднествах, мистериях и т.п. они совершали как бы символические действия страстей, смерти и воскресения. Это была лишь, так сказать, общая идея. И автор «Мифа об Иисусе» спрашивает себя: «В чем же новое у Павла? Как сам Павел разработал идею Христа?».

Он сам отвечает: Павел пошел дальше другим путем в том отношении, что он не просто представлял себе всеобщего, царящего в высших сферах Бога, но Бога, ставшего индивидуальным человеком. Еще раз прошу заметить: в смысле автора «Мифа о Христе» Павел представляет себе Христа, как настоящего индивидуального человека. Но теперь является нечто весьма своеобразное: Павел будто бы остановился на этой идее. То есть Павел имел идею о Христе, как от истинном человеке, но этот Христос как человек не существовал для Павла. Павел будто бы сказал себе: «Высочайшая идея та, что Бог, Христос, не только парит в высших сферах, но спустился на землю и стал человеком; но я не полагаю при этом, что этот Христос действительно жил на земле в человеке». Автор «Мифа о Христе» подсовывает Павлу представление о Христе, которое является издевательством над всяким здоровым мышлением. Выходит, будто Павел сказал себе: «Христос должен был бы быть в действительности индивидуальным человеком, но я отрицаю, хотя я это проповедую, что этот исторический Христос жил».

Вот в чем сущность вопроса, и не требуется большой богословско-критической учености, чтобы ее опровергнуть. Тут надо лишь коснуться автора «Мифа о Христе» как философа. Ибо невозможно себе даже представить такое понятие Христа. Павловская концепция Христа такова, если только брать ее в смысле Дрекса, что она совершенно не может существовать без допущения исторического Христа. Таким образом, сама книга требует существования исторического Христа. Таким образом, ныне в широких кругах можно считать серьезным научным трудом книгу, содержащую в своей основе такое противоречие, которое издевается над всякой внутренней логикой. Человеческое мышление может идти ныне таким кривым путем. Откуда это? Кто хочет уяснить себе развитие человечества, должен бы ответить себе на вопрос: откуда это?

Происходит это потому, что, в конечном счете, не логика решает, как верят и мыслят люди в ту или другую эпоху, а их ощущения и чувства, то есть как они хотели бы верить и мыслить. И глубоко заложено именно в тех, кто подготавливает понятие Христа для предстоящей эпохи, что они хотят исключить из своего сердца все, что содержится во внешних источниках, но, с другой стороны, стремятся все доказать этими же внешними источниками. Но эти источники теряют по истечении времени свою ценность, если их рассматривать чисто материально. Придет время, как оно уже пришло для Гомера, а теперь для Шекспира, и попробуют доказать, что исторический Гёте никогда не существовал. Исторические источники, взятые лишь материально, теряют свою ценность. Что же требуется теперь, когда мы живем в эпоху, лучшие представители мыслят так, что влечением сердца создается отрицание исторического Христа? Что же требуется, как новый стимул духовной жизни? Требуется возможность духовным образом понять Христа. Каково другое выражение для этого факта?

Мы знаем все, что Павел исходит из события в Дамаске. И мы знаем также, что это было для него великим откровением, - в то время, как все, что он мог слышать в Иерусалиме - на физическом плане - как непосредственное сообщение, не могло превратить Савла в Павла. Убедило его откровение из духовных миров. Лишь благодаря этому Христианство действительно возникло; отсюда Павел черпал силы проповедовать Христа. Но получил ли он лишь одну абстрактную идею, противоречивую в себе? Нет. Из того, что он узрел в духовных мирах, он вынес убеждение, что Христос Жил на Земле, Страдал, Умер и Воскрес. «Если бы Христос не Воскрес, мое учение было бы пустым», - так по праву сказал Павел. Он получил из духовных миров не одну идею Христа, но уверенность в действительности Христа, Умершего на Голгофе. Тем самым для него был доказан исторический Христос (Иисус).

Что же необходимо теперь, если приближается время, когда из-за материализма эпохи

исторические источники теряют свою ценность, и каждому легко доказать, что они стали так шатки для критики, что внешним историческим образом ничего нельзя доказать? Тогда люди должны научиться понимать, что можно и без исторических источников познать Христа как исторического Иисуса, благодаря тому, что событие Дамаска может возобновиться для каждого человека через ученичество, а в ближайшем будущем даже для всего человечества, так что станет возможным увериться в историческом Иисусе. Вот новый путь, ведущий к историческому Иисусу, который должен открыться в мире. Дело не в том, правильны или нет совершившиеся факты, а в том, что они существуют! Не то важно, что книга, подобная «Мифу об Иисусе», содержит те или иные ошибки, а то, что она могла быть написана. Это показывает, что мы нуждаемся в совсем других методах, чтобы Христос был сохранен и снова найден для человечества.

Кто думает о человечестве и о его потребностях, и о том, как проявляется человеческая душа, тот не станет на точку зрения: какое мне дело до инакомыслящих людей! У меня мои убеждения, с меня этого достаточно. Большинство даже не догадывается, что за этим кроется ужасающий эгоизм. Не из внешней идеи, внешнего идеала или личного пристрастия возникло движение, которое должно показать людям, что возможно найти путь в духовный мир, и что там возможно найти и Христа; но оно возникло из необходимости. Эта необходимость представилась в течение XIX века и в соответствии с ней должны были излиться из духовных миров в физический новые возможности для людей воспринять духовную истину по-новому, потому что старый способ отмер. Какое же мнение мы вынесли о плодотворности этого пути в течение зимы?

Мы оттеняли все снова и снова: прежде всего в нашем учении мы не должны опираться на какой-либо источник или внешний документ, а первым делом спросить: что дает нам ясновидческое сознание, когда мы поднимаемся в духовные миры? Что сказало бы независимое духовное сознание, если бы в силу какой-либо катастрофы все указания на исторического Иисуса, на Евангелия, на послания Павла, пропали бы? Что говорит о духовных мирах тот путь, на который можно вступить ежедневно и ежечасно? Он гласит: «Ты найдешь в духовных мирах Христа, даже если ты ничего не знаешь исторически о том, что Христос жил на Земле в начале нашей эры». Вот факт, который устанавливается все снова повторением события в Дамаске: существует изначальное доказательство Исторической Личности Иисуса из Назарета. И подобно тому, как ученику не говорится: ты должен верить, что сумма углов треугольника равна 180 градусам, потому что это было установлено когда-то в древности одним человеком, но мы ему и сегодня можем доказать, что сумма углов треугольника равна 180 градусам, - так мы показываем теперь из духовного сознания, что не только Христос всегда Существовал, но что исторический Иисус может быть найден в духовных мирах - что Он - реальность, и реальность именно для того времени, о котором говорится.

Потом мы пошли дальше и показали, что то, что установлено помимо Евангелий Духовным Познанием, мы снова находим в Евангелиях. И теперь мы испытываем то высокое преклонение и почитание перед Евангелиями, которое ничем не может быть превзойдено, потому что мы в них находим то, что мы находим в духовных мирах - независимо от Евангелий - и мы теперь знаем: они должны исходить из тех же источников сверхчувственного просветления, из которых черпаем и мы, - они свидетельства из духовных миров.

Что такое воззрение вообще возможно, что духовная жизнь вступает в человеческую научность - это смысл того, что мы называем Теософическим Движением. И для того, чтобы могло произойти то, что должно было произойти, необходимо было дать побуждение из Теософического Общества. Это одна сторона вопроса. Другая же та, что это побуждение должно было явиться в эпоху, менее всего подготовленную для него. Это видно как раз из того, что и поныне - после того, как Теософическое Движение существует уже тридцать лет - все еще слышится старая песня о «неисторическом Иисусе» и т.п. Что же знают вне Теософического Движения о том, что возможно найти исторического Иисуса совсем другим путем, через внешние источники? Продолжают делать то, что делали в XIX веке: подкапываться под авторитет религиозных источников. Таким образом, при наибольшей необходимости для человечества получить эту новую возможность, была, с другой стороны, наименьшая подготовленность для восприятия этих откровений. Или вы, быть может, полагаете, что теперешние люди, что философы особенно зрелы для этого?

Как далеко ушли философы XX века, вы видите по идее, которую они составили о Христе Павла. Кто знаком с научной жизнью, тот знает, что эта научная жизнь является, правда, высоким и последним следствием того, что веками подготавливалось, как материализм, что она, правда,

утверждает, что она стремится за пределы материализма; но то, что проявляется, как образ мысли в материализме, есть ни что другое, как отмирающее. «Наука», как она ныне существует, поистине - зрелый плод; но она делит судьбу всех зрелых плодов - она начинает отмирать. Постигающий эту науку никогда не найдет, что она может дать новый росток для обновления своего образа мыслей и доказательств. Обдумав это, мы теперь поймем, оставив в стороне все другое, все значение стимула, данного Е. П. Блаватской - независимо от того, каково наше мнение о частностях ее жизни и дарований. Она была орудием для этого побуждения, и она оказалась подходящим орудием. И мы, члены Теософического Движения, находимся в совсем особом положении, справляя в подобный день подобное празднество. Мы празднуем личный праздник, указывающий на нечто личное. Вера в авторитет является уже очень опасной во внешнем мире; но там опасность все-таки уменьшается тем, что ревность, зависть и т.п. играют такую большую роль, что, даже когда почитание отдельных личностей выражается в довольно сильном кажении фимиамом, все-таки эгоизм и зависть верховодят людьми. Но в Теософическом Движении особенно опасны и вредны всякий культ личности и всякая вера в авторитет. Поэтому мы и находимся в совсем особом положении, когда мы справляем праздник в честь какой-либо личности. И не только привычки времени, но и положение вещей само по себе причиняет нам особое затруднение, потому что откровения из высших миров всегда идут кружным путем через личность. Личности должны быть носителями откровений - и, тем не менее, мы должны остерегаться, чтобы не смешать откровений с личностями. Мы получаем откровения при посредстве личностей. Далеко ли тут до вопроса, который снова встает: заслуживает ли эта личность доверия? Можно ли поэтому верить в дело?

Это отвечает известному направлению нашего времени, которое можно охарактеризовать, как недостаточную преданность истине. Как часто бывает, что люди объявляют себя сторонниками деятельности какой-либо личности, может быть, десятилетиями: это им совершенно подходит, они слишком любят свои удобства, чтобы подвергать что-либо пересмотру. Но если окажется, быть может, десятилетия спустя, что частная жизнь этой личности представляет что-нибудь, к чему можно прицепиться, тогда вся личность падает. Справедливо это или нет, - вопрос не в этом: важно почувствовать, что, хотя личность и представляет собой путь, через который приходит к нам духовная жизнь, на нас самих лежит обязанность проверки, и именно, проверки личности истинной, а не истины личностью. Именно в отношении личности в нашем Теософическом Движении мы должны всегда этого держаться, и, по существу, мы лучше всего выражаем наше почитание тем, что не проявляем к ним слепой веры, как это охотно делается; ибо мы знаем, что деятельность «умершей» личности только переносится в духовный мир. Мы вправе сказать: деятельность Е. П. Блаватской продолжается, и мы можем либо помогать этой деятельности, либо ставить ей преграды. Больше всего мы мешаем этой деятельности, когда слепо верим Блаватской, когда мы клянемся тем, что она думала, когда жила на физическом плане, когда мы хотим верить так, как она, быть может, верила, и видим в ней слепой авторитет. И мы помогаем ей и почитаем ее больше всего, когда мы сознаем: она дала толчок глубочайшему движению, основанному на необходимости развития человечества. Мы признаем за ней эту заслугу и знаем, что это движение должно было прийти. Но с тех пор прошли годы, и мы покажем себя достойными этого стимула, сказав себе: что вызвано к жизни, должно быть развито дальше. Мы признаем: в этой голове должно было зародиться движение. Мы не будем совать носа в частные дела Е. П. Блаватской, особенно в нынешний день. Мы знаем, что значит первый толчок; но мы также знаем, что он лишь несовершенно изображает то, что должно было свершиться. И, оглядываясь на то, что мы вызвали перед нашими душами, в последнюю зиму, мы должны сказать: Е. П. Блаватская вызвала к жизни нечто глубоко знаменательное; но что она не была в состоянии свершить то, что сейчас доказывалось: необходимость Теософического движения для События Христа осталось совершенно закрытой для Е. П. Блаватской. Ей надлежало указать на истинное ядро в религиях арийских народов; но понимание Ветхой Новозаветных откровений было закрыто от нее. Мы уважаем то позитивное, что свершила эта личность, и не смотрим на то, что было ей недоступно, и что остается добавить именно нам. Кто, побуждаемый Е. П. Блаватской, захочет пойти дальше, чем она сама, тот скажет себе: если стимул Е. П. Блаватской будет развит далее в Теософическом Движении, тогда мы придем к пониманию События Христа. Это и был недостаток первого теософического движения, что не была понята Ветхой Новозаветная религиозная жизнь. Поэтому, в сущности, все, что относится к этому - криво. И задача теософического движения в том, чтобы исправить и дополнить то, чего не было в первых стимулах. Этот факт, осознанный нами, является, в то же самое время, и требованием нашей

теософической совести.

Мы видим именно в Е. П. Блаватской предвестницу нового света. Но к чему нам этот свет, если он не должен осветить самое важное, что имеет человечество? Теософия, не имеющая средств для постижения Христианства, абсолютно не имеет цены для современной культуры. Но если она является орудием для понимания Христианства, то мы обязаны правильно пользоваться этим Орудием. Что же мы делаем, если и мы не используем стимула Е. П. Блаватской для уразумения христианства? Мы останавливаем деятельность духа Блаватской в наше время. Ведь все развивается - стало быть и дух Блаватской. И этот дух содействует ныне в духовном мире движению вперед теософии. Если же мы станем перед Блаватской с написанными ею книгами и скажем: «твоими собственными творениями мы воздвигаем тебе курган! Ты должна остановиться на том, что ты сделала в физической жизни!» Кто же, в таком случае, привязывает дух Блаватской к Земле? Кто же присуждает его к тому, чтобы он не переступил за то, что он основал на Земле? Мы сами чтим и признаем Е. П. Блаватскую именно тем, что идем дальше, чем она, как и она пошла дальше своих предшественников, пока благодать мирового развития может давать духовное откровение из духовных миров.

Это мы поставили сегодня, как вопрос совести, перед нашей душой, и это, в конце концов, больше всего в духе того товарища Е. П. Блаватской, который ныне тоже уже вступил в духовный мир - Г. С. Олькотта, первого председателя Теософического общества. Это мы особенно должны отметить в душе сегодня. Ибо как раз через непризнание живой теософической жизни возникли все теневые стороны теософического движения. Если бы теософическое движение свято и неослабно продолжало следовать своим первоначальным великим Импульсам, оно бы своими силами легко выкинуло бы вредные примеси, которые появились с течением времени и еще, несомненно, появятся. Это мы и должны серьезно делать: жизненно развивать импульсы. Теперь же во многих местах теософы, мнящие, что они работают, чувствуют себя особенно хорошо, когда они могут сказать: мы делаем нечто, что подтверждает и внешняя наука. Как приятно многим руководящим теософам, когда они могут указать на то, что и исследователи религий подтверждают то, что исходит из духовного мира; они совсем не замечают при этом, что надо именно преодолеть недуховный способ сравнения религиозных источников. Тут теософия прямо соприкасается с тем, что уже отмирало и вело, например, к отрицанию исторического Иисуса, и здесь замечается даже известное сродство. Первоначально Теософия тоже признавала исторического Иисуса только как одного из основателей религии. Блаватской не приходило в голову отрицать исторического Иисуса, она лишь отодвинула его на сто лет вперед, что, без сомнения, ошибочно. Таким образом, она Его не отрицала, но она и не познала Сущность Христа-Иисуса; она, правда, создала побуждение, чтобы в начатом ею движении Сущность Христа была бы некогда познана, но сама она не могла этого сделать. Тут первое состояние теософического движения удивительным образом соприкасается с тем, что делают теперь отрицатели Исторического Иисуса.

Так, например, профессор Древе указывает на то, что можно найти происшествия, предшествовавшие Событию на Голгофе, и в старых толкованиях богов, например, в культах Адониса или Таммуза. Там тоже является бог-герой, страдающий, умирающий, воскресающий и т.д. И тут, и там сравниваются религиозные предания и выводится заключение: вам рассказывают и про Страдающего, Умирающего, Воскресающего Иисуса из Назарета, который был Христос; но вы видите, что другие народы почитали то же самое в Адонисе, Таммузе и т.д. Везде указывается на сходство того или другого древнего бога в том, что описывается в Событиях в Палестине.

Это, в сущности, проделывалось широко и в нашем теософическом движении. При этом сравнении религий ныне совсем не замечают, что ничего не достигается сравнением Адониса или Таммуза с Событиями в Палестине. Я хочу сравнением показать вам, в чем ошибка подобного сравнения религий. Внешне оно, может быть, вполне правильно и все же глубоко ошибочно. - Предположим, что имеется мундир какого-нибудь чиновника, жившего, скажем, в 1910 году. Мундир этого чиновника представляет, вместе с тем, внешне род его деятельности, его службы. Предположим далее, что в 1930 году совсем другой чиновник носил бы тот же мундир. Но вопрос в том, *как* человек исполняет свою работу, касается уже не мундира, а индивидуальности. Допустим теперь, что в 2090 году явится историк и скажет: в 1910 году жил человек, носивший этот сюртук, жилет и брюки; но в 1930 году я вижу тот же сюртук жилет и брюки; следовательно, мы видим, что они продолжают существовать, и что оба раза мы имеем перед нами, в сущности, то же самое существо.

Такое заключение, разумеется, глупо: но не разумнее, когда говорят: мы берем передне-

азиатские религии и видим, как в Адонисе или Таммузе изображаются страдания, смерть и воскресение; тоже самое мы встречаем и у Христа. Но не в том дело, что изображены страдания, смерть и воскресение, а в том, кто воскрес. Страдания, смерть и воскресение - мундир в мировой историческом развитии, и мы не должны указывать на мундир, выступающий из легенд, а указывать на индивидуальности, носящие его. Конечно, чтобы быть понятыми людьми, индивидуальности являются в том же виде, совершают, так сказать, «деяния Христа», которые должны были показать: «Он может совершать и те деяния, которые совершил, например, Таммуз». Но за этими деяниями стояла всегда другая сущность. Поэтому всякое сравнение религий, - например, соответствие Зигфрида Бальдуру, Бальдура Таммузу и т.д. - только знаки того, что известные формы легенд и мифов встречаются у тех и других народов. Это имеет не большее значение, чем, если бы мы обращали внимание, желая узнать людей, на определенный род мундира, постоянно встречающийся в определенной службе. Это основное заблуждение, повсюду распространенное - возможное и в теософическом движении - и являющееся ни чем иным, как последствием материальных навыков мысли.

Только тогда исполнится завещание Блаватской, когда теософическое движение окажется способным воспитывать и сохранять жизнь духа - когда будут соотносываться с духом, постоянно появляющимся в живой жизни, а не в написанных книгах. Дух мы должны оберегать. Мы должны не только изучать книги, написанные столетия назад, но жизненно развивать далее то, что нам дано как дух. И мы хотим быть собранием людей, которые верят не только в книги и людей, но и в живой дух - не только говорят о том, что Е. П. Блаватская ушла с физического плана и продолжает жить после смерти, но так живо верят в откровения теософии, что считают, что они сами, собственной сущностью на физическом плане, могут служить помехой сверхчувственному продолжению деятельности духа Блаватской.

Только тогда мы будем иметь значение для теософического движения, если мы будем так думать о Е. П. Блаватской, и только тогда она сама будет иметь значение для теософического движения, если будут существовать такие думающие люди. Но для этого необходимо, чтобы двигалось вперед духовное исследование; чтобы, прежде всего, верили в то, о чем особенно упоминалось в последней публичной лекции: чтобы мы учились верить, что человечество идет вперед, и что во время Христа-Иисуса в истории возникло то, что мы называем Совестью, и что такие вещи возникают и имеют значение для всего развития. Совесть началась в определенную эпоху; прежде она была чем-то другим и будет снова иною после того, как человеческие души пройдут известное развитие в свете Совести. Как Совесть изменится в будущем, нами уже было указано.

Параллельно в наступлении События Дамаска, многие в XX веке приучатся к тому, чтобы по совершении какого-нибудь поступка сверху оглянуться на него; они станут осматриваться, получать внутренний образ поступка - сначала немногие, потом все больше и больше в ближайшие два-три тысячелетия. После того, что люди сделают что-нибудь, явится образ; они сначала не поймут, что это такое. Изучившие же теософию скажут себе: вот передо мной образ. Это совсем не греза, этот образ являет мне кармическое исполнение того поступка, который я только что совершил. Это начинается в XX веке. Потом к этому присоединится способность видеть образ совсем отдаленного, еще не содеянного поступка.

Это появится как внутренний противоположный образ поступка, как кармическое исполнение, которое некогда свершится. Человек скажет тогда: «сейчас я сделал это; теперь мне показывается, что я должен сделать, чтобы загладить мой поступок, и что меня будет все время останавливать на пути к совершенствованию, если я его не заглажу». Тогда Карма не будет только теорией, но этот внутренний образ будет испытан на опыте.

Подобные способности постепенно появляются. Развиваются новые способности; но старые несут в себе зародыш новых. Откуда же появится у людей этот кармический образ? - Из души, освещенной в течение определенного времени голосом совести. Ведь вот что важно для души: не то, что переживается то или иное внешне-физическое, а что души благодаря этому совершенствуются. Совесть готовит душу к тому, что было только что охарактеризовано. И чем больше люди пройдут через воплощения, в которых они особенно развивали совесть, чем больше они будут воспитывать эту совесть, тем больше они сделают, чтобы приобрести ту высшую способность, которая явит им в духовном лицезрении глас Божий, уже однажды им звучавший, но по-новому. Эсхил представил нам Ореста, видевшего перед собою последствия своего злого дела. Орест еще видит, как следствие его дела проявляется во внешнем мире. Новая же способность, которая разовьется в душах, покажет человеку в образах последствия его проступков

в будущем. В этом - новое. Развитие всегда идет циклами, всегда кругообразно, и древнее созерцание, присущее человеку прежде, опять явится в обновленном виде.

Так мы подготавливаем себя познанием духовного мира к правильному пробуждению в следующем воплощении; эта работа в соответствующей мере идет на пользу и нашим потомкам. Тем самым теософия по своей внутренней сути не является эгоистическим движением: она не спрашивает, что полезно для индивида, но спрашивает, что содействует прогрессу всего человечества. Мы уже дважды спросили: что такое совесть? Теперь мы еще спросили: что будем с развивающейся ныне совестью? Как представляется совесть, если рассматривать ее, как семя в той эпохе, которую переживает теперь человечество? Что будет с тем, что заложено в совести, как зачаток? - Будут охарактеризованные выше способности. Важно верить в развитие души от воплощения к воплощению, от эпохи к эпохе. Этому мы научаемся, научась пониманию Истинного Христианства. И нам остается еще многому научиться у Павла. Оглянитесь, во всех восточных религиях, а также и в буддизме, в найдете учение: внешний мир - Майя. Это, несомненно, так. Но на Востоке это ставится, как абсолютная истина. Павел также знаком с этой истиной, он ее достаточно выдвигает. Но Павел оттеняет еще и нечто другое, а именно: человек не видит истины, не видит действительности, когда он смотрит глазами вовне. Почему? Потому что, опускаясь в материю, он сам обратил в иллюзию внешнюю действительность. Сам человек своим поступком сделал из внешнего мира иллюзию. Назовите теперь вместе с Библией «грехопадением» или как хотите иначе то, что превращает для него внешний мир в иллюзию. «Богам» приписывает восточное вероучение вину, почему мир является майей для человека. "Бей себя в грудь, - говорит Павел, - ты спустился и так помрачил свое собственное созерцание, что цвет и звук не представляются в действительности, как духовные. Ты полагаешь, что цвет и звук существуют материально сами по себе. Майя все это. Ты сам обратил это в майю. Человек, ты должен сам освободиться от этого. Ты снова должен овладеть тем, что потерял. Ты спустился в материю, теперь ты должен освободиться от нее, спасти себя, но не так, как учит Будда: «укроти жажду существования». Нет, ты должен познать настоящее бытие Земли. То, что ты сам обратил в майю, ты должен исправить в себе. И ты это можешь, вобрав в себя силу Христа, которая покажет тебе истинный внешний мир.

В этом заключается великий Импульс, Импульс западной жизни, новый момент, который еще далеко не проведен во всех областях. Что знает мир о том, что в одной области даже была сделана попытка, так сказать, в духе Павла создать теорию познания? Подобная теория познания не могла бы сказать в духе Канта: вещь в себе необъяснима; но она могла бы только сказать: дело за тобой, человек. Тем, что ты теперь есть, ты создаешь неправильную действительность. Ты должен пережить в себе внутренний процесс. Тогда майя превратится в истину, в духовную действительность. Поставить таким образом теорию познания на Павловскую основу было задачей двух моих книг: «Истина и наука» и «Философия свободы». Эти две книги стоят на почве того, что является великим достижением Павловского воззрения на человека для западного мира. Поэтому эти книги и были так мало понятны, разве только в теософических кругах, потому что они предполагают именно все те импульсы, которые проявились в теософическом движении. В самом малом обнаруживается самое великое.

Подобные размышления, поднимающие нас над узкой человечностью и показывающие, как мы в нашей маленькой повседневной работе можем примкнуть к тому, что со ступени на ступень, из жизни в жизнь, все больше ведет нас в духовное существование, - подобные размышления делают нас истинными теософами. И мы можем предаваться такому размышлению особенно в сегодняшний день, посвященный личности, возбудившей движение, которое будет жить все дальше и дальше, которое ни для кого не должно остаться «серой теорией», но должно иметь в себе жизненный сок, чтобы заново зазеленело дерево, которое мы называем деревом Теософического Мирозозерцания.

В этом духе постараемся сделать себя пригодными к подготовке почвы в Теософическом Движении, чтобы она не останавливала и не задерживала бы импульсов Блаватской, но чтобы она способствовала бы их все дальнейшему развитию.